

Михаил Абрамович Мильштейн
СКВОЗЬ ГОДЫ ВОЙН И НИЩЕТЫ

Москва, Итар-Тасс, 2000 г.

АННОТАЦИЯ

Из этой книги, написанной военным разведчиком и ученым, вы узнаете о сложной судьбе человека, родившегося в бедной еврейской семье в далекой Сибири, в детстве случайно попавшего в Москву, прошедшего длинную и трудную дорогу от солдата до генерал-лейтенанта, от младшего научного сотрудника до доктора исторических наук, профессора. О московских детских домах для беспризорников, о службе в военной разведке, о работе в Институте США и Канады, о перипетиях своей сложной, но интересной жизни рассказывает Михаил Мильштейн.

Об авторе:

Мильштейн Михаил Абрамович
15.09.1910-19.08.1992

Сотрудник советской военной разведки. Генерал-лейтенант (1966). Родился в г. Ачинске Красноярского края в семье служащего. Еврей. В 1927 г. окончил неполную среднюю школу, в 1930 г. - педагогический техникум. С 1930 г. - в РККА. Работник Разведупра Штаба РККА. В 1941 г. окончил Высшую военную специальную школу. В 1941-1945 гг. - заместитель начальника управления Главного Разведуправления Наркомата обороны. В 1948 г. окончил Военную академию Генерального штаба. С 1954 г. - начальник кафедры Военной академии Генерального штаба. Генерал-майор (1955). С 1972 г. - в отставке. Умер в Москве.

Предисловие

НЕОКОНЧЕННЫЙ РАЗГОВОР

Безвозвратно уходит человек, а ты часто перебираешь в памяти многие эпизоды общения с ним. Без всякого преувеличения могу сказать, что знакомство, переросшее в товарищеские отношения, с Михаилом Абрамовичем Мильштейном составило навсегда запомнившиеся страницы в моей жизни.

Какими словами лучше охарактеризовать моего друга? Безусловно, одна из его главных отличительных черт - это мудрость. Я бы также добавил: и неистребимая потребность быть полезным людям, обществу, и неиссякаемая жизнерадостность, несмотря на выпавшее на его долю обилие неприятностей, переживаний. Когда Михаила Абрамовича не стало, то трудно было даже себе представить, что кто-то смог бы заполнить образовавшуюся ячейку «вакуума» общения.

Мне, к сожалению, не довелось непосредственно работать с М. А. Мильштейном, но мы проводили много времени вместе в поездках по линии Дартмутского движения, на встречах с коллегами - политологами, на конференциях, совещаниях. И дело даже не только в запомнившихся его ярких выступлениях в ходе острых дискуссий. Я бы сказал, что даже большее впечатление производили долгие беседы с этим прожившим яркую жизнь, опытным и остроумным человеком. Говорить с ним можно было обо всем. Этому, очевидно, способствовало и то обстоятельство, что Михаил Абрамович сочетал в себе чувство органичной причастности ко всему тому, что происходило в стране, которую он безмерно любил, стремление служить ее интересам, не покидавшее М.А. Мильштейна всю его жизнь, с критическим ретроспективным взглядом на темные стороны той социально-политической действительности, которая подчас нас окружала.

Многим сейчас не хватает Михаила Абрамовича, и мне в том числе.

Евгении Примаков,
академик РАН,
депутат Государственной Думы Российской Федерации

ОГЛАВЛЕНИЕ

- Глава 1. Моя путевка в жизнь
- Глава 2. Уроки английского
- Глава 3. Если дорог тебе твой дом
- Глава 4. Дело Гузенко
- Глава 5. Второе рождение
- Глава 6. Безопасность для всех
- Приложение 1. Иванов Ю.А. «Атомный проект»
- Приложение 2. Краткая биография исторических лиц, упомянутых в мемуарах

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

ГЛАВА I МОЯ ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Зимой 1921 года я совершенно случайно оказался в Москве.

Один из моих братьев уезжал в столицу учиться, и я вызвался его провожать к поезду. Разве мог я тогда предположить, что это событие перевернет всю мою жизнь!

Железнодорожная станция находилась в двадцати пяти километрах от нашего родного Ачинска, и добраться туда можно было только на лошадях или пешком. Нам дали и лошадь, и пролетку, и мы, счастливые, двинулись в путь. Дорога к станции, пролежавшая лесом, таила в себе немало сюрпризов. В те годы на лесных тропах промышляли бандиты. Но выбора у нас не было — дорога в другую жизнь была единственной.

С небольшими приключениями — нам все-таки не удалось избежать встречи с бандитами — мы прибыли на станцию. Поезд на Москву отходил ночью. Вагоны — обыкновенные теплушки с нарами, забитые людьми до отказа, — являли собой удручающую картину. С большим трудом моему брату удалось втиснуться в один из вагонов, а я оторопело смотрел ему вслед. Вдруг, вместо прощальных слов, он протянул мне руку, и, не успев опомниться, я оказался в поезде. На мой детский лепет о том, что мы никого дома не предупредили о нашем побеге, брат ответил:

- Потом разберемся. Возвращаться тебе одному опасно. А родителям из столицы как-нибудь сообщим о твоём побеге.

Путешествие наше, так необычно начавшееся, продолжалось больше месяца. Но вернемся на годы назад...

Наш отец попал в Сибирь из Одессы двадцатилетним юношей. Случилось это так. Однажды, во время одного из еврейских погромов, был убит полицейский. Ответом властей стала ссылка в Сибирь группы евреев, преимущественно молодых людей. В их числе оказался и мой отец. Их доставили на какой-то сборный пункт, откуда потом они единой колонной шли в Сибирь пешком. В общей сложности несчастные добирались до своих мест назначения около двух лет. Попав наконец в город Ачинск, отец почти сразу же вызвал из Одессы к себе в Сибирь любимую девушку Енту, и вскоре, как вы наверняка догадались, на свет Божий стали появляться маленькие Мильштейны. События эти относятся к началу XX века. Что делал отец в Ачинске до моего рождения, я не знаю. Что же касается семьи, то она оказалась очень большой. Моя мама родила девятерых детей: шесть мальчиков и трех девочек. Из братьев я был самый младший. О каждом моем брате и каждой сестре можно написать много, но это тема для другой книги. Все они, за исключением одной сестры, на момент написания этих воспоминаний ушли из жизни.

Жили мы бедно. Наш дом состоял всего лишь из одной большой комнаты и кухни. Из окон открывался вид на реку Тептянку и синагогу. Как мы размещались в этом доме, сказать трудно, но ночью почти все спали на полу. Мне, как самому младшему, была оказана великая честь: спать на железном сундуке. Тем не менее, жили мы дружно, пока не грянула революция, круто изменившая быт и нравы патриархального Ачинска. Мои братья с первых же дней революции приняли активное участие в ее бурных событиях. К тому времени многие из них уже обзавелись семьями, и моя мама страшно переживала за каждого из своих сыновей. Вскоре она тяжело заболела и в 1919 году скончалась в больнице в Томске. Отец, работая в синагоге шамесом, стал редко появляться дома. Он и ночевал в синагоге, где ему была выделена крохотная комнатка, скорее походившая на каморку. Я часто ходил туда к нему в гости. Он всегда был приветлив, старался чем-нибудь угостить, но чувствовалось, что со смертью матери отец потерял себя. Стараясь забыться, он много работал. Шамес, или служка, — самая низшая должность в синагоге, обычно предоставляемая беднякам, так что он топил печь, мыл полы, и, вообще, следил за порядком. А долгими вечерами просто сидел у порога своей каморки. Таким он мне и запомнился: молчаливый, потерянный, с вечной еврейской печалью в глазах...

После смерти мамы я оказался на попечении старшей сестры, Марии, которая к тому времени уже имела свою семью. Она заботилась обо мне, по крайней мере, я был сыт и одет, но, конечно, о моей учебе никто тогда и не помышлял. К девяти годам я лишь кое-как научился читать. С этим, прямо скажем, небогатым багажом я и сел в поезд, идущий в Москву.

Как я уже говорил, через месяц мы добрались до столицы, но чужой город и встретил нас как чужих. Брата моего, заболевшего в пути, прямо с поезда забрали в больницу, и я оказался на Северном вокзале Москвы один-одинешенек. В своей сибирской одежде я, видимо, производил странное впечатление. Ко всем моим бедам прибавилась еще одна: на вокзале началась облава на беспризорных, и, конечно же, меня задержали одним из первых. Так я очутился в детском приемнике для беспризорных. Размещался он в красивом особняке на одной из уютных улиц Замоскворечья. Дом в прошлом принадлежал какому-то богатому человеку, по всей видимости большому поклоннику музыки. В приемнике господствовала полная анархия. Никаких занятий здесь и в помине не было. Дети, предоставленные сами себе, развлекались потасовками, воровством, даже участвовали в знаменитых драках «стенка на стенку» на Москве-реке в районе так называемого болота. Воспитательная работа велась не воспитателями, а самими беспризорниками.

Это была, выражаясь современным языком, «дедовщина» в самом чистом виде. Старшие как могли изощрялись в издевательствах над младшими. У нас заправляли всем Царек — Валька и его подруга — Царица — Настя. Кормили нас кое-как: суп варили на рыбных костях с картофельной шелухой. Куда исчезали рыба и картофель, мы точно не знали, но догадывались. К такому, с позволения сказать, обеду еще полагался кусок черного хлеба, половину которого мы были обязаны отдавать Царьку. Он, в свою очередь, раздавал часть «чернушки» своим сатрапам, из числа старших по возрасту ребят. Малышам приходилось тяжело: свою порцию похлебки они должны были проглотить в один миг, иначе можно было остаться голодным. Многие ребята, словно фокусники, с помощью каких-то неуловимых приемов (например, неожиданного удара по плечу) незаметно «уводили» твою миску, и ты оставался ни с чем. «Качать» права было совершенно бесполезно, а плакать — даже опасно. В лучшем случае на плач могли отреагировать смехом, а то и пинка можно было схлопотать от старших по возрасту. Я привык есть настолько быстро, что, уже будучи взрослым, не мог отделаться от этой вредной привычки, вызывая удивление и осуждение тех, с кем приходилось сидеть за одним столом. В приемнике существовали свои, чаще всего жестокие правила: младшие не только платили дань Царьку, но и обязаны были выполнять любые приказы своего мучителя. Особенно свирепствовала Царица: девочки мыли ей ноги, причесывали, стирали ее белье. В случае неповиновения Царица жестоко избивала ослушавшихся.

Спали мы на брезентовых раскладушках. Среди нас были ребята, страдавшие недержанием мочи, и утром под раскладушками часто появлялись лужицы; тогда начиналась расправа над «провинившимися». Били полотенцем, а чтобы выходило больше, на его конце завязывали узел: получалось что-то вроде нагайки. Били с каким-то ожесточенным сладострастием. Как только ни пытались эти несчастные ребята бороться со своим недугом! Брали на ночь бутылки, старались просыпаться раньше других, но ничего не помогало. Наутро все начиналось сначала: испуганные, они лежали с вытаращенными от страха глазами, скрючившись в ожидании неминуемой расправы. Ни крики, ни мольбы о пощаде не помогали. Обычно утренние экзекуции проходили под руководством Царька. Конечно, воспитатели не могли не знать о творившемся в приемнике произволе, но закрывали на это глаза.

Воспитатели вообще ни во что не вмешивались, на жалобы детей не реагировали. Старших ребят никто не трогал, возможно потому, что они находились в приемнике временно, и воспитатели знали об этом. Наше заведение было вроде распределителя, пересыльного пункта. Отсюда, пройдя своего рода карантин, дети попадали в различные детские дома.

Шло время... Однажды к нам привезли новую партию детей, и вот тут-то случилось нечто экстраординарное. Был свергнут Царек. Произошло это совершенно неожиданно. Можно представить, как радовались все ребята низложению злого демона! Столько лет прошло, а тот день запомнился мне во всех деталях. Вот что тогда случилось.

Обычно Царек устраивал вновь прибывшим своего рода экзамен. Его целью было с первых же минут показать новичкам, кто в приюте «держит масть». Встреча новеньких проходила всегда по одному и тому же сценарию: Царек стоял в окружении своих друзей и первому же новичку, вошедшему в общую комнату, сразу давал какую-нибудь кличку, закреплявшуюся за ним на все время его пребывания в детском учреждении. Затем новичка засыпали издевательскими вопросами, унижительными требованиями. В случае неповиновения жестоко избивали.

Так вот, в тот памятный день в нашу «дружную» семью прибыли два брата армянина. Младшего звали Ованес, а старшего - Арташес.

Несмотря на небольшой рост, Арташес был крепышом. Черные глаза и густые брови придавали ему угрюмый и даже свирепый вид. Смотрел он на всех с подозрением и вызовом. Первым вошел в общую комнату Ованес. Арташес где-то задержался. Не успел Ованес войти, как ему подставили ножку, он споткнулся и ненароком задел Царька, тот его оттолкнул к одному из своих друзей, тот - к другому. В конце концов Ованес упал. Не успел он подняться, как его снова повалили. Испуганный и растерявшийся, мальчуган искал глазами брата. Царек подошел к Оване-су, поднял его за волосы и, тыча кулаком в нос, процедил:

-Проснись, армяшка!

От беспомощности у Ованеса на глаза навернулись слезы. В этот момент в комнату вошел Арташес.

-А-а, вот еще один абрек явился! - с презрением молвил Царек.

Арташесу тут же подставили ножку. Он покачнулся, но не упал, а бросился на помощь к младшему брату и, оттолкнув того в сторону, предстал перед Царьком, которого тут же окружила его гвардия. Ребята замерли в ожидании чего-то сверхъестественного. Впервые кто-то смотрел на Царька без испуга и даже с каким-то вызовом.

—Ну, черномазый, — процедил Царек, - вот сейчас как вмажу тебе по роже, так ты сразу побелеешь!

Арташес стоял как вкопанный, не обращая никакого внимания на угрозу Царька. В его облике было нечто такое, что сдерживало нашего главара и всю его гвардию. И вдруг Арташес как-то очень спокойно сказал:

—Давай стыкнемся один на один! Тогда ты узнаешь, кто побелеет, а кто почернеет!

Этот неожиданно смелый вызов потряс ребятню. Стыкнуться— значит подраться. Арташес был значительно ниже рослого Царька. К тому же Царек славился умением драться не только в нашем приемнике. Равных ему в этом искусстве и в округе не было.

Напряженная тишина волновала всех присутствовавших в комнате. А Царек с усмешкой смотрел на Арташеса:

—Ты, сморчок, хочешь со мной стыкнуться? Да я тебя одной левой так пристукну, что от тебя мокрое место останется!

Между тем, как мы все заметили, он впервые не перемежал свою речь отборной бранью.

—Не надо одной левой, — с южным акцентом громко ответил Арташес. - По-настоящему давай стыкнемся, один на один. Хочешь — здесь, хочешь — на улице, хочешь - в любом другом месте.

Царек хорошо понимал, что отказываться нельзя. Его авторитет был поставлен под угрозу. Он бросил презрительный взгляд на Ованеса, высморкался и снисходительно ответил:

—Ну, пойдём, армяшка-солёные уши, на чердак, чтобы все могли увидеть, как я посылаю тебя туда, где раки зимуют. Ты запомнишь этот день на всю жизнь.

Как только эти слова были сказаны, все ребята ринулись на чердак, обгоняя Царька и Арташеса. Армянин шел за Царьком, сосредоточенно о чем-то размышляя.

Весь чердак был завален какими-то нотными альбомами, и мы быстро начали очищать от бумаг место в центре. Не прошло и пяти минут, как все было готово к бою. Молча Царек и Арташес встали друг напротив друга. Мы смотрели на армянина с восхищением и одновременно жалостью. Никто из нас нисколько не сомневался в том, что Арташес будет повержен. Никогда и никому из ребят не приходило в голову подвергнуть сомнению власть Царька, поэтому мы ему и повиновались, обреченно считая, что нет такой силы, которая могла бы эту власть подорвать.

Не обращая внимания на унижительные выкрики друзей Царька, угрюмый Арташес сосредоточенно молчал. Драка долго не начиналась. Царек все пытался вывести Арташеса из себя, но тот не произнес ни слова. Он лишь согнул руки, изготовившись к драке. Началось все внезапно. Сначала Арташес легонько, словно нащупывая слабое место, нанес Царьку удар в грудь. Тот хотел ответить сильным ударом по лицу, но Арташес увернулся. И вдруг на наших глазах началось методичное избиение Царька, который так и не смог ответить ни на один удар армянина. Было видно, что Царек уже еле держится на ногах. Из носа у него текла кровь, а Арташес все бил его и бил. Наконец Царек упал. Онемевшие от неожиданного исхода, мы стояли в гробовой тишине и ждали продолжения кровавого поединка.

Казалось, время остановилось, так мучительно долго длилась пауза. И вот Царек медленно поднялся, отер кровь с лица. Во взгляде, устремленном на Арташеса, читалась ненависть. Не произнеся ни одного слова, махнув рукой в сторону своих гвардейцев, он заковылял к лестнице. Всем стало ясно:

Царек — свергнут! В тот же вечер девочки низвергли Царицу, причем сделали это с той же жестокостью, с какой она относилась к ним. А мы, младшие, подкараулив бывшего Царька, устроили ему «темную», все еще опасаясь возврата к «царизму».

Утром следующего дня Царек с Царицей, прихватив пару одеял и еще кое-что из казенных вещей, бежали из детского приемника.

Арташес установил, если можно так выразиться, ограниченную демократию и налогов со своих «подданных» не взимал. «Царская» гвардия была распущена. Но обитатели приемника еду другу друга при малейшей оплошности все же тащили, как и прежде.

Время шло, и вот, наконец, к нам нагрянула комиссия. Поползли слухи о расформировании нашего приемника. Распределить детей по детским домам оказалось задачей не из легких. В первую очередь необходимо было определить уровень их развития. Многие были неграмотны или же их знания не соответствовали возрасту. Нам устроили экзамен. Когда очередь дошла до меня, то, узнав, что я умею читать (научился я самостоятельно), мне устроили проверку. Расположил я к себе комиссию тем, что знал наизусть стихотворение М.Ю. Лермонтова «На смерть поэта».

Думаю, именно этому стихотворению я обязан тем, что попал в детский дом № 23. Он находился не очень далеко от нашего приемника, на Большой Полянке. Со мной оказался еще один мальчик — Колька Озерцов, по кличке Сова.

Первое впечатление от нового места было ошеломляющим. Все ребята были хорошо одеты: девочки в аккуратненьких платьицах, на мальчиках рубашки вроде гимнастеров, с двумя нагрудными карманами на пуговицах. Но главный предмет гордости детдомовцев — кожаные куртки! А когда мы вошли в столовую, нашему восхищению не было предела! На столах, покрытых чистыми скатертями, стояли бутылки с фруктовой водой и тарелки с белым хлебом. Белый хлеб! И это в 1923 году! Конечно же, сразу бросилось в глаза то, что дети спокойно рассаживаются по своим местам, и никто не торопится съесть свою порцию. Детдомовцы поглощали еду неторопливо. Все здесь было как-то торжественно и необычно для нас. Дружелюбие воспитателей и самих детей мы встретили как из ряда вон выходящее явление. Мы оказались в сказочном, нереальном мире. И в этом мире за нами все ухаживали. Заведующий детским домом тепло побеседовал с каждым из нас: расспросил о прошлом, предупредил о необходимости соблюдать дисциплину. Мы с Колькой даже не знали, как и кого благодарить за этот подарок судьбы. Ведь из сущего ада мы попали прямо-таки в рай. После обеда наступил тихий час, все пошли отдыхать — у каждого была своя кровать, подушка и хорошая простыня. Одним словом, для нас настала королевская жизнь.

Очень скоро мы узнали, что над этим детским домом шефствует АРА («Американская организация помощи голодающим в России»). Возглавлял эту организацию в то время Герберт Гувер, будущий президент США.

В детском доме организовали пионерский отряд, второй по счету в районе. Я в торжественной обстановке был принят в ряды пионеров и через некоторое время даже стал секретарем отряда (по тем временам что-то вроде лидера). Нам тоже выдали гимнастерки и кожаные курточки, и мы стали выглядеть как все. По вечерам нас водили на концерты, кто хотел и имел способности, мог учиться музыке. Наша жизнь приобретала замечательные очертания. Но вдруг мой кореш — Колька Озерцов — затосковал по прежней жизни и по старым привычкам.

Старше меня года на два (мне в то время «стукнуло» 13 лет), он был хитреньким и нахальным пареньком, быстро приспосабливающимся к любым переменам в жизненной ситуации. Не моргнув глазом, он мог легко обмануть, подвести даже близкого человека, находил необъяснимое удовольствие в чужом горе. И вот, каюсь, именно у такого человека я пошел на поводу. Поплатились мы за это сразу и всем!

Однажды, когда все ребята отдыхали (был тихий час), Колька втравил меня в очень неприятную историю. Мы украли несколько кожаных курток из раздевалки и продали их старьевщику на рынке за гроши. На эти деньги купили папиросы, конфеты, орехи и «шиковали» часа два, после чего вернулись в детский дом, где уже поднялся переполох. После тихого часа дети пошли гулять, и вот, одеваясь, кто-то не нашел своей куртки. Вызвали заведующего. Он внимательно посмотрел на всех собравшихся, и вдруг его взор упал на нас с Колькой.

-Вы, двое, сейчас же ко мне!

Не надо было обладать большой проницательностью и особыми детективными способностями, чтобы обнаружить виновников преступления. Заведующий даже ни о чем нас не спрашивал. Он только сказал:

- Что Сова кончит в конце концов плохо, я предполагал, но вот что ты, Мильтон (такова была моя кличка в детском доме), пойдешь у него на поводу — это для меня неожиданность. Вы оба получите направление в 46-й детский дом имени Троцкого. И очень скоро поймете, какая между нашими домами большая, нет, огромная разница. Вот тогда-то вы и пожалеете о содеянном.

Я стоял перед ним с опущенной головой и все еще надеялся на какое-то чудо. А Колька, между тем, вызываясь усмехался. Заведующий больше ничего не выяснял и не ругал нас. Кто-то принес направление, которое он тут же подписал и вручил нам:

- Все, идите. Да, вот что, Мильтон. В том детском доме все еще никак не создадут пионерскую организацию. Если ты «сколотишь» ребят, а там есть хорошие мальчики и девочки, и организуешь хотя бы небольшой пионерский отряд, я тебя возьму обратно.

На этом наш разговор закончился. Мы вышли за пределы детского дома. Колька Озерцов шел бодрым шагом, по его виду было незаметно, что он горюет.

- Ты не расстраивайся, Мильтон, там нам будет куда лучше. Здесь все паиньки, а мы с тобой — совсем другие люди.

Он хлопнул меня по плечу. А я уже думал о последних словах заведующего.

В новом детском доме кожаные куртки у нас, конечно, отобрали, правда, гимнастерки с двумя накладными карманами оставили. Но мы и этому были рады.

Главное здание детского дома имени Троцкого находилось прямо напротив завода имени Владимира Ильича Ленина. Сколько было ребят в этом заведении, сказать трудно, но, во всяком случае, не менее трехсот. Столовая размещалась в подвале. Там рядами стояли длинные деревянные столы, за каждым из которых сидело человек пятнадцать-двадцать. Еда подавалась в глубоких металлических мисках.

Встретили нас так, словно были готовы к нашему приезду, никто ничему не удивлялся. Нам сразу показали спальню. Это была огромная комната, и наши с Колькой кровати оказались рядом. Первый день в этом заведении я просто молчал. Вообще, я был, как прибитый, а вот Озерцов чувствовал себя в своей тарелке, он умел приспосабливаться к любой ситуации. Нельзя не отметить, что в этом доме жилось сравнительно вольготно. Ребята были предоставлены сами себе, делали что хотели. Как и в приемнике, учебные занятия здесь были не в почете. Помня слова заведующего, я стал присматриваться к ребятам. Заводил разговоры о пионерском отряде, учебе, планах на будущее... Все оказалось не таким простым, как мне сначала представлялось, многие смеялись и даже издевались надо мной и моими планами по созданию пионерского отряда. И все же мне удалось найти четырех парней и трех девочек, которые готовы были взяться за организацию пионерского отряда. Но с чего надо начинать, мы представляли смутно. Впрочем, все сошлись на одном: необходимо достать плакаты, красную материю и краски. На другой день нашим небольшим отрядом мы отправились к заведующему.

Это был мрачный, вечно чем-то занятый человек. Мы боялись его, хотя и виделись с ним крайне редко. Кстати, жил он безвылазно на территории

детского дома. Ребята отвели мне незавидную роль парламентаря, и я вынужден был согласиться на это испытание. Каково же было мое удивление, когда этот, на первый взгляд, тяжелый человек сразу заинтересовался нашим предложением и спросил, что нам нужно. Я с воодушевлением стал говорить о небольшом помещении для пионерского уголка, где можно было бы развесить плакаты, разместить маленькую библиотеку.

— Ну, за помещением дело не станет, — сказал наш руководитель в ответ на мою тираду. — А еще вам понадобятся деньги, чтобы обустроить ваш уголок.

С этими словами он вытащил кошелек и протянул мне деньги. Сколько он дал, я сейчас не помню. Вспоминаю только, что это были две купюры одинакового размера.

Все еще вне себя от счастья и удивления я взял у него деньги, вежливо поблагодарил и вышел из комнаты. Ребята ждали за дверью, и как только я появился, буквально набросились на меня с расспросами. Конечно, все обрадовались результатам переговоров. Мы решили завтра же все купить и быстро составили список нужных вещей. Весь день прошел в разговорах о предстоящем деле. Ночью, перед тем как лечь спать, я положил деньги в кармашек гимнастерки и заколол его английской булавкой, а гимнастерку положил под подушку. Озерцова в то время в спальне не было. Он теперь часто отправлялся в город на какие-то темные дела и приходил обычно очень поздно. На другой день утром в приподнятом настроении мы отправились в большой магазин (сейчас на этом месте станция метро «Серпуховская»). Там, возбужденные возможностью купить все, что наметили, мы переходили от одного прилавка к другому, отбирая то, что нам казалось необходимым. Наконец, я пошел в кассу расплачиваться. Девчонки увязались за мной.

Кассирша, посмотрев на бумажку, где было перечислено все, что мы отобрали, назвала общую сумму для уплаты. Я спокойно, и даже с некоторой долей солидности, отстегнул английскую булавку с кармашка гимнастерки. Каково же было мое изумление, когда я вытащил всего одну купюру. Второй не было. Я вывернул карман и оцепенел от неожиданности. Очередь начала на меня напирать, но я не обращал на толпу никакого внимания. Я словно окаменел. Девчонки, почуяв неладное, подошли ко мне поближе. Увидев мою растерянность, они поняли, что я не могу расплатиться. И вдруг одна из них, как-то зло усмехнувшись, выпалила:

— Что же ты тянешь? Наверное, спер деньги, а теперь рисуешься.

Крепко ругнувшись, она махнула рукой ребятам, и все они с хмурыми лицами ушли. Меня выпихнули из очереди, но еще какое-то время я стоял в магазине и лихорадочно вспоминал прошедший вечер в мельчайших подробностях. Деньги были в кармане. Я лег спать и ночью не поднимался. Как же могли украсть деньги из-под подушки? Все казалось невероятным. Ясно было одно: моя затея с пионерским уголком, провалилась с большим треском. Весь ужас состоял в том, что, зная мое прошлое, мне никто не поверит. Итак, катастрофа, полный крах всех моих надежд и ожиданий. Теперь в детском доме меня наверняка будут считать вором..? Что делать? Где раздобыть исчезнувшую сумму? Мысли, одна печальнее другой, разламывали мою голову. Много часов я бродил в одиночестве по городу, так ничего путного и не придумав.

Наступил вечер, но я не думал о времени, не чувствовал голода. «В конце концов единственный выход из положения, — решил я, — покончить жизнь самоубийством. Броситься, например, под трамвай». Но и эту мысль я оставил — ведь если я покончу жизнь самоубийством, кто же поверит, что это не я украл эти проклятые деньги? Так я бесцельно бродил весь день по городу и, незаметно для себя, под вечер оказался у детского дома. Открыл дверь. Там продолжалась своя жизнь. Ребята во что-то играли. Увидев меня, кто-то из них весело закричал:

— А вот и Мильтон пришел! Ну что, прогулял казенные денежки?

Меня сразу окружили. Со всех сторон посыпались оскорбительные слова. С трудом я вырвался из круга и бросился в спальню. Со мной началась истерика. Уже не помню, как долго я рыдал, но горн, призывавший всех к ужину, меня не успокоил. Ребята убежали в столовую, а я остался в спальне в полном одиночестве.

Через какое-то время меня вызвал заведующий. Он обратил внимание на мое отсутствие на ужине. Ни живой, ни мертвый, я поплелся в столовую.

Помню, он ждал меня у лестницы.

— В чем дело? Чего ревешь белугой?

Я трясущимися руками вытащил из кармана одну денежную купюру. Дрожащим голосом попытался объяснить, что вторая пропала. И вдруг заведующий громким, чтобы все слышали, голосом, сказал:

Ты что, Мильтон, уже совсем из ума выжил? Ты же вернул ее мне. Вот она! — с этими словами он достал деньги из кармана и показал всем.

Нет, — продолжал мой неожиданный спаситель, — ты не умеешь обращаться с деньгами. Давай сюда остальные деньги и иди за стол.

Он забрал и ту единственную купюру, что у меня оставалась. Тут же раздались голоса ребят:

— Эй ты, дурак, иди, садись!

Все, наконец, успокоились и расселись по своим местам. А я никак не мог опомниться. Не знаю, через какое время я огляделся по сторонам. Ребята уплетали ужин, бросая на меня вполне дружелюбные взгляды. И я расслабился, и даже немного поел.

Зачем же все-таки заведующий сказал, что я возвратил ему деньги? Почему он меня защитил? Вопросы, оставаясь без ответов, следовали в моей голове один за другим.

Нервное потрясение сказалось на моем здоровье, и на следующий день я заболел. Меня с высокой температурой поместили в изолятор. Там меня иногда навещал ролька Озерцов. И вот в один прекрасный день он раскрыл мне тайну с пропажей денег.

В тот злополучный вечер Колька вернулся поздно, а я уже крепко спал. Он хотел курить, но спичек у него не оказалось. В моих брюках Колька спичек тоже не нашел. Увидев уголок гимнастерки, торчащий из-под моей подушки, он осторожно потянул его. Ну а дальше Озерцов мог уже и не рассказывать. Все стало ясно. Деньги украл он, и именно Колька же лишил меня возможности организовать пионерский отряд в детском доме имени Троцкого.

Вскоре я вышел из изолятора, и детдомовская жизнь вошла в свое обычное русло. Мне до боли хотелось учиться, и я серьезно стал думать о том, как попасть в школу. Мне удалось найти организацию, которая могла бы мне помочь. Она называлась СПОН — Социально-правовая охрана несовершеннолетних.

Эта контора размещалась в здании, напоминавшем торговые ряды, и занимала территорию нынешней гостиницы «Россия». Директором СПОНа была женщина по фамилии Калинина. В один из дней, приведя в порядок свой уже изрядно потрепанный костюм, я направился к ней на прием. Калинина приняла меня приветливо и, узнав, что, собственно, я хочу, обещала помочь. Она дала мне направление в школу, которая находилась в Люберцах. К тому же снабдила меня деньгами на поездку в этот подмосковный городок (правда, только в один конец). Я сразу же направился туда, но школы, как

таковой, там не оказалось. В бывшем монастыре размещался детский городок со своими столярными, слесарными, сапожными и другими мастерскими. И все. Я уехал обратно в Москву и снова предстал перед Калининой. Она направила меня в какой-то другой подмосковный городок, но и там история повторилась. Мастерские были, а школы не было. Так продолжалось несколько раз. Деньги, которые давала мне эта добрая женщина, я тратил на другие цели, а ездил на поезде «зайцем». Вскоре ее терпению, равно как и ее доброте, пришел конец.

— Знаешь, Мильтон, (откуда она узнала мою кличку, я так и не понял) вот тебе последнее направление — путевка в Малаховский детский городок. Там есть все: и сапожная, и слесарная, и столярная мастерские, и сельскохозяйственная колония. Это огромный городок, в котором живут восемьсот ребят. Есть и отдельная школа. Учти, если ты опять ко мне попадешь, я тебя не приму, я уже просто не могу тебя видеть. Оставайся тогда в детском доме, где ты сейчас живешь, он будет скоро реорганизован.

Я поехал в Малаховку и сразу же попал на прием к директору детского городка по фамилии Духовой. Это был сравнительно молодой мужчина с окладистой черной бородой. Он сразу же спросил меня о том, какую специальность я хочу получить. В очередной раз я сказал, что о приобретении специальности не думаю: я хочу просто учиться — и только.

— А ты пионер? — вдруг спросил он меня громко.

Я вспомнил, что еще в 1923 году был принят в пионерский отряд и с гордостью ответил:

— Я пионер с 1923 года!

Конечно, я покривил душой и не признался, что меня исключили из пионерской организации.

Директор, долго не раздумывая, направил меня в детский дом для пионеров.

— Поезжай туда, правда, не знаю, примут тебя или нет — это дело ребят. Они сами решают, кого принять, а кого — нет. Там спросишь Володю Цимайло или Наташу, это пионервожатые. Они и заведуют детским домом.

Пионерский детский дом располагался по правую сторону железной дороги, напротив сельскохозяйственного техникума и большой школы. Меня встретил Владимир Цимайло. Прочитав направление, он сказал, что вечером соберет собрание, на котором я должен буду все рассказать о себе. И пионеры ребята сами решат мою судьбу.

В этом детском доме действительно всем заправляли сами ребята. Не было уборщиц, поваров, бухгалтера, заведующего. Ребята сами готовили пищу, сами убирали за собой, сами следили за дисциплиной. Как уже говорилось, старшими, которым все строго подчинялись, были Володя Цимайло и Наташа (ее фамилии, к сожалению, не помню). Каждый новичок обязан был все о себе рассказать, и голосованием общего собрания решался; вопрос, принять его в пионерский детский дом или нет. Ребята учились в поселковой школе на общих основаниях и в 17—18 лет направлялись в среднее или высшее учебное заведение. Мне все это было по душе. Вечером, на собрании, я подробно и откровенно рассказал о себе, ничего не скрывая, пообещал, что буду строго соблюдать все правила социалистического общежития и смогу выдержать испытательный срок, если меня не захотят принять сразу же в свои ряды. Но я был единогласно принят.

Четыре года, проведенные в этом детском доме, стали, без сомнения, самыми радостными и светлыми годами моего детства и юношества. Вот только с учебой были большие трудности. По возрасту я уже должен был учиться в шестом классе, а по знаниям мне надо было начинать чуть ли не с первого. Меня все же приняли в пятый класс, и с помощью ребят я окончил школу с хорошими оценками по русскому языку и литературе и лишь удовлетворительными по точным наукам.

После ухода из детского дома я поступил в педагогический техникум имени Профинтерна, который находился тогда в Москве, в Подсосенском переулке. В техникуме, естественно, я принимал активное участие в общественной жизни, стал секретарем комсомольской организации, в которую входило несколько сотен комсомольцев. По окончании техникума женился на студентке этого же учебного заведения. С тех пор прошло шестьдесят лет, у нас два сына, четыре внуки и один внук, и за все шесть десятилетий не было ни одного дня, который бы хоть как-то омрачил нашу совместную счастливую жизнь.

После окончания техникума мне предложили работу в Центральном комитете профсоюза работников просвещения. Меня приняли на должность руководителя группы контроля и исполнения. Председателем ЦК был Шумский, секретарями ЦК — Миханошина и Кучинский. В Центральном комитете работали старые большевики, чей партийный стаж исчислялся с начала века. Все они в дальнейшем были арестованы как «враги народа» и пропали без вести. В годы «хрущевской оттепели» их реабилитировали. В ЦК профсоюза работников просвещения я проработал всего два года. В 1932 году был объявлен призыв молодых людей моего возраста в армию, и в сентябре я был призван на действительную службу и стал рядовым 1-го полка связи Московского военного округа, который располагался тогда в Лефортово. Между прочим, мне полагалась бронь, но молодежь моего времени была воспитана в духе советского патриотизма. Ни минуты не сомневаясь, я, разумеется, от всякой брони отказался, считая службу в рядах Вооруженных Сил только что народившейся Республики Советов своим священным долгом.

ГЛАВА II УРОКИ АНГЛИЙСКОГО

Военную службу я проходил в Москве, где и получил первое звание — командир взвода. В нашем воинском подразделении готовили специалистов особого профиля.

Еще до окончания службы мне неожиданно поступило предложение от главного редактора «Учительской газеты» Полонской. Она приглашала меня на должность заведующего одним из отделов этой газеты. Все что касалось моей досрочной демобилизации, главный редактор брала на себя, ссылаясь на свои хорошие отношения с Михаилом Николаевичем Тухачевским, в то время одним из руководителей Наркомата обороны. Но служба в армии была мне больше по душе. Сказалось мое пребывание в детских домах, и я, к большому неудовольствию Полонской, отказался от столь лестного предложения. В конце 1933 года я завершил действительную службу в армии, прослужив всего один год, так как имел среднее образование.

Прошло всего несколько дней после демобилизации, как меня неожиданно вызвали по незнакомому адресу в Большой Знаменский переулок, 19, в бюро пропусков. Зачем и к кому меня приглашают, об этом не было сказано ни слова. А спрашивать, понятное дело, в моей ситуации было не положено. В назначенный час я явился в указанное место. Дверь в бюро пропусков оказалась закрытой, и первое, что меня поразило, это то, что она открылась, как по команде, после того, как я нажал кнопку. Причиной такой оперативности, как я тогда думал, были последние достижения нашей

советской техники. Там мне дали пропуск к комиссару Озолину. В то время он возглавлял (если не ошибаюсь в нумерации) седьмой отдел НКВД. В дальнейшем, в 1937 году, Озолин был репрессирован.

Комиссар НКВД встретил меня в кабинете. Начались расспросы, показавшиеся мне допросом. У него на столе уже лежало мое «дело». «Дело», собственно говоря, состояло из анкеты и биографии. Выслушав мой рассказ, Озолин был предельно краток:

- Ну что ж, вроде ты нам подходишь. А теперь пойдём к «старика».

Мы прошли в другой конец коридора и попали в приемную, где нас встретила Наташа Звонарева - секретарь Берзина. Переговорив со своим шефом, она впустила нас к нему в кабинет.

За столом я увидел плотного сложения человека, довольно моложавого на вид, но седого, с очень добрым и симпатичным лицом. На петлицах у него было три ромба. Этому «старика» в то время было всего 44 года, а был он уже начальником Главного Разведывательного Управления (ГРУ). Спустя пять лет армейский комиссар 2-го ранга Берзин был, как и Озолин, репрессирован.

Встреча с Берзиным круто изменила мою жизнь. Меня взяли на работу в ГРУ. Мне только что исполнилось 23 года. Я был слишком молод, слишком неопытен, но в то же время энергичен и исполнитель.

К моему большому удивлению, никто в управлении мне так и не объяснил, в чем заключаются мои обязанности. Мне давали разного рода задания, и я их прилежно исполнял, не задавая лишних вопросов. Уже тогда я понимал, что осторожность не помешает, и чем меньше докучаешь начальству, тем для тебя же лучше.

Наш отдел занимался расшифровкой телеграмм, приходивших от резидентов ГРУ за границей. К этому участку работы сам Берзин относился крайне внимательно. Он никогда не допускал небрежности и нарушений в порядке хранения и обращения с шифротелеграммами. Если составлял шифровку лично, то всегда писал на положенном для этого бланке, корешок же, на котором сотрудник должен был проставить число и время отправки текста, непременно оставлял себе.

Шифровки Берзина никогда не носили начальственного или приказного тона. Они всегда были благожелательными, заканчивались добрыми пожеланиями, часто вопросами о здоровье и судьбе родственников и друзей или сообщениями об их самочувствии, если семья и близкие люди наших агентов оставались в Советском Союзе. Этим он показывал нам, подчиненным, пример того, как надо относиться к тем, кто работает за рубежом, подчеркивал, что доброе слово для людей, которые в сложной и опасной обстановке, часто в одиночку, рискуют жизнью, имеет огромное значение, и об этом не следует никогда забывать.

Среди резидентов, приславших шифровки (а каждый нелегальный агент за границей имел свою шифросвязь), у него было много друзей. Он часто писал им сам, при этом (вопреки присвоенным резидентам псевдонимам) называя их одному ему известными именами.

Одновременно наш отдел обучал уезжавших резидентов или их связистов правилам пользования индивидуальными шифрами. Некоторые из них работали вместе с Берзиным еще в большевистском подполье. Все они относились к начальнику ГРУ с большим уважением и симпатией, но без малейшей доли подбострастия и лести.

Мне было интересно работать. Время бежало быстро. Я, как губка, впитывал в себя все новое. И вдруг...

В начале июня 1934 года Озолин неожиданно вызвал меня к себе в кабинет и завел разговор о том, что я якобы уже достаточно долгое время поработал в Центре и настала пора отправляться в зарубежную командировку. На это я, как всегда, коротко ответил стандартной фразой:

— Готов выполнить любое задание.

Комиссар разъяснил, что мне предстоит командировка в Харбин, в Управление Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В то время этот город никаких ассоциаций у меня не вызывал, и отнесся я к предложению комиссара лишь как к очередному служебному заданию. Харбин так Харбин.

К середине июня 1934 года все необходимые документы были готовы, я прошел необходимые проверки и подготовку. Перед отъездом меня должны были представить «Старику».

И вот вместе с Озолиным мы направились в кабинет Берзина. На этот раз в наших руках не было привычных шифровок. Я полностью был готов к отъезду в Харбин, хотя, признаюсь, суть моей новой работы в Китае мне представлялась смутно.

Благословение Берзина было обязательным: он давал окончательное «добро» на отъезд любого сотрудника ГРУ в служебную командировку.

К моему удивлению, у Берзина возникли какие-то сомнения в целесообразности моей поездки в Китай. Он сначала внимательно на меня посмотрел, а потом задал совсем не протокольный вопрос:

- А у тебя самого есть желание ехать в Харбин?

Я, по правде говоря, не совсем понимал смысл этого вопроса и ответил на него все теми же стандартными и характерными для моего поколения словами:

- Я готов ехать туда, куда меня пошлют.

И тут случилось неожиданное. Берзин улыбнулся и произнес:

- А мне кажется, что тебе незачем ехать в Харбин. Эта поездка отнимет у тебя слишком много лет и ничего не даст.

Я перевел взгляд на Озолина. Импровизация Берзина явилась для вышколенного чекиста полной неожиданностью.

- Знаешь, - обратился Берзин к Озолину, - его надо послать в такую страну, где он мог бы повысить свой профессиональный уровень, изучить язык, а в Харбине ему, уверен, делать нечего. Как ты думаешь?

Конечно, начальник ГРУ не мог не заметить растерянности Озолина. Судя по всему, Берзин имел насчет меня определенные планы на будущее.

Озолин, в свою очередь, исходил из того, что уже проведена колоссальная работа по оформлению меня именно в Харбин и «мчавшийся на всех парах локомотив» негоже останавливать на полпути.

- В данное время нет необходимости посылать наших специалистов в другие страны. К тому же и вакантных мест тоже нет.

Последние слова были произнесены Озолиным почти шепотом.

- Ну, это можно исправить. Я хочу сказать, если надо, то и необходимость появится, и место найдется! Давайте попробуем.

И тут же, на наших глазах, он снял телефонную трубку и кому-то позвонил. С кем он говорил, я так и не узнал. Но разговор, очевидно, шел обо мне. По словам Берзина, неправильно, когда молодого способного человека посылают в Харбин, намного важнее и полезнее для дела посылать такие перспективные кадры в США или в Англию. Начальник ГРУ просил кого-то поддержать его и найти место для отправки «перспективного кадра» именно в те страны, которые он обозначил в ходе своего монолога.

Повесив трубку, Берзин посмотрел на нас и твердо произнес:

- Его командировка в Харбин отменяется, подберите туда другого сотрудника, старше Мильштейна по возрасту. А его оформляйте в Соединенные Штаты Америки.

Разумеется, решение Берзина вовсе не означало лишь его заботу обо мне как о молодом сотруднике ГРУ. Он с особым вниманием относился и к другим молодым «перспективным кадрам» и очень часто по отношению к ним принимал неординарные решения.

Итак, на авторитетном уровне было решено направить меня вместе с семьей (моему старшему сыну к тому времени исполнилось два года) в Соединенные Штаты Америки. В целях конспирации мне сменили фамилию. Теперь она звучала так: Мильский. Почему Мильский, а не Мильштейн, я понять не мог, но кому-то из начальства, по-видимому, показалось, что Мильский звучит более благозвучно. Официальная цель поездки - работа секретарем генерального консульства СССР в Нью-Йорке. Не официально же я должен был выполнять указания резидента ГРУ. Кто был резидентом Главного разведывательного управления в Нью-Йорке, я, естественно, не знал. А поскольку я занимал в аппарате ГРУ маленькую должность и направлялся на такую же маленькую должность за рубеж, со мной особенно не церемонились, и при малейшей попытке хоть что-нибудь выяснить по поводу моей дальнейшей работы мне отвечали очень лаконично, как раз в духе засекреченного ведомства: «Все, что надо, узнаете на месте».

Нам с женой было в то время по 24 года.

Никто не говорил, что нам понадобится в дороге или в первые дни жизни в Нью-Йорке. Хотя, надо признаться, даже если бы и говорили, денег и вещей у нас все равно не было, поэтому мы продали кое-что, немного одолжили и купили в комиссионке одно платье жене и один костюм мне. Из этого и состоял практически весь наш гардероб, но мы искренне верили, что покажем буржуям, как советские молодые люди умеют хорошо и красиво одеваться. И, конечно, удивим их прекрасными манерами.

Билеты я получил в конторе Интуриста, размещавшегося тогда на нижнем этаже правого крыла гостиницы «Метрополь».

Меня не удивило, что там уже знали обо мне, и директор конторы встретил меня, как своего хорошего знакомого. Судя по тому, что такая важная персона решила заняться лично мной, пассажиров, отправлявшихся в США, было не так уж много.

- Итак, - начал он, держа наши билеты в руках, - вы плывете в Нью-Йорк на пароходе «Миллуоки», выходящем из немецкого порта Гамбург 8 августа.

Вот ваши билеты на поезд до Гамбурга и билеты на пароход до Нью-Йорка. В Гамбурге обратитесь в контору Интуриста, и там вам помогут добраться до океанского лайнера.

Признаться, я не знал, о чем говорить с представителем Интуриста. Для меня «заморские» слова «Миллуоки», «Гамбург», Интурист ровным счетом ничего не значили, но я решил показаться опытным путешественником и многозначительно спросил:

- А вы не скажете, какой тоннаж у «Миллуоки»? Директор Интуриста с удивлением посмотрел на меня из-под очков и на мой вопрос ответил вопросом:

- А для чего это вам? Вы что, собираетесь покупать этот пароход?

Я понял, что он не видит во мне солидного путешественника.

Дальше все происходило настолько быстро, отработанный механизм действовал так четко, что я лишь в последний день перед отъездом оказался снова в кабинете Берзина. Он, как всегда, был краток.

- Тебе повезло, - сказал начальник ГРУ. - Скоро ты окажешься в интересной стране. Главное - не теряй драгоценного времени, используй все возможности для своего образования, изучай язык. Что касается конкретной работы, то тебя, наверное, уже проинструктировали, и мне добавить нечего.

Конечно же, я не сказал, что никто меня ни о чем не инструктировал.

Мне бросились в глаза его озабоченность и грусть во взгляде. Создавалось впечатление, что, разговаривая со мной, Берзин думал о чем-то своем. Интересно, знал ли этот умный человек, что Сталин уже занес злое меч над головами многих его соратников. А если знал или догадывался, надеялся ли избежать трагической участи?

В скором времени Берзин был арестован и расстрелян. Сталин тогда только разворачивал свой кровавый поход и начал его с уничтожения негодных ему крупных военачальников.

Как известно, перед войной Сталиным было ликвидировано до восьмидесяти процентов высшего офицерского состава: 3 из 5 маршалов, 13 из 15 командармов, 57 из 85 командиров корпусов, 110 из 195 командиров дивизий, 220 из 406 командиров бригад; Всего за этот период было репрессировано 40 тысяч офицеров и генералов (37 тысяч в сухопутных войсках и 3 тысячи на флоте).

...Но вернемся к нашей поездке. На дорогу от Москвы до Нью-Йорка мне выделили пятьдесят долларов. Много это или мало, я не имел ни малейшего представления, но на всякий случай деньги спрятал подальше, чтобы не доставать их до Америки.

Мы покидали Советский Союз через пограничный пункт Негорелое, за которым начиналась, как тогда говорили, «белогвардейская» Польша. На границе с нашей стороны висел большой плакат с лозунгом: «Революция - вихрь, сметающий все границы». Подразумевалось, что в скором времени во всех странах мира, в том числе и в Польше, установится советская власть.

Пограничные формальности прошли гладко и почти незаметно. Со стороны мы выглядели, наверное, жалко. Безобидная, очень скромная молодая пара с ребенком, вызывающая только симпатии и сочувствие. Одним словом, мы добрались до Гамбурга без особых происшествий.

Сделав первые шаги по немецкой земле, наша семья столкнулась с неожиданными препонами: не зная языка, мы с огромным трудом добрались до пароходной компании.

Правда, там нас приняли неплохо, проверили билеты, указали номер каюты, накормили и обещали на автобусе доставить к пристани, где уже стоял «Миллуоки», которому вряд ли суждено будет войти в историю человечества только потому, что на нем плыли в Америку такие «знаменитости», как я и моя семья. Мир, разумеется, об этих «знаменитостях» еще не знал и, вероятно, никогда не узнает. Это я так с юмором думал о своей поездке. На самом же деле на душе все время было беспокойно. Новая и незнакомая обстановка не способствовала хорошему настроению. Мы чувствовали себя маленькими и затерянными людьми в бурном океане событий.

Отплыли мы из Гамбурга в Нью-Йорк в тихий августовский день и, стоя на палубе, наслаждались прекрасным видом удаляющегося от нас берега. Я удовлетворил свое любопытство в отношении тоннажа нашего судна: его водоизмещение было что-то около 21 тысячи тонн. Действительно, эта цифра мне ни о чем не говорила.

Пароход оказался очень уютным, а наша каюта - прямо-таки «царской». Мы еще никогда не видели такой роскоши и богатства. Во всяком случае, каюта была куда респектабельной, чем наша комната в коммунальной квартире в Москве. Единственное, что продолжало смущать, это убожество

наших туалетов. И к завтраку, и к обеду, и к ужину мы выходили в одном и том же обличье.

Первые два дня плавания прошли для нас незаметно. Мы гуляли по палубе, загорали, купались в бассейне, играли в пинг-понг. Я оказался одним из лучших игроков и тем самым завоевал популярность среди пассажиров. Окружающие нас люди всячески стремились выказать свое расположение. Языковой барьер мы преодолевали с помощью жестов и какой-то смеси русского с тарабарщиной. Все было хорошо. Мы наслаждались путешествием, забыв обо всем, что могло нас беспокоить. Однако до конца испытать удовольствие от трансатлантического маршрута нам было не суждено. Неожиданно поднялся сильный ветер, и вскоре разразился страшный шторм. Пароход раскачивало все сильнее, началась настоящая морская качка. Шторм достиг одиннадцати баллов. Наш пароход то оказывался на гребне волн, то падал вниз. Пассажиры попрятались по каютам. Мы с женой почувствовали себя плохо, и лишь наш сынишка наслаждался бурей и пребывал в прекрасном настроении.

Двое суток длился шторм, и нас немилосердно терзала морская болезнь. Все, что мне хотелось тогда, — любым путем избавиться от этого кошмарного состояния. Уж лучше утонуть, чем так мучиться! Двое суток мне было так плохо, что я не мог ни на чем сосредоточиться. Когда, наконец, океан успокоился, до американского берега было уже рукой подать. Между тем, мы с женой выглядели, как после серьезного заболевания печени: желтые, изможденные, похудевшие.

В Нью-Йорке нас встретили сотрудники советского генерального консульства и проводили в здание этой миссии, находившееся тогда в самом центре города «желтого дьявола». Нам выделили для жилья большую комнату на первом этаже. Там же была ванная. В консульстве проживали также генеральный консул Толоконский и вице-консул Гусев. Кухня, одна на всех, располагалась на третьем этаже. Единственной американкой в консульстве была мисс Арнольд, работавшая в должности секретаря. Другие советские работники миссии проживали на частных квартирах.

Толоконский оказался очень привлекательным и располагающим к себе человеком. Высокого роста, всегда прекрасно одетый, с седеющей шевелюрой, в темных очках, он походил на преуспевающего бизнесмена. Держался Толоконский солидно, говорил ясно и кратко. Некоторая самоуверенность в манерах не вызывала в людях, с которыми он общался, раздражения.

К моему удивлению, Толоконский и был тем самым резидентом Главного разведывательного управления. Он же стал моим первым учителем в США. В Нью-Йорке, в кругах, где ему приходилось вращаться, он пользовался неизменным авторитетом и популярностью. Непосредственно разведывательной деятельностью Толоконский сам не занимался. Вербовка агентов, встречи с нелегалами не входили в круг его обязанностей. Для этих целей у резидента в подчинении находились другие люди. Нрава он был доброго и ко мне и к моей жене с самого начала отнесся очень тепло, почти породственному.

В 1933, году с приходом к власти 32-го президента США Франклина Делано Рузвельта, в дальнейшем четыре раза переизбиравшегося на этот высокий пост, в советско-американских отношениях произошел поворот к лучшему. Послом Советского Союза в США был назначен А. Трояновский. Впервые в Союз пошла информация непосредственно от наших представителей, и Толоконский, конечно, стремился отличиться в Центре. Но, к сожалению, он переоценивал значение своих донесений.

Вице-консул Гусев (его настоящая фамилия — Гутцайт) был резидентом политической разведки НКВД (КГБ). Он производил впечатление культурного, мягкого и очень общительного человека. Гусев совершенно не был похож на людей из его ведомства, с которыми мне приходилось встречаться в Москве. Жил он с женой, а сына оставил на родине у родителей. Жена его, Тася, была доброжелательная женщина и к нам относилась как родная. Второй вице-консул — Румянцев — тоже работал в ведомстве Гусева. Что он делал, чем занимался, я не знал, видел только, что каждый день он с какими-то американцами проводил время в ресторане за ланчем.

Румянцев (в отличие от Гусева) производил впечатление лукавого человека: разговаривая с ним, невозможно было понять, говорит он искренне или хитрит. Жил он с женой где-то в городе, в консульстве появлялся редко и всегда навеселе.

Был еще один вице-консул, по фамилии Меламед. Кадровый сотрудник МИДа, он, в сущности, и вел практически всю консульскую работу. А такой работы было много. Шел поток писем. Наше консульство буквально осаждали посетители. Находясь под влиянием коммунистической пропаганды о райской жизни в Советском Союзе и полной свободе, равенстве и братстве в первой республике Советов, выходцы из России и других республик хотели вернуться обратно в СССР. А кто-то искал своих родственников или просто хотел начать торговать с Советской Россией. В общем, работы хватало. Меламед трудился, не жалея здоровья и не думая о своей семье. Помогала ему лишь мисс Арнольд.

В мои официальные обязанности входил прием посетителей и ответы на письма. Время от времени меня вызывал к себе Толоконский и расспрашивал о жизни в Москве, настроениях в обществе, о том, что делается в управлении и об отдельных его работниках. На первых порах никаких деловых разговоров у нас с ним не было. Я сидел в комнате вместе с мисс Арнольд, которая работала как автомат. Она была одновременно и машинисткой, и стенографисткой, и телефонисткой. Наблюдать за тем, как она умело работает, доставляло мне большое удовольствие.

Через некоторое время я был допущен на самый верхний этаж нашего здания, где располагались секретная и шифровальная комнаты. Теперь, помимо всего остального, я должен был выполнять обязанности шифровальщика, то есть отправлять шифрованные донесения в Центр с визой Толоконского.

Все свободное время я занимался изучением английского языка: пытался читать газеты, слушать радио и даже регулярно ходил в кино. Мой упорный труд принес свои плоды - через несколько месяцев я не только читал, но и понимал прочитанное, мог поддержать разговор на элементарные темы. Однажды Толоконский преподал мне первый урок разведчика. Для меня это явилось неожиданностью. Он вызвал меня к себе и сказал, казалось, простые, ничего не значащие слова: «Сегодня мы поедем с тобой в город».

К подъезду нашего здания заблаговременно была подана консульская машина, и мы отправились в путь. Всю дорогу молчали. У Пенсильванского вокзала мы остановились. Толоконский велел шоферу ждать нас здесь же через два часа, и мы вышли из машины. Он шел так быстро, что я еле за ним поспевал. Время от времени резидент останавливался у газетного киоска и праздно разглядывал газеты и журналы. Потом мы сели в автобус и, проехав несколько улиц, пересели на другой вид транспорта. Путешествие продолжалось таким образом довольно долго. Метро, автобус, опять метро... Со стороны мы, вероятно, производили странное впечатление. Да я и сам не мог понять, зачем надо повторять маршрут «вперед—назад» несколько раз.

К назначенному часу мы прибыли на Пенсильванский вокзал, где нас уже ждала машина. По дороге опять молчали, а потом по приезде в консульство Толоконский пригласил меня к себе в кабинет.

Усадив в кресло напротив себя, он какое-то время просто смотрел на меня, точнее, рассматривал. Я терпеливо ждал, не совсем понимая, чего от меня хотят.

— Ну, как прогулка, устал, наверное, — прервал тягостное молчание Толоконский.

Я, конечно, всячески доказывал, что прогулка меня нисколько не утомила, и попытался в мягкой форме узнать, какую цель мы преследовали, проделав такой запутанный маршрут.

— Так, значит, ты не понял, — сказал он. — А цель была очень простая. Я показывал тебе, как надо выходить на встречи с агентами. В ближайшее время я намереваюсь отправить тебя на свидание с нашим человеком. Кто он и где живет, знать тебе не обязательно. Самое опасное, если ты по неосмотрительности приведешь за собой хвост. Для него, нашего агента, это может закончиться катастрофой. Поэтому выходить надо задолго до встречи, и, только убедившись, что за тобой нет слежки, идти непосредственно к месту явки.

Я крайне внимательно слушал сентенции своего начальника, но меня не переставала смущать недавняя прогулка. На мой взгляд, если за нами кто-нибудь наблюдал, то наше столь странное поведение должно было вызывать подозрение само по себе.

- Ну а если я все-таки заметил «хвост» уже тогда, когда пришел к месту встречи? - решил спросить я.

— На этот случай существуют условные сигналы, которые дадут понять, что подходить друг к другу нельзя.

Какие бывают сигналы, Толоконский тогда не объяснил. Кажется, мои вопросы ему не очень понравились. На этом наш первый урок закончился.

К этому времени в Нью-Йорке оформилось несколько нелегальных резидентур ГРУ, различные донесения от которых должны были отправляться генконсульством, то есть мной и Толоконским, в Центр. Тайные агенты этих резидентур действовали самостоятельно от Толоконского и подчинялись непосредственно Центру. Сотрудники генконсульства, как правило, не были осведомлены о деятельности нелегальных резидентур. Они, в свою очередь, в основном занимались сбором открытой информации или выполняли ограниченные функции связных между Толоконским и этими нелегалами (передавали им указания Центра, деньги и получали от них зашифрованную информацию).

Каждая резидентура имела свое предназначение. Например, основной задачей «Сапожной мастерской» было получение или изготовление паспортов по заданию Центра. Некая другая резидентура помогала нашим людям, приехавшим в США под разными предлогами, устроиться на работу, приобрести «дело», законно легализоваться в стране на долгие годы. А главная, «добывающая» резидентура доставала информацию о советско-американских отношениях, перспективах их развития, о вооруженных силах США...

Сама резидентура состояла из собственно резидента, как правило, работника Центра, чаще всего представителя ГРУ, легализованного в стране, и одного-двух помощников, либо прибывших из Советского Союза, либо завербованных на месте. В «добывающей» резидентуре из наших людей был только один резидент. Остальные сотрудники, так называемые «источники», подбирались на месте.

Что это были за люди, где конкретно работали, где жили, я в начале командировки не знал и, естественно, не имел права интересоваться.

Единственное, что было мне известно, - все они являлись гражданами США. Тогда я особенно не задумывался над тем, что побудило этих людей работать на нас, рискуя своей жизнью, судьбой близких. С детства мне вдальбивали в голову, что наше государство трудящихся защищает интересы рабочего класса и крестьянства во всем мире, в том числе и в Америке. Следовательно, все, кто заинтересован в свободе, подлинной демократии, защите интересов трудового народа, добровольно помогают нам и тем самым содействуют освобождению своей страны от капиталистического рабства. Такова была моя философия, в правильности которой я был непоколебимо уверен.

Позднее я узнал некоторые подробности создания разведывательной сети в США. В тридцатые годы в ГРУ вместе с Берзиным пришли старые большевики-партийцы, особенно много среди них было выходцев из Прибалтики. Они прекрасно владели иностранными языками, сохранили связи с некоторыми зарубежными деятелями, имевшими в своих странах широкие возможности. Эти связи в той или иной мере использовались для создания разведывательной сети, но основным источником подбора кадров для советской разведки в то время была компартия.

Американскую компартию в те годы возглавлял Эрл Браудер, адвокат по профессии, умный политик-прагматик. Он поддерживал связи с Коминтерном, где был отдел, занимавшийся политической разведкой, то есть сбором данных о социально-экономическом положении в разных странах, расстановке классовых сил и т.п. Компартия США, как и некоторые другие коммунистические партии, состояла как бы из двух частей. Одна часть - легальная, ее члены не скрывали своей принадлежности к компартии. Другая часть была тщательно законспирирована, о принадлежности к компартии представителей этой группы знало только весьма ограниченное число лиц. Поэтому если первые не могли попасть на ответственную работу в государственные учреждения или занимать какой-либо солидный пост в буржуазных странах, то для вторых таких препятствий не существовало. К тому времени некоторые так называемые скрытые коммунисты далеко продвинулись по службе и представляли несомненный интерес для советской разведки. Доступ к ним можно было получить через руководство компартии. К тому же, судя по всему, компартия США получала из Москвы солидную финансовую поддержку.

Знаю, что вербовка иностранцев не проходила без душещипательных бесед на тему о необходимости помогать родине мирового пролетариата, о том, что Советский Союз — единственная страна, реально борющаяся с фашизмом и, таким образом, помощь ей является их интернациональным долгом. Можно представить, какой трагедией и каким глубоким разочарованием для этих людей явились сообщения о сталинских репрессиях и о реальной, а не разрекламированной жизни в Советском Союзе.

Между тем в 1936 году в Москве начались судебные процессы, вызвавшие в США резко негативную реакцию. Один за другим сотрудники консульства и нелегалы без всяких разъяснений стали отзываться из Соединенных Штатов в СССР. Наступили поистине кровавые времена. Получил телеграмму о своем отзыве и Толоконский. Замены ему не было. Резидент ГРУ выглядел в те роковые для него дни обеспокоенным. От уехавших ранее сотрудников не было ни слуха, ни духа. Они словно канули в вечность. Толоконский, не зная, кому сдавать дела, послал запрос в Центр. Ответ пришел успокаивающий: сдавать дела не надо, поездка в Москву носит временный характер, но, тем не менее, возвращаться в СССР следует с семьей.

Толоконский в Нью-Йорк, разумеется, уже не вернулся. Его оставили в Москве, но освободили от занимаемой должности в МИДе. Говорили, что бывший резидент недолгое время работал директором Малого Театра. На этой должности он и был арестован и погиб так же, как миллионы других честных, ничем себя не запятнавших советских людей.

Дней через десять после его отъезда я получил телеграмму от своего нового начальника. Берзина к тому времени послали в Испанию, где он принял пост главного военного советника республиканского правительства. На его место в Москве назначили Семена Петровича Урицкого, племянника Моисея Соломоновича Урицкого, одного из вождей революции, начальника Ленинградского Губчека, убитого эсерами в 1918 году. В телеграмме мне предписывалось занять должность Толоконского. Указания носили общий характер.

Это назначение явилось для меня полной неожиданностью. Почему? Ведь я был еще очень молод и не имел достаточного опыта работы в разведке. Вероятно, как это я понимаю сегодня, спустя полвека после кровавых событий, в Центре в результате непрерывных арестов просто не осталось

опытных сотрудников, владевших ситуацией на нашем участке секретной работы. Максимум что новые сотрудники успели узнать - это фамилии агентов и места их проживания. Им было неизвестно, какие функции они выполняли, каким уровнем подготовки располагали... Только этими обстоятельствами я могу объяснить свое неожиданное повышение по службе. Одним словом, я пребывал в состоянии крайнего недоумения и страшной растерянности.

Но из песни слов не выкинешь: в 25 лет я стал резидентом советской военной разведки в Соединенных Штатах Америки.

Между тем практически все наши нелегальные резиденты в США попали в подвалы Лубянки, а кто уцелел... о них ничего не известно. В результате радикальных мер по уничтожению «врагов народа» от советской разведывательной сети в США не осталось и следа. Многолетние усилия ГРУ по созданию разветвленной сети тайных агентов пропали впустую.

В те годы действовали какие-то свои, одному дьяволу известные законы, не поддающиеся ни логике, ни здравому смыслу.

С именем одного из наших агентов связана вот такая история. Из Центра как-то сообщили, что в Нью-Йорк направлена для стажировки молодая сотрудница. Нам было приказано ее встретить, обеспечить необходимыми документами и помочь проникнуть в польскую колонию в Америке с дальним прицелом, чтобы позднее она сумела приехать в Польшу из США и там легализоваться. Судя по всему, это делалось в интересах находившегося в то время в Минске разведывательного отдела штаба Особого Западного военного округа, который вел разведку против Польши.

Из Центра поступили сообщения о дате, месте и условиях встречи. Я лично поехал встречать молодую сотрудницу. Место встречи — у входа в музей Метрополитен. Дело происходило в теплый весенний день. Я издали узнал ее по приметам, сообщенным из Центра. Новая сотрудница была удивительно экстравагантно одета. Броские необычные цвета преобладали в ее одежде: ярко-красная юбка и не менее яркая синяя блузка, на голове — огромная соломенная шляпа, на шее — мощная связка каких-то непонятных украшений. Все это было явным нарушением правил конспирации.

Агент должен идти на встречу в такой одежде, чтобы никоим образом не отличаться от толпы. В данном случае все было наоборот. Но делать было нечего, я подошел к ней и произнес пароль. Потом мы долго гуляли по парку, говорили о разном. Она производила несколько странное впечатление.

Разговаривала со мной так, будто я нахожусь в ее подчинении и обязан ее слушаться. Часто оглядывалась по сторонам. Когда я спросил новую сотрудницу, зачем она это делает, «гостью» из Москвы, не задумываясь, ответила, что ее в Центре предупреждали, что в Америке полно шпиков и надо быть начеку. Я не придавал повышенной подозрительности девушке большого внимания. Она хорошо говорила по-польски и слабо по-английски.

Родом она была из Белоруссии.

Позднее я связал эту девушку с одним из наших резидентов, который отправил ее в Чикаго, где была большая польская колония, снял ей там квартиру, обеспечил деньгами и временными документами и договорился о порядке связи, обещая регулярно навещать «гостью» из Москвы.

Казалось, все прошло хорошо, и я сообщил в Центр, что их указания выполнены. Но совершенно неожиданно тот агент, который непосредственно поддерживал с ней связь, был в экстренном порядке отозван в СССР и исчез. Пришлось через некоторое время, в ожидании указаний от Центра, послать к ней другого человека, для того, чтобы узнать, как у нее идут дела. Вдруг я получаю от нового связного крайне тревожное сообщение: квартира пуста, хозяйка уже несколько дней не появляется дома, и где она - неизвестно. Никакой, даже побочной детали или наводки, куда она могла исчезнуть, нет. Я тут же обо всем сообщил в Центр. Оттуда пришли строгие указания немедленно принять все меры к ее розыску, хотя это было ясно и так. Вопрос в том, какие меры? Где и как искать? Квартира пуста, вещи в основном не тронуты. Никаких мыслей, куда она могла исчезнуть, не было. Знакомых и друзей «госты» из Москвы мог знать только ее первый связной, но его, как говорится, и след простыл. Город она знала плохо, язык - тоже. Может, попала в автомобильную катастрофу, может, кто-то совершил на нее нападение, и она стала случайной жертвой преступников?.. Мы целыми днями проводили в библиотеке, перерывали все газеты с полицейской хроникой и уголовными событиями, происшедшими за последние дни в Чикаго и в его предместьях. Однако ничего, что могло бы навести на ее след, мы не нашли. Спрашивали у соседей, пытались установить ее связи, но и эти усилия не увенчались успехом. А Центр, между тем, продолжал посылать угрожающие запросы.

Наконец мы натолкнулись на сообщение о том, что не так давно на небольшой станции по пути из Чикаго в Нью-Йорк поздно вечером из поезда на перрон вышла женщина в одной красной пижаме и не вернулась обратно в купе. Мы заинтересовались этим фактом. Нашли адвоката и послали ее на ту станцию разузнать подробности случившегося. Она выяснила следующие детали. Действительно, это была та женщина, которую мы искали.

Адвокат разыскала беглянку неподалеку от станции на ферме, где ее приютили фермер и его жена. Американке удалось встретиться с «гостыей» из Москвы. Сказав, что она пришла от друзей девушки, наш адвокат показала письма от ее матери, которые как раз к тому времени прибыли из СССР.

Одним словом, она сумела расположить молодую женщину к себе. Наконец та рассказала все о своем побеге. Она решила сбежать из Чикаго по одной причине: якобы за ней началась неотступная слежка. Опасаясь ареста, она села в поезд, но и там будто бы агенты ФБР продолжали за ней следить.

Тогда она решила ночью сойти с поезда и таким образом обмануть вражеских агентов. Короче говоря, наша новая сотрудница оказалась просто не совсем психически нормальной. Обладая явно большим воображением, она решила, что все агенты ФБР только тем и заняты, что выслеживают ее, чтобы в конце концов арестовать. Разумного объяснения, почему ею должны были заинтересоваться в Федеральном бюро расследований, когда она ничего противозаконного не совершала, «разведчица» дать не могла.

Что же нам было делать дальше? Уже и фермер, и его жена, приютившие беглянку, были не прочь от нее избавиться.

В это время по счастью прибыл наш пароход, и мы с помощью адвоката уговорили несостоявшегося агента возвратиться в Москву. Ее доставили прямо на пароход и отправили в Союз. По дороге она пришла в себя, и в Москве принялась изображать из себя героя. Она пожаловалась на нас за плохое к ней отношение. Так эта юная особа отблагодарила всех тех, кто с таким трудом вызволил ее из беды. Вот какие нелепые события иногда происходили в нашей работе.

1936 год был знаменателен началом гражданской войны в Испании. Советский Союз однозначно выступил в поддержку сил, борющихся на стороне республиканского правительства. Фашистская Германия, в свою очередь, открыто поддержала франкистских мятежников. Соединенные Штаты объявили нейтралитет и одновременно ввели эмбарго на продажу оружия воюющим сторонам в Испании.

Между тем Советский Союз, напротив, приступил к поставкам новейшего вооружения в Испанию; кроме того, туда были направлены военные советники и так называемые добровольцы, которые принимали участие в боевых действиях на стороне республиканцев против фашистских мятежников.

Совершенно неожиданно я оказался втянутым в испанские события. Началось все с крупных денежных переводов. На мое имя в различные банковские учреждения Нью-Йорка вдруг пошли крупные суммы в валюте, исчисляемые десятками и даже сотнями тысяч долларов. Такие переводы шли, в частности, в «Чейз Нэшнл бэнк», «Нэшнл бэнк оф Нью-Йорк сити», «Ройял бэнк оф Канада»... И только после очередной солидной порции

денежных «вливаний» я получил из Москвы депешу, в которой говорилось, что на мое имя будут и в дальнейшем поступать переводы, о назначении которых мне сообщат дополнительно.

Еще через некоторое время пришли и указания Центра: закупить оружие, в том числе самолеты и танки, для республиканской Испании. Что же касается эмбарго, то мне предписывалось найти пути обхода этого самого «эмбарго». А деньги, между тем, лились как из рога изобилия. В результате на моих счетах в разных банках скопилось около двух миллионов долларов. Сам этот факт свидетельствовал о большом доверии Центра ко мне. Переводы в основном шли из Швейцарии и, думаю, за счет испанского золота, вывезенного из Мадрида в нейтральные страны. Конечно, такие суммы не могли пройти незамеченными, и в конце концов меня пригласил к себе директор одного из отделений «Чейз Нэшнл бэнк». Наверное, он желал лично познакомиться с новоявленным миллионером. Приглашение было передано в очень вежливой форме, и я не мог его не принять, ибо мой отказ вызвал бы подозрения.

Кабинет директора был обставлен дорогой мебелью, стены обиты ценными породами дерева. Директор оказался немолодым человеком представительной внешности. Он предложил мне присесть в одно из кресел, сам устроился напротив и внимательно, не скрывая интереса, стал в упор разглядывать меня.

Мне было неловко, потому что он откровенно разглядывал не только мою внешность, но и одежду, обувь, одним словом, все, во что я был одет. По взгляду банкира я понял, что он не очень высоко оценил мой внешний вид. Я, конечно же, старался не выдать своего волнения.

Завязался разговор. Первым делом директор засвидетельствовал мне свое почтение как богатому клиенту и принес извинения за то, что потревожил меня своим приглашением. После формальных реверансов, он попытался вовлечь меня в беседу, поскольку ждал от меня каких-то подробностей или размышлений по поводу дальнейшей судьбы моего вклада. Но я многозначительно отмалчивался, так как сам ничего не знал. Он, по-видимому, пришел к определенному выводу, что я малоопытный вкладчик и поэтому в заключение сказал:

- Еще раз благодарю вас за то, что сделали правильный выбор, доверив свои вклады нам. Но позвольте мне напомнить вам, что деньги находятся постоянно в движении, даже если они просто лежат на вкладе в банке. Это движение может быть либо в сторону их увеличения, либо в сторону их уменьшения. Если вам нужен квалифицированный совет, как лучше с вашим вкладом поступить, я могу порекомендовать хорошего консультанта. Это известный в наших кругах специалист.

Я вежливо поблагодарил банкира, сказав, что подумаю над его словами и в случае необходимости непременно воспользуюсь его предложением. На этом мы расстались. Думаю, я оставил о себе странное впечатление, но, как бы то ни было, после этой встречи к каждому празднику или торжественному дню я получал от него поздравления.

Тем временем из Центра стали поступать телеграммы с распоряжениями о переводе денег. Как правило, речь шла о нескольких десятках тысяч долларов, которые переводились на неведомые мне счета за пределы США, чаще всего в Швейцарию и Португалию. При переводе никаких документов предъявлять не было необходимости. Мне также предписывалось не указывать обратный адрес. Каждый раз я давал разные и, разумеется, надуманные адреса, которые брал наугад из телефонной книги.

Однажды при переводе денег в Португалию со мной произошел конфуз, который мог закончиться большой неприятностью. Дело в том, что адреса для перевода присылались из Москвы шифрованной телеграммой. Направляясь на почту для телеграфного перевода, я переписал на листочке бумаги улицу и фамилию адресата. Что касается столицы Португалии, то об этом я помнил и без записи. И вот я пишу адрес отправителя: столица Португалии - «Lissabon», будучи стопроцентно уверен в правильности написания. Сдаю уведомление о переводе в окошко, а мне оттуда девушка говорит: «Вы неправильно написали адрес». Ничего не понимая, я долго и внимательно разглядывал то, что написал, и никакой ошибки не обнаружил. Поняв, что я не вижу ошибки, она взяла из моих рук перевод и исправила в нем всего одно слово: вместо «Lissabon» написала «Lisbon». Здесь, у телеграфного окошка, я получил важный урок английского языка. Да, столица Португалии именно «Lisbon», а не «Lissabon». Ошибка в орфографии (всего-то разница в две буквы!) вполне могла стоить мне жизни. После этого случая я уже не совершал подобных промахов, и перед тем, как сделать перевод, по несколько раз проверял название городов по словарю.

Из Москвы, между тем, шли настойчивые требования о закупке оружия и быстрой отправке его в Испанию, где обстановка складывалась уже не в пользу республиканцев.

В Амторге сотрудники ГРУ Соколов-Соколенок и Вартанян имели хорошие связи среди промышленников, занимавшихся продажей оружия, на них-то и была возложена организация закупки и отправки вооружения в республиканскую Испанию.

Закупка оружия в стране, которая официально ввела эмбарго на продажу в Испанию всех видов вооружения, - дело не только не простое, но и весьма рискованное. После консультаций с некоторыми американцами, симпатизировавшими республиканцам, был предложен новый вариант сделок. Оружие, в том числе самолеты и танки, закупалось какой-либо латиноамериканской страной якобы для своих нужд. Затем за определенную плату (или чаще всего просто за взятку высокому должностному лицу в этих странах) оружие продавалось Испании. В портах одной из латиноамериканских стран фрахтовалось судно, которое отправлялось в путь без прямого указания пункта назначения. Погрузка оружия происходила под покровом тайны, в пути маршрут судна менялся, и корабль, груженный оружием, направлялся в Испанию. Такая операция требовала, прежде всего, больших денег. Стоимость оружия резко возрастала, потому что приходилось давать большие взятки. К тому же она требовала тщательной организации, ибо отправка оружия — процесс сам по себе очень сложный, а здесь надо было перекупить, переадресовать и скрытно погрузить оружие на судно. Наконец, вся эта операция была невозможна без особой охраны, ибо кругом сновали франкистские агенты, которые, обнаружив такое судно, могли сообщить о тайном грузе своим хозяевам. И тогда секретный корабль вместе с его командой и оружием на борту рисковал быть затопленным вражеской авиацией. Словом, это была сложнейшая задача, требовавшая тщательно продуманных действий, и без помощи представителей власти третьих стран она не могла быть осуществлена. Было решено действовать через Мексику, где агентами ГРУ были налажены полезные связи в высших эшелонах власти. На этом варианте и остановились. Моя обязанность, как я уже говорил, сводилась только к финансированию этой операции.

Сначала все шло неплохо по четко намеченному плану : оружие закупалось в США, затем отправлялось в Мексику, там перегружалось и следовало в Испанию. Некоторые люди в Мексике на этом хорошо заработали. Но в ходе операции одно судно все-таки было потоплено. По-видимому, агенты Франко в конце концов догадались о подлинном маршруте корабля. Закупки оружия вскоре прекратились, а у меня на счетах все еще оставались крупные денежные средства. Что с ними дальше делать, я не знал.

Наконец из Центра пришло указание, чтобы я все деньги снял со своих счетов, обналчил и отправил в Москву. Из этого указания я сделал вывод, что Центр остро нуждается в валюте.

Легко приказать: «Получить деньги наличными». Но как это осуществить на практике? Перевести деньги, не вызывая подозрений, можно, а вот получить крупную сумму наличными - такой шаг не был похож на поведение нормального крупного вкладчика.

Ломать голову пришлось и над тем, как перевезти такую огромную сумму денег в генконсульство, ведь речь шла о сотнях тысяч долларов. Это было небезопасно. В криминальной столице Америки в некоторых районах могли лишиться жизни и за 30 долларов...

Я долго размышлял над этим и в конце концов решил действовать самым неожиданным и не предусмотренным правилами способом.

В качестве первой «жертвы» я избрал банк, который располагался на Уолл-стрит. Не помню названия банка, скорее всего, это было отделение «Чейз Нэшнл бэнк». Показав свою чековую книжку, я сказал клерку, сидевшему у окошка, что хотел бы получить всю наличную сумму. Клерк, не скрывая своего удивления, удалился с кем-то посоветоваться. Вернувшись, он извиняющимся тоном сообщил мне, что банк, к сожалению, не держит таких крупных сумм наличными. Договорившись на следующий день на 12 часов пополудни, я ушел.

Назавтра я пришел не в 12, а в 10 часов, будучи уверен, что деньги уже находятся в банке. И не ошибся. Без особых проволочек мне выдали всю сумму. Мой счет в этом банке был закрыт. Прощаясь со мной, кассир осторожно огляделся по сторонам и сказал:

- Я не вижу охраны с вами. Иметь такую сумму на руках небезопасно.

- Разумеется, - ответил я, - охрана ждет меня внизу. Этими словами я успокоил клерка, но не себя.

Никакой охраны внизу у меня, конечно же, не было. Убрав деньги в «дипломат» и прикрыв их газетой, я пошел в метро, считая, что так будет безопаснее всего. В генконсульство я добрался без приключений. Конечно, в дороге я чувствовал себя дискомфортно, но иного выхода у меня не было. Я страшно нервничал, прекрасно отдавая себе отчет, что мне предстоит сделать еще несколько таких «ходов». На время я затаился. Мне пришла в голову идея привлечь к проведению этой операции кого-нибудь из близких мне людей.

Вице-консулом МИДа в Нью-Йорке тогда работал Боровой. По моему мнению, хороший и добрый человек. Неотступно думая о том, что ходить с такими деньгами по Нью-Йорку одному опасно и рискованно, я решил уговорить Борового в следующий раз поехать со мной. Каково же было мое удивление, когда он решительно отказался. В его глазах застыл неопишуемый ужас.

— Не впутывай меня в это дело. В случае скандала мы поставим под удар генконсульство. Этого делать нельзя, — такими словами он ответил на мою просьбу.

Мне показалось, что Боровой больше всего опасается не за престиж генконсульства, а за собственную жизнь.

— Такие деньги без надлежащей охраны перевозить нельзя. Наверняка ограбят и не остановятся даже перед убийством, — добавил он.

В общем, из моего замысла привлечь к этой операции вице-консула ничего не вышло, а других работников генконсульства я не решился посвящать в суть дела.

Любопытная деталь: брат Борового был американским подданным, жил на западном побережье США, принимал активное участие в профсоюзном движении и являлся, если я не ошибаюсь, руководителем или одним из руководителей профсоюза портовых грузчиков в этом районе Соединенных Штатов.

По возвращении в Советский Союз Борового уволили из МИДа; он некоторое время работал гидом в Музее Революции, а в начале Отечественной войны пошел добровольцем на фронт и вскоре погиб.

Но вернемся к моим злосчастным денежным вкладам. Все нормальные вкладчики обычно беспокоятся о том, как бы увеличить свои капиталовложения, я же был занят тем, как бы поскорее изъять свой капитал. Пользуясь только городским транспортом или своей машиной, я в течение примерно месяца полностью снял деньги со счетов и до прихода дипломатической почты хранил огромные суммы в сейфе своего кабинета. Всего у меня на руках оказалось более миллиона долларов и несколько десятков тысяч английских фунтов стерлингов. Об этих деньгах никто в генконсульстве не знал. В Центре, как потом выяснилось, тоже не ведали, какую точно сумму я потратил и сколько долларов и фунтов стерлингов должен был вернуть в казну государства. Деньги на мой счет переводились разными людьми из разных стран, и, судя по всему, никто в Центре строгого учета денежных поступлений и моих расходов не вел. Так что вся ответственность за полученные и потраченные деньги лежала полностью на мне. И только на мне. Перед отправкой денежных средств в Москву я составил подробный финансовый отчет о детальном передвижении подотчетных мне денежных средств. С первой же дипломатической почтой деньги и отчет были отправлены в Москву. В Центре, как в дальнейшем оказалось, были довольны моей деятельностью, особенно связанной с испанскими событиями.

Неожиданно (уже в 1937 году) я получил телеграмму, в которой сообщалось, что решением советского правительства я награжден орденом Красной Звезды. В то время это был по-настоящему боевой орден. Награжденных этой высокой наградой было у нас в стране не так уж много, а в советской колонии в США — никого. Я, конечно, поделился приятным известием со своими друзьями и коллегами по консульству. Многие из них были приятно удивлены, некоторые раздосадованы этим сообщением, но в целом мой авторитет в советской колонии в США несомненно повысился.

Наступил 1938 год. Я уже прослужил в Нью-Йорке почти четыре года. Семья моя увеличилась. В 1936 году у меня родился младший сын Вадим, и наша семья уже состояла из четырех человек. Я переселился из консульства на частную квартиру в Бруклине - одном из районов Нью-Йорка. С каждым годом в Америке я все больше и больше скучал по Москве, по Родине. Трудно передать словами это чувство ностальгии по родным пенатам.

Казалось бы, чего мне не хватало? У меня была интересная работа, много друзей, в том числе и среди американцев. Мы жили безбедно, у нас была домработница, очень милая добрая девушка по имени Флоранс, которая ухаживала за детьми, готовила обед и убирала квартиру. Жена работала учительницей в школе при консульстве и пользовалась авторитетом среди детей и родителей. В общем, живи и наслаждайся жизнью. Но почему-то безумно хотелось домой. По глупой наивности и фанатичному патриотизму я не задумывался об опасностях или трудностях, которые могли ожидать меня в Москве. Одним словом, я буквально забрасывал начальство письмами о своем желании вернуться на Родину. Там сначала отмахивались от моих посланий как от назойливых мух, считая мое поведение капризом или недостаточным пониманием политической ситуации. Возглавлял управление тогда, как я уже отмечал, Урицкий. Он писал мне личные письма, доказывал необходимость моего дальнейшего пребывания в Нью-Йорке. Но я был неумолим, и, в конце концов, добился своего: получил разрешение на выезд.

Домой я решил отправиться на большом пароходе и приобрел билеты на морской лайнер «Куин Мэри». 6 июля 1938 года мы отплыли из Нью-Йорка. Чем объяснить, что, проработав в США почти четыре года, я, судя по всему, не попал в поле зрения американской контрразведки? Конечно, я далек от того, чтобы приписать все это своему тонкому и умелому поведению. Дело, разумеется, не только в этом. Мне представляется, что в то время в Соединенных Штатах еще не было хорошо поставленной, продуманной и по-настоящему организованной контрразведывательной службы. К тому же органы, которые предназначались для ведения такой службы, вряд ли задумывались над тем, что только что созданные на территории США

официальные представительства Советского Союза могут вести активную разведывательную работу. Вообще для разведок иностранных государств в США эти годы были, в известной мере, «райскими». Сравнительно слабое наблюдение за официальными иностранными учреждениями, общая недооценка возможностей ведения шпионской деятельности на территории Соединенных Штатов создавали в тот период исключительно благоприятные условия для разведывательной работы. Только позднее контрразведывательная служба в США стала приобретать стройные формы. Ее работа приняла активный и эффективный характер.

ГЛАВА III «ЕСЛИ ДОРОГ ТЕБЕ ТВОЙ ДОМ...»

То, что я увидел и пережил сразу же по приезде в Москву, описать невозможно. Я попал в самый разгар борьбы с «врагами народа». В обществе царил атмосфера всеобщей подозрительности и недоверия. Создавалось впечатление, будто все заразились какой-то необъяснимой повальной шизофренией. Многие из людей, которых я знал, исчезли в никуда, как бы растворились, и на все мои вопросы, где тот или иной человек, звучал один и тот же ответ: «Лучше не спрашивай». Но чаще всего ответа вовсе не было. Люди отводили глаза в сторону и молчали.

К тому же я оказался без квартиры. Нас поселили в маленьком номере гостиницы Центрального дома Красной Армии, на площади Коммуны. Мы с женой спали на полу, а дети на кроватях. Вот так «гостеприимно» нас встретила Родина.

Однажды ко мне в гости пришел брат Лазарь (ему было тогда 34 года). Он окончил Институт народного хозяйства имени Плеханова и был назначен директором крупной электростанции в Туркменистане. При встрече Лазарь по секрету рассказал мне, что он уехал из Средней Азии, опасаясь ареста. — За что тебя арестовывать? — пытался я узнать.

Он посмотрел на меня внимательно и после долгого молчания ответил:

- Да ни за что. Тебе этого не понять. Ты слишком долго жил вдали от Родины. Хотя, наверное, ты скоро все поймешь сам. Одно скажу на прощание: зря ты вернулся, брат.

Это уже было слишком. Чего угодно можно было ожидать от брата, но не такого признания. Для меня его откровение казалось диким.

В скором времени я встретился с другим братом - Ефимом. После Института красной профессуры он был направлен на работу в Махачкалу (Дагестан), но вынужден был оттуда уехать, тоже опасаясь ареста.

«Что за наваждение?» - раздумывал я. Все мои друзья и знакомые чего-то опасались, говорили шепотом, все время оглядывались, внезапно замолкали при виде постороннего. У многих был вечно озабоченный и подавленный вид.

Нет, морально я не был готов к тому, что творилось вокруг. В голове не укладывалось, что кругом одни враги. Откуда они взялись?

Я пытался выяснить судьбы тех, с кем мне довелось работать в генконсульстве СССР в Нью-Йорке. И был потрясен!.. Именно тогда я узнал, что генеральный консул Толоконский арестован и пропал без вести, такая же незавидная судьба была уготована вице-консулу Гусеву, другим моим друзьям и сослуживцам.

Мне, в ту пору убежденному коммунисту и интернационалисту, хотелось закричать на всю страну: «Товарищи, опомнитесь!» Я проводил бессонные ночи в раздумьях и сомнениях, часто буквально задыхаясь от бессильных слез.

Вопросы возникали одни и те же: «Что происходит в стране? Когда прекратится эта жуткая вакханалия борьбы с «врагами народа»?». Но все мои вопросы повисали в воздухе, оставались без ответа.

Между тем в управлении дела шли своим чередом. За сравнительно короткий период один начальник сменял другого... Безжалостная и преступная коса репрессий косила всех направо и налево...

Легендарный Берзин, долгие годы возглавлявший управление, после возвращения из Испании недолго пробыл на своем посту. Вскоре он был арестован и казнен. Заменявшего его во время командировки в Испанию Урицкого постигла та же участь. Вслед за ним арестовали и расстреляли Гендина, пришедшего к нам в управление из органов НКВД. Гендина сменил комбриг Орлов, бывший военный атташе в Германии. Он также разделил общую печальную судьбу всех начальников управления.

Впрочем, кровавые репрессии коснулись не только первых лиц - были репрессированы почти все начальники отделов и подразделений управления. Из-за рубежа один за другим вызывались руководители крупнейших и наиболее ценных разведывательных организаций. Прямо с вокзала или аэродрома их отправляли в тюрьму.

Эта кровавая преступная политика оказывала крайне разрушительное воздействие на всю разведывательную деятельность СССР за рубежом. С большим трудом созданные организации неожиданно оказывались без руководителя, без связи, без средств. В результате некоторые из них были вынуждены прекратить свое существование.

В конце 1938 года наступило временное затишье. Исполняющим обязанности начальника управления был назначен полковник Шалин, занимавший в то время пост начальника школы по подготовке кадров ГРУ. Помнится, в управлении очень часто проводились собрания, на которых клеймили очередного «врага народа», пробравшегося в наши ряды по заданию иностранной разведки. Тут же наказывали и тех его начальников, сослуживцев и друзей, которые не обратили должного внимания на преступную деятельность этого «врага».

Руководил собраниями, как правило, начальник политотдела управления полковой комиссар Ильичев, спустя несколько лет занявший пост начальника ГРУ.

На этих «мероприятиях» я старался занимать позицию стороннего наблюдателя. Я никого не знал и меня мало кто знал. Все мои предыдущие начальники бесследно исчезли. Я не выступал на собраниях, сидел обычно в заднем ряду и молча наблюдал за докладчиком, по-своему оценивая происходящее.

Но однажды, помню, я чуть не сорвался. Обсуждали поведение молодой сотрудницы. У нее несколько дней назад арестовали мужа, капитана советской армии, сотрудника ГРУ. От молодой женщины требовали осуждения собственного мужа. Она стояла белая как полотно и только нервно теребила в руках маленький носовой платок.

Мне не за что его осуждать, - тихо произнесла она. - Он многому меня научил и - главное - преданности нашей Родине. Нет, он не враг народа. Это какое-то недоразумение.

Может быть, стоит подождать окончания следствия? - робко попытался я остановить нарастающую волну гнева присутствовавших в зале. Но никто уже не обращал внимания на слова несчастной женщины: все было решено заранее, и ее освободили от занимаемой должности, тем самым признав без суда и следствия пособницей «врага народа».

После этого собрания Ильичев вызвал меня в свой кабинет. Начал издали: «Как дела, как семья?» Он задавал ни к чему не обязывающие вопросы, чтобы завязать разговор. Я отвечал спокойно, односложно, прекрасно понимая, как мало начальника политотдела волнует самочувствие моей жены... — Ты недавно вернулся из зарубежной командировки, - приступил он наконец к серьезному разговору, - поэтому, может быть, во многом разобраться не успел. Вся наша страна сейчас охвачена энтузиазмом... Борьба с врагами народа будет вестись бескомпромиссно и до конца!

Я внимательно слушал, и он, заметив это, решил перейти к конкретным фактам. Так вот, - продолжал Ильичев, - мне не нравится, что на собраниях, где разоблачают врагов народа, ты все время молчишь. Но я же никого в управлении не знаю, - попытался я объяснить свое поведение. - Это не имеет большого значения. Важно высказать свою принципиальную партийную позицию. Я продолжал молчать.

- Ну что, например, ты можешь мне сказать о Шалине?

Я признаюсь, опешил. Речь шла о новом исполняющем обязанности начальника ГРУ. Он еще не успел поработать, а под него уже, вероятно, велся подкоп.

Я повторил те же слова: «Я его совсем не знаю».

Ильичев засмеялся:

- Ну как же ты его не знаешь? Ты чуть ли не каждый день бываешь у него на докладе. Во всяком случае, когда я иду к Шалину, то всегда вижу тебя в его приемной.

- Это верно, - пробормотал я. - Но ведь наши сугубо деловые встречи, как правило, очень коротки. Но Ильичев не отступал.

- И долго ожидаешь ты приема? - неожиданно спросил он меня.

- Действительно, иногда в ожидании приема проходит слишком много времени, - вяло, просто, чтобы поддержать разговор, отреагировал я.

- Вот видишь, - с радостью подхватил мою фразу Ильичев. - Скоро мы будем обсуждать на партийном собрании поведение Шалина, и тебе на нем надо будет выступить.

Последние слова полковой комиссар произнес безапелляционным тоном, всем своим видом показывая, что разговор окончен. И так, думал я, скоро с моей помощью разоблачат еще одного «врага народа» - несчастного полковника Шалина.

Я ушел от Ильичева в раздумье: «Что мне делать? Может, срочно заболеть и не прийти на собрание?..» Но внутренний голос запротестовал: «Трусите вы, Михаил Абрамович, это спасет вас только на время. А почему бы вам не выступить и не сказать правду?»

В общем, наступило время партийного собрания. Народу собралось много. Ильичев сидел на месте председательствующего. Повестка дня: «Обсуждение неправильного поведения члена ВКП(б) Шалина М.И.»

Первым докладывал Ильичев.

Я сидел, как обычно, где-то позади всех, плохо понимая речь докладчика. После выступления Ильичева начались прения. Выступавшие клеймили Шалина, заявляя, что его работа и поведение на руку врагам народа. Все происходящее отдавало массовым психозом. Я, несмотря на беседу с Ильичевым и совет собственного внутреннего голоса, выступающим в прениях не записался.

И вдруг раздался голос Ильичева:

- Слово имеет капитан Мильштейн.

Я не сразу сообразил, что речь идет обо мне, но кто-то толкнул меня в бок, и я пошел к трибуне. С трибуны я хорошо видел Шалина. Он сидел бледный и, мне показалось, иронически улыбался, глядя на меня.

Страшно нервничая, я говорил довольно невнятно, но смысл сказанного был таков: приходится долго ждать приема, а это нехорошо, теряешь зря время...

— А вы сделайте из сказанного вами политический вывод, - направлял меня Ильичев.

Мой вывод состоял в том, что надо бы лучше организовать время приема. Словом, своим выступлением я и Ильичева не удовлетворил, и перед Шалиным выглядел не самым лучшим образом.

Днем позже в одном из коридоров управления мне пришлось лицом к лицу столкнуться с Шалиным. Я мгновенно залился краской и буквально окаменел от стыда. Но он был и старше меня, и умнее. Положив руку мне на плечо, он просто сказал:

— Не расстраивайтесь. Я все понимаю и на вас не в обиде.

С того дня прошло много времени. Шалин, к счастью, не пострадал, во время войны он ушел на фронт, успешно воевал, был начальником штаба армии, округа и долгое время после победы над фашистами возглавлял ГРУ. Мы много раз встречались, и он никогда об этом эпизоде не вспоминал. Он умер, и, стоя у его могилы, я с горечью вспоминал ту постыдную историю.

Мне, воспитанному на фанатичной вере в гений нашего великого кормчего, казалось, что все, что он делает, уже само по себе должно быть правильным. Если же совершаются ошибки, то он об этом просто не знает, и кровавые преступления лежат на совести недобросовестных людей из его команды. Я свято верил, что справедливость восторжествует, и Сталин непременно накажет всех виновников злодеяний.

А события тем временем развивались стремительно. В ГРУ пришел новый начальник - генерал-полковник авиации Проскуров, назначенный по личному указанию Сталина. Герой испанской войны. Молодой, способный, энергичный военачальник. Для повышения его личного авторитета и авторитета службы разведки Проскуров одновременно был назначен заместителем наркома обороны. Вакханалия с арестами понемногу улеглась. Обстановка стала более стабильной, все почувствовали себя хотя бы на время относительно спокойно.

Под руководством Проскурова было начато постепенное и успешное восстановление разведки.

В 1940 году была развязана советско-финская война, и Проскуров решил отправиться в Ленинград для выяснения обстановки на фронте и проверки работы службы разведки. Человека его ранга в Ленинграде должен был встречать командующий фронтом Тимошенко или его заместитель, но Проскурова встретили какие-то второстепенные офицеры штаба фронта. Начальник ГРУ был недоволен приемом. При личной встрече с Тимошенко

Проскуров сделал ему замечание, которое, в свою очередь, явно не понравилось командующему фронтом. Как оказалось в дальнейшем, Тимошенко не забыл обиды и затаил на Проскурова злобу.

После окончания финской кампании маршал Тимошенко был назначен наркомом обороны. Своим первым же приказом Тимошенко снял Проскурова с должности начальника ГРУ. Дальнейшая судьба Проскурова сложилась трагично. Он получил назначение в дальнюю авиацию. Затем был арестован и погиб. На должность начальника ГРУ в 1940 году пришел генерал Голиков.

В советской исторической литературе существуют разные и довольно противоречивые описания его деятельности на этом посту. В некоторых работах можно даже найти мнение, якобы именно на этом генерале лежит вина за несвоевременность решения о приведении войск в боевую готовность накануне начала Великой Отечественной войны. Могу сказать лишь одно: как начальник военной разведки он делал все для того, чтобы наша служба в крайне сложных, чрезвычайных условиях того времени функционировала эффективно и могла успешно выполнять возложенные на нее задачи. В 1941 году Филипп Иванович Голиков ушел на фронт. В дальнейшем он возглавлял советскую военную миссию в Англии и в США. В 1961 году ему было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Продолжая работать в ГРУ, я стал свидетелем того, как советская военная разведка, несмотря на понесенные потери, не только восстановила свои прежние связи, но превратилась в одну из самых сильных, если не сильнейшую военную разведку в мире.

Перед войной советская военная разведка своевременно и в полном объеме предоставила политическому и военному руководству страны все необходимые данные о сосредоточении немецких войск, их составе, планах и сроках возможного нападения фашистской Германии на Советский Союз. Военные разведчики работали в крайне тяжелых условиях. Приведу один пример.

Мне самому пришлось наблюдать, в какой сложной ситуации оказался один из крупнейших советских разведчиков - Шандор Радо, работавший в предвоенные годы в Швейцарии.

Радо родился в Венгрии в 1899 году и рано вступил в политическую борьбу на стороне компартии. В 1921 году он принимал участие в III Конгрессе Коминтерна в Москве. В 1929 году окончил Лейпцигский университет и получил специальность географа и картографа. Еще учась в университете, Радо в 1926 году организовал в Берлине картографическое агентство «Прессгеограф», а в 1933 году, после прихода Гитлера к власти, ему удалось перебраться в Париж, где он открыл агентство «Инкпресс». Радо неоднократно бывал в Советском Союзе, и даже некоторое время работал у нас. В военную разведку он был привлечен, находясь в Москве в 1935 году, С.Урицким, который в то время был начальником ГРУ. По заданию Главного разведывательного управления Радо перебрался в Швейцарию, где в августе 1936 года стал владельцем агентства «Геопресс», которое занималось изданием географических карт и книг, освещающих экономические, политические и физико-географические события в мире. С этого времени и начинается его разведывательная деятельность в Швейцарии.

Осенью 1940 года группа Радо, действовавшая под прикрытием «Геопресс», испытывала серьезные финансовые затруднения. Пересылка денег через банки или другим путем могла навлечь подозрения. К тому же Шандор Радо нуждался в новых средствах тайнописи для почтовой переписки, в микрофотоаппаратуре и в других необходимых для разведчика аксессуарах. Центр принял решение доставить Радо необходимый материал и провести инструктаж. Выбор посыльного пал на меня.

Путешествия подобного рода в то время и для таких целей были довольно рискованным занятием. В первую очередь учитывались интересы дела, безопасность Радо и его нужды. Первоначально предполагалось провести встречу в Виши. Но Шандор Радо отказался от этого предложения, посчитав рискованным получение виз и саму поездку в тот район Франции, который не был оккупирован фашистской Германией. Обсудив наши возможности, мы предложили Радо на выбор Белград или Софию. Он согласился на Белград.

И вот в октябре 1940 года кружным и запутанным путем я добрался до Белграда. В назначенный день встретиться с Шандором Радо не удалось. Мне показалось, что место нашей встречи находится под наблюдением спецслужб, и рандеву с ним я перенес на более поздний срок...

О Шандоре Радо - этом выдающемся разведчике и его швейцарской резидентуре - в мировой литературе, посвященной разведке, написано немало. Мне тоже хотелось бы сказать несколько слов о его организации, которая во время войны принесла огромную пользу советскому командованию, предоставляя в самые тяжелые годы сражений с фашистами ценнейшую информацию о вооруженных силах Германии и стратегических планах гитлеровского командования. При этом информация предоставлялась своевременно и была точной.

В облике Радо, его характере, поведении, взглядах не было ничего, что выдавало бы в нем крупного разведчика. Наоборот, на вид он был типичным ученым: невысокого роста, в очках, застенчивый, очень вежливый человек. Таким он навечно остался в моей памяти.

Как же ему удалось создать столь успешно действовавшую, эффективную разведывательную организацию, которой могла бы гордиться любая разведка в мире? Объясняется этот феномен несколькими причинами.

Во-первых, беспроблемным выбором места расположения резидентуры. Женева находится в самом центре Европы, в нейтральной стране, которая давала приют многим эмигрантам и противникам гитлеровского режима. Во-вторых, было найдено прекрасное укрытие для разведывательной работы: изготовление географических карт и справочников. В-третьих, очень удачной для разведчика стала и соответствующая этому занятию специальность - картограф и географ. При этом Радо был действительно признанным во многих научных кругах крупным специалистом в своей области. И, наконец, самое главное. Многие в Швейцарии, особенно политические эмигранты, стремились активно участвовать в борьбе против фашистской Германии, так что, когда Гитлер напал на Советский Союз, они сами стали искать пути применения своих связей и возможностей в интересах прежней демократической Германии. Поэтому не случайно, что пик успешной деятельности организации Радо пришелся именно на переломные годы войны на восточном фронте. Таковы некоторые причины, обусловившие успех резидентуры Шандора Радо.

До 1938 года Радо в основном занимался сбором информации самостоятельно, используя свои возможности и связи. В 1938 году ему в подчинение были переданы некоторые люди, в том числе югослав Габель, имевший хорошие связи в Италии, бывший чиновник Лиги Наций, немецкий социал-демократ, принявший швейцарское гражданство, известный под псевдонимом Пуассон. Связь с Центром в этот период осуществлялась на примитивном уровне, и лишь с января 1940 года была установлена устойчивая радиосвязь с Москвой.

Подпольная организация, возглавляемая Шандором Радо, постепенно расширялась. В группу привлекалось все больше новых людей, обладающих ценными источниками информации. Таким, например, был Лонг (псевдоним «Француз»), кавалер Ордена Почетного Легиона, опытный офицер второго бюро французского генштаба. «Француз» успешно сочетал свою разведывательную деятельность с журналистикой. Он еще до войны работал в Берлине корреспондентом ряда влиятельных французских газет. В 1940 году, после поражения Франции, Лонг, не желая сотрудничать с гестаповцами, эмигрировал в Швейцарию и примкнул к сторонникам Шарля де Голля. «Француз» работал в интересах национального комитета «Свободная

Франция», который находился в то время в Лондоне. Лонг был также связан с филиалом военной разведки коллаборационистского правительства Петена в Лионе, откуда под разными предлогами получал важную информацию.

Группа Радо, интернациональная по своему составу, была охвачена одним благородным стремлением - помочь быстрейшему разгрому гитлеровской Германии и оказать помощь стране, которая в те годы взяла на себя основное бремя борьбы против Гитлера и его армии. Руководствуясь именно этими мотивами в ноябре 1942 года по рекомендации переводчика Международной организации труда Христиана Шнейдера (псевдоним «Тейлор») к активной разведывательной работе был привлечен его приятель Рудольф Рёсслер, которому дали псевдоним «Люци», по-видимому, потому, что он долгие годы проживал в Люцерне (Швейцария). Рёсслер выразил готовность давать информацию при условии, что он никогда и ни при каких условиях не раскроет своих источников. А, судя по содержанию информации, получаемой от «Люци», он имел свою группу осведомителей среди людей, которые работали во всех важнейших звеньях политического и военного аппарата фашистской Германии. Надо сказать, что подлинное имя «Люци» стало известно и Шандору Радо, и нам в Центре лишь в 1944 году, когда в результате провала группы Радо в Швейцарии началось следствие.

Группа Рёсслера оказалась в буквальном смысле золотой жилой для нашей разведки. Его деятельность продолжалась сравнительно недолго — с 1942 по 1944 год, но «Люци» снабжал Москву информацией, которая существенно способствовала многим важным победам на советско-германском фронте. Речь идет, прежде всего, о Курской битве.

Во многом благодаря именно этому разведчику был раскрыт замысел всей операции фашистов под Курском, получившей кодовое наименование «Цитадель», выявлены состав ударных группировок сухопутных войск и ВВС противника и направление главных ударов. Он же предупредил о появлении новой боевой техники вермахта — танков «тигр», самоходок «пантера» и усовершенствованных моделей самолетов.

Рёсслер своих источников информации так и не выдал, не сумело их раскрыть и гестапо. Это не удалось сделать ни англичанам, ни американцам, несмотря на все их усилия. Надо иметь в виду, что разведчик передавал свои данные и швейцарской разведке, связь с которой он установил еще до Второй мировой войны, благодаря чему «Люци» долгие годы оставался в живых. И все же по настоянию немцев он был арестован швейцарской полицией в апреле 1944 года и погиб, унеся с собой в могилу имена тех безвестных помощников, которые, рискуя жизнью, так много сделали для победы над фашистской Германией.

Радиосвязь Центра с группой Радо была прервана в связи с арестом радистов в ноябре 1943 года. С этого же времени была прекращена всякая активность группы. Многие ее участники, и, прежде всего радисты, были арестованы. Сам Шандор Радо оказался в затруднительном положении. Вопреки возражениям Центра, он обратился за помощью к англичанам, рассказав им о деятельности своей группы. В Москве ему этого не простили, так что по приезде в столицу он был арестован, правда, только на недолгое время.

До этого Радо, спасаясь от ареста в Швейцарии, перебрался в Париж, который к тому времени был уже освобожден от фашистов. Там и произошла его первая встреча с Львом (Леопольдом) Треппером.

В этой связи следует сказать несколько слов и о так называемой «Красной Капелле» — группе Треппера, действовавшей перед войной и короткое время уже в период войны на территории Франции, Бельгии и частично Германии. Об этой группе также написано немало книг и брошюр, в том числе и книга самого Треппера, изданная во многих странах под названием «Большая игра».

Часто группу Треппера сравнивают по своей значимости со швейцарской подпольной организацией Радо, а самого Льва Треппера с Шандором Радо. Это сравнение, на мой взгляд, требует уточнения.

Радо начал свою разведывательную деятельность без особой подготовки, не имея опыта ни нелегальной, ни разведывательной работы. В то же время у Радо было естественное и как бы легальное прикрытие («крыша») для своей деятельности, отвечающее его образованию, специальности и опыту. Как уже говорилось, он был высококлассным специалистом — картографом, широко известным в научных кругах.

Радо жил и работал в Швейцарии, занимаясь разведывательной деятельностью под своей настоящей фамилией и имея на руках официальный паспорт. Деятельность Радо, если судить по рассекреченным материалам, была более эффективной, длительной и ценной, чем группы Треппера.

Что же касается Льва Треппера, то тот, прежде чем приступить к разведывательной работе, прошел большую школу нелегальной партийной деятельности. К разведке он был привлечен через партийные круги в 1937-1938 годы, в пору, когда та переживала смутное время.

В Европе Треппер в роли резидента ГРУ оказался лишь в середине 1938 года. Он имел канадский паспорт на имя промышленника Адама Миллера.

В начале Второй мировой войны организация Треппера находилась лишь в стадии становления. Основная информация от Льва Треппера начала поступать только с января 1941 года. Это, конечно, ни в коем случае не умаляет ее значимости для Центра. Речь идет лишь о сравнении этой информации с той, которая поступала от Радо.

Разгром организации Треппера начался в декабре 1941 года с ареста его радистов. А к ноябрю 1942 года гестапо уже располагало достаточными данными о всей группе Треппера. После этого гитлеровцы приступили к ее ликвидации. Сам Лев Треппер был арестован 24 ноября 1942 года.

Выдержав тяжелейшие испытания и сумев во многом перехитрить и переиграть опытных следователей гестапо, он остался жив.

Необходимо отметить, что Лев (Леопольд) Треппер, Шандор Радо и их организации были во время войны, пожалуй, одними из основных источников информации для советской военной разведки. Между тем Радо и Треппер не знали о существовании друг друга и ни разу не общались во время войны.

Лишь 5 января 1945 года они встретились в Париже при посадке на советский самолет. Два великих разведчика, внесших весомый вклад в победу над заклятым врагом, летели в Москву с надеждой и радостью, измученные и усталые, но довольные тем, что все тяжелые испытания остались позади.

Начиналась новая жизнь. Отчетливо обозначилась победа над врагом, ради которой они рисковали своей жизнью и судьбами своих друзей. Этих мужественных людей нельзя было назвать шпионами в обычном смысле этого слова. Да, для гитлеровской Германии они были шпионами, но для стран антигитлеровской коалиции эти выдающиеся разведчики были бойцами невидимого фронта, героически сражавшимися против фашистов. Они вели тайную войну - более сложную и более опасную, чем борьба в открытом бою.

Разведчики летели в Москву через Каир. В Москве Треппера ждала семья - жена и два сына. У Радо в Москве никого не было. В египетской столице самолет совершил посадку.

К отлету авиалайнера из Каира Шандор Радо не явился. Он исчез, судя по всему, опасаясь, и не без основания, возвращения в Москву. Он понимал, как отреагирует Центр на его обращение к англичанам за помощью.

Лев (Леопольд) Треппер, между тем, прилетел в Москву один, и вскоре его арестовали. В 1947 году так называемым «особым совещанием» (в просторечии - «тройкой») он был приговорен к пятнадцати годам тюремного заключения и лишь в 1954 году выпущен из тюрьмы и реабилитирован.

Шандора Радо ГРУ отыскало в Каире в одном из английских лагерей для перемещенных лиц и насильно вывезло в Москву. Ему не удалось избежать преследования (о чем, кстати, разведчик не решился написать в своей книге). Правда, в сталинских застенках он просидел не так долго, как Треппер. Впоследствии он также был реабилитирован.

Дать логическое или хотя бы какое-нибудь разумное объяснение преследованиям КГБ этих двух разведчиков, имевших большие заслуги перед Советским Союзом, невозможно. Их не просто арестовали, но и полностью изолировали от ГРУ, лишив нас возможности с ними встретиться для того, чтобы хоть что-то выяснить, получить необходимые объяснения.

Что же касается многочисленных утверждений гестапо о том, что якобы в результате арестов радистов Треппера и захвата их шифров он успешно вел двойную игру с ГРУ, систематически вводя в заблуждение советское командование и разведку как в отношении военных планов, так и в отношении отдельных источников информации, то это, по меньшей мере, явное преувеличение. Надо сказать, что Главное разведывательное управление вовремя установило провалы радистов и если и продолжало радиосвязь с ними, то лишь для осуществления игры по своим правилам. Но, судя по всему, обе стороны эти игры вели не очень удачно. И Радо, и Треппер в своих книгах много пишут об ошибках Центра. Думаю, это тоже не случайно и связано с попытками оправдать собственные просчеты в работе.

Следует иметь в виду, что перед войной советская военная разведка имела широко разветвленную организацию и использовала самые разнообразные виды и средства связи. Помимо Генерального штаба все штабы приграничных военных округов располагали своими разведотделами. Они использовали не только технические средства связи, но имели и свою агентуру за рубежом. Имелись также соответствующие разведывательные структуры и в штабах всех видов Вооруженных Сил. Данные, поступающие от различных разведорганов, в том числе зарубежных, в конце концов сосредотачивались в Генштабе. Они обобщались в виде разведсводок, составляемых в сроки, утвержденные начальником Генштаба, и рассыпались по утвержденному им списку.

Так или иначе, но, основываясь на документах и архивных материалах, можно прийти к выводу, что наша военная разведка успешно выполняла свои задачи и вовремя обеспечивала политическое и военное руководство страны необходимыми сведениями о надвигающейся опасности. Добавлю, что информация шла как по каналам военной, так и других видов разведки.

Соглашусь, что не всегда данные были точными и своевременными, поступали сообщения противоречивые, а иногда и ложные. Но нет и не было еще в мире такой разведки, которая всегда и при любых обстоятельствах предоставляла бы только точные сведения! Главная трудность для нашей (и не только нашей) разведки состояла не в том, чтобы добывать информацию, а в том, чтобы в нее поверило политическое и военное руководство — особенно если собранные сведения не укладывались в схему, в плену которой находилось само это руководство.

О чем и когда сообщала военная разведка? Вот лишь некоторые примеры.

21 февраля 1941 года от Радо было получено следующее сообщение: «Германия сейчас располагает на Востоке 150 дивизиями. Наступление Гитлера начнется в конце мая». (Замечу, что, по состоянию дел на февраль, эта дата была указана правильно. Однако в связи с ранее намеченным нападением на Югославию и Грецию начало военных действий против СССР было отложено на 4-5 недель).

От Рихарда Зорге в начале марта 1941 года были получены фотокопии телеграмм министра иностранных дел Риббентропа, в которых тот информировал германского посла в Токио Отта о запланированном нападении Германии на Советский Союз во второй половине июня 1941 года.

20 марта 1941 года начальник Главного разведывательного управления генерал Ф. И. Голиков представил руководству страны доклад, содержащий сведения исключительной важности. В этом документе назывались возможные направления ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, эти данные последовательно отражали этапы разработки гитлеровским командованием плана «Барбаросса», а в одном из вариантов практически была изложена суть этого плана.

Правда, в конце доклада говорилось о том, что слухи и документы, говорящие о неизбежности войны Германии против СССР весной этого года, необходимо расценивать как дезинформацию. Как понимать этот вывод? Думаю, что, если бы Голиков в конце доклада не сделал такого вывода, этот документ никогда не дошел бы до Сталина. Такие были времена. Но текст доклада говорил сам за себя, и он полностью снимает обвинения с военной разведки. В дальнейшем стал известен еще один подписанный Филиппом Ивановичем Голиковым подробный доклад о сосредоточении немецких войск на советской границе. Он датирован 5 мая 1941 года и был адресован Сталину, Молотову и другим руководителям ВКП(б) и советского государства. В выводах говорилось о том, что «необходимо считаться с дальнейшим усилением немецкого сосредоточения против СССР».

Много важных данных было получено от работника германского посольства в Москве Герхарда Кегеля, который начал сотрудничать с нашей военной разведкой еще в 1939 году. Так, 11 июня 1941 года он сообщил, что немецкое посольство в Москве 9 июня получило из Берлина приказ подготовиться к эвакуации в течение семи дней, и в связи с этим в подвальном помещении посольства сжигаются секретные документы.

12 июня Шандор Радо известил Центр: «Общее наступление на СССР начнется на рассвете, в воскресенье, 22 июня».

А вот сообщение от Рихарда Зорге, датированное 15 июня: «Нападение на СССР произойдет по широкому фронту на рассвете 22 июня».

Со своей стороны 20 июня Кегель проинформировал ГРУ о приближении начала войны и о том, что, по его данным, нападение произойдет в субботу, 21-го или в воскресенье, 22 июня. В тот же день он сообщил, что по уточненным данным война начнется на рассвете 22 июня!

Это только фрагменты общей картины. Все эти данные приведены, в частности, для того, чтобы показать, как эффективно работала агентурная разведка перед началом войны, то есть в то самое время, когда я был заместителем начальника управления. Естественно, что в организации работы разведки я, наряду с другими сотрудниками ГРУ, принимал непосредственное и активное участие.

Итак, на мой взгляд, бесспорно одно: политическое и военное руководство Советского Союза своевременно располагало достаточными данными о подготовке и сроках нападения фашистской Германии на СССР. Почему же не были приняты обязательные в таком случае широкомасштабные меры для отражения агрессии? Почему страна не предстала во всеоружии перед лицом врага? Ведь сил и средств для этого, по общему признанию, было достаточно. Кто в первую очередь виноват в преступном бездействии?

Не столь трудно отыскать главную фигуру, по вине которой германскому командованию удалось осуществить внезапное на падение, нанести нам в первые дни войны колоссальные и неоправданные потери и поставить нашу страну и Вооруженные Силы в тяжелое положение. Учитывая, что Сталин в то время единолично принимал все без исключения важнейшие решения по государственным и военным вопросам, его, без сомнения, следует назвать главным виновником. Дело в том, что Сталин с упорством маньяка не доверял данным военной разведки. Он решительно отвергал их, считал все сведения о подготовке Гитлером нападения на Советский Союз обычной западной, главным образом английской, дезинформацией, а то и просто провокацией. Сталин не верил не только разведчикам, но и нашим послам, которые из разных стран слали тревожные депеши. Он не поверил

британскому премьеру Уинстону Черчиллю, лично передавшему через английского посла в СССР Крипса информацию о готовности нацистов напасть на Советский Союз. Он, наконец, не послушал даже немецкого посла в СССР Шуленбурга, который, рискуя жизнью, отважился предупредить наше руководство о решении Гитлера начать войну 22 июня. Сталин лишь резюмировал: «Будем считать, что дезинформация пошла на уровне послов». И даже, когда неизвестный немецкий перебежчик буквально за несколько часов до нападения пересек границу и сообщил, что в войсках уже зачитан приказ о наступлении, «вождь всех народов» все еще считал, что это провокация. Парадоксально, но факт: вплоть до первых минут кровавой бойни Сталин доверял лишь одному человеку - Гитлеру.

Существует множество попыток найти объяснение такому поведению Сталина перед войной. Утверждается, в частности, что он всячески стремился оттянуть сроки начала войны, чтобы лучше подготовить страну к отпору агрессии. Бытует мнение и о том, что немцы упредили нас в стратегическом развертывании.

Наконец, в некоторых научных трудах позиция Сталина объясняется тем, что к нему поступало много дезинформационных и дезориентирующих материалов. Насколько это объяснение верно? Действительно, еще в феврале 1941 года по указанию Гитлера начальником штаба верховного главнокомандования фельдмаршалом Кейтелем была разработана директива по осуществлению широкого спектра мер по дезинформации противника. Цель ее заключалась в том, чтобы все мероприятия по подготовке нападения на Советский Союз представить как маскировку «предстоящего вторжения» на Британские острова. Так что же необычного в том, что гитлеровское командование в целях маскировки сроков и планов вторжения именно в СССР осуществляло широкую кампанию дезинформации? Во все времена и во всех войнах проводились мероприятия по дезинформации противника. Странно не это. Станным выглядит то, что дезинформация принималась за истину, а истина - за дезинформацию. Где же стратегический гений Сталина? Не следует ли признать — как это ни печально! - что гитлеровскому командованию удалось ввести в заблуждение, прежде всего, самого верховного главнокомандующего?

Возможно, для объяснения (но не для оправдания) следует напомнить, что описанные события происходили в условиях существования германо-советского пакта о ненападении 1939 года, которому Сталин, судя по всему, придавал огромное значение и фанатично верил в его постулаты. Во всяком случае он твердо считал, что конфликт с Германией, если и произойдет, то только после победы Гитлера над Англией. Поэтому все поступающие сведения (от кого бы они ни исходили), касающиеся подготовки немецко-фашистских войск к нападению на Советский Союз, он рассматривал как провокацию, исходящую, скорее всего, от англичан, которые, как считал Сталин, стремились торпедировать советско-германские отношения и тем самым дать Гитлеру повод для войны против СССР. Не случайно Зорге в числе первых был зачислен «вождем всех народов» в разряд английских шпионов!

Возможно, если бы удалось обнаружить личную переписку Сталина и Гитлера в 1941 году, особенно в апреле, когда советский вождь просил фюрера дать разъяснения по поводу концентрации немецких войск на границе СССР, то в какой-то степени пролился бы свет на поведение будущего генералиссимуса в тот период. К сожалению, эти письма исчезли. Они не найдены ни в Германии, ни в нашей стране.

Другая важная причина успеха фашистов в первый период военных действий заключалась, на мой взгляд, в неготовности советских войск к отражению агрессии гитлеровской Германии.

Почти с самого начала войны я оказался на фронте и считаю, что мне повезло, и, прежде всего потому, что по долгу своей службы мне пришлось встретиться с исключительно интересными военачальниками. Некоторые из них стали впоследствии героями войны и признанными полководцами, судьба других оказалась менее удачной. Мне, как и многим другим офицерам штаба фронта, приходилось по тем или иным причинам иногда ходить на доклады к высшему начальству. Было это крайне редко, нерегулярно, но и эти короткие встречи навечно запечатлелись в моей памяти.

Директивой Народного комиссара обороны от 23 июня 1941 года была сформирована группа войск в составе четырех армий под командованием Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного. Начальником штаба был назначен генерал Маландин. Уже после войны судьба меня снова свела с этим человеком. Герман Капитонович Маландин в 1958 году был назначен начальником Военной академии Генштаба. Но вернемся к военной поре. Ставка главного командования рассчитывала, что группа армий под командованием Буденного создаст новый рубеж обороны восточнее позиций сопротивления войск Западного военного округа, остановит дальнейшее продвижение немцев и будет готова к контрнаступлению.

Начальником разведотдела штаба группы был назначен полковник Абсальмов, а я — его заместителем по агентуре. 27 июня 1941 года штаб разместился в поселке Гнездово под Смоленском. Все делалось в спешке, на ходу, точных задач никто не определял, считалось, что каждый офицер штаба должен сам знать, что ему надо делать в этой напряженной обстановке.

В скором времени штаб Западного округа влился в состав нашего штаба. Командующим округа был Герой Советского Союза генерал Д. Г. Павлов, начальником штаба — генерал В. Е. Климовских, а начальником разведотдела — полковник Блохин. Создавалось впечатление, что все они не находили себе места в суматохе происходящего.

Генералу Павлову, воевавшему в Испании и получившему там звание Героя Советского Союза, в то время было немногим более сорока лет. Всего около года он командовал округом. В самом начале войны войска округа были разгромлены, и Павлов находился в страшно угнетенном состоянии. Видимо, ему не хватало общения, он искал собеседников, и я оказался одним из его слушателей. Он поведал мне о своей встрече со Сталиным, о том как хорошо Верховный главнокомандующий его принял и даже пообещал назначить командиром не то механизированного, не то танкового корпуса, а на прощание подарил новенький ППШ (пистолет-пулемет системы Г. С. Шпагина). Был ли Павлов в действительности у Сталина — не знаю, рассказываю об этом с его слов.

Климовских производил впечатление хорошо подготовленного, вдумчивого и организованного штабиста высокого класса. А тут в самый разгар тяжелых сражений он оказался не у дел и очень из-за этого переживал. Блохина постигла такая же участь, что и старших офицеров штаба округа. Этим людей как будто выдернули из общего хода событий. Все чего-то выжидали.

И вдруг, совершенно неожиданно, пришел приказ Сталина: «Д. Г. Павлов и В. Е. Климовских за непринятие необходимых мер к отражению агрессии и допущенные ошибки осуждаются и приговариваются судом военного трибунала к расстрелу». Приговор в отношении генералов был незамедлительно приведен в исполнение. Для нас этот приказ прозвучал как гром среди ясного неба. Никто такого трагического развития событий не ожидал, но все четко осознали: Сталин таким образом свалил свою вину на других и тем самым ответил от себя возможные подозрения, упреки и гнев народа. Уже после войны и Д.Г.Павлов, и В.Е. Климовских были посмертно реабилитированы. Однако во всех военно-энциклопедических словарях, изданных за последние годы, имена этих двух прославленных генералов упоминаются лишь вскользь, и нет ни слова об их трагической и несправедливой судьбе.

Начальником разведотдела штаба группы армий был полковник Абсалямов, но пробыл он на этой должности недолго. Неожиданно к нам прибыл в качестве члена Военного совета начальник главного политуправления и заместитель наркома обороны Лев Захарович Мехлис и потребовал немедленной отставки Абсалямова и отправки его в Москву. Чем-то полковник ему не понравился еще по войне с белофиннами. Позднее Абсалямов был назначен на командную должность и вполне успешно воевал. Так или иначе, но на некоторое время мы остались без начальника. А тут вдруг звонок — вызывает командующий, Маршал Советского Союза С. М. Буденный на доклад. Пришлось идти мне. К докладу я попытался тщательно подготовиться, хотя сделать это было крайне сложно: воздушная разведка работала нерегулярно — не было достаточных средств, и к тому же в воздухе господствовала немецкая авиация. Неплохо работала лишь радиотехническая разведка, за счет подвижных средств Центра, переданных нашему отделу. Что же касается агентурной разведки, то здесь бедой было отсутствие надежной радиосвязи. Мы пользовались маршрутниками, но их данные запаздывали. К тому же устойчивая линия фронта в обычном смысле этого слова отсутствовала. На одном направлении немецкие войска глубоко вклинились на восток, а на другом — наши войска продолжали оказывать героическое сопротивление далеко на западе, уже в тылу немецких войск.

В этих условиях составить цельное впечатление об обстановке на фронте было очень трудно. Конечно, я нанес на карту маршруты движения танковых колонн противника, засеченные воздушной разведкой, сосредоточение войск на отдельных направлениях и т.п.

И вот я предстал перед маршалом. После представления по форме, выдержав паузу, я разложил перед Буденным карту, ожидая, что он, не мешкая, возьмется за дело. Каково же было мое удивление, когда он лишь бегло взглянул на карту и вдруг произнес фразу, которую я впоследствии слышал от него несколько раз:

— Ты меня своим Гитлером не пугай! Не боюсь я твоего Гитлера!

Конечно, это было сказано в шутку, но шутить в то время мне не очень-то хотелось. Судя по всему обстановкой на фронте маршал особенно не интересовался, да и вряд ли он смог бы разобраться в этих сложных и запутанных событиях.

— Где Кулик? — вдруг спросил Буденный.

Речь шла о маршале Советского Союза Г.И.Кулике, который в начале войны оказался в Прибалтике, в тылу у немцев, и сейчас выходил из окружения, похоже, в направлении нашего фронта. Я ответил, что не знаю. Он еще раз переспросил меня о моей должности и заключил:

— Твоя главная задача — найти Кулика. Не отыщешь — голову сниму. Ничего и никого не жалей. Если что узнаешь, сразу докладывай.

Между тем судьба Героя Советского Союза маршала Г. И. Кулика трагична. После выхода из немецкого тыла, Григорий Иванович в ходе войны командовал армиями. В 1942 году по злобному навету врагов был понижен в звании до генерал-майора. Пять лет спустя, уже после великой Победы, по ложному обвинению в «антисоветской враждебной деятельности» был арестован. В 1950 году Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. В 1956 году реабилитирован, и год спустя восстановлен в звании маршала Советского Союза. В справочниках и энциклопедических словарях об его аресте и расстреле не упоминается. Разумеется, о дальнейшей судьбе маршала я узнал лишь много лет спустя.

После беседы с Буденным я пребывал в подавленном состоянии. Где Кулик и как его искать, я понятия не имел. На фронте обстановка тяжелая: вот-вот мы оставим еще один рубеж, где сейчас идут боевые действия... Да и как можно в такое сложное и опасное время заставить разведотдел фронта заниматься поисками Кулика — нет для этого ни сил, ни средств, ни времени. И все же, к моему еврейскому счастью, Кулик под охраной автоматчиков благополучно вышел из немецкого тыла. Я был спасен. Но, честно говоря, после того случая мое мнение о Буденном-полководце очень резко изменилось в худшую сторону.

Мне приходилось тогда также докладывать маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко, генералу И. С. Коневу.

Они, в отличие от С. М. Буденного, всегда слушали внимательно, глубоко и целеустремленно интересовались действиями и расположением группировок противника. А вот генерал Еременко, который одно время был заместителем командующего Западным фронтом, чем-то напоминал С. М. Буденного — те же категоричные оценки, такие же безапелляционные выводы...

10 октября 1941 года Западный фронт возглавил генерал Г. К. Жуков. Докладывать ему было хоть и труднее, но интереснее. Обычно он сразу же требовал карту и в полном молчании долго рассматривал нанесенные на нее позиции противника, потом вслух рассуждал о группировке немцев, их возможных действиях и планах. Слушать Георгия Константиновича было не только интересно, но и поучительно. Если другие военачальники плохо помнили номера дивизий противника, районы их прежней дислокации и размещения резервов, то Георгий Константинович Жуков все держал в голове — и это несмотря на то, что перед Западным фронтом стояло более 50 дивизий противника. У генерала была прекрасная память: он не упускал даже мелочи. Вопросы его были неожиданные, словно внезапный хлопок выстрела, и всегда трудные, именно те, к ответу на которые, признаюсь, я был не очень-то готов. Обычно разведчик в конце доклада должен излагать выводы. И когда я однажды по установившемуся правилу произнес: «Разрешите доложить выводы», он ответил: «Я и без твоих выводов как-нибудь разберусь сам».

Обижаться на него было невозможно, потому что, действительно, по умению быстро схватить суть вопроса, оценить стратегическую обстановку, сделать правильные выводы, спрогнозировать действия противника ему не было равных.

Жуков обладал удивительно острым и хорошим литературным языком. Читая стенографические протоколы допросов пленных, удивляешься, какие только хлесткие замечания он ни делал. Генерал умел поймать допрашивающего на вопросах незначительных и даже глупых.

После его назначения командующим фронтом характер работы штаба и вся обстановка в нем резко изменились. Неизмеримо повысилась требовательность, усилилась дисциплина, штаб заработал более организованно и активно.

Помнится, однажды, в ходе операции под Москвой, на имя Г.К. Жукова пришло письмо, насколько я помню, из Вашингтона от дирекции какого-то музея, который собирал автографы великих полководцев и государственных деятелей. В письме говорилось, что музей хотел бы получить от него небольшой текст с подписью. В письме были также приведены имена великих людей, чьи автографы хранятся в этом научно-просветительском заведении.

Перевод письма с подлинником был возвращен мне с такой резолюцией Георгия Константиновича: «Тов. Мильштейну. Искусство полководца заключается не в одном или двух удачно проведенных сражениях, а в выигрыше всей войны. Вот кончится война, выполню свою задачу и тогда с удовольствием исполню Вашу просьбу. Г.К. Жуков».

Я в это время сидел с картой у телефонов и собирал сведения для разведсводки, которую поздно ночью должен был докладывать ему лично. Это письмо я отложил сначала в сторону, но потом все же дал перевести текст резолюции Г. К. Жукова, отпечатал и держал все это время около себя.

Через некоторое время позвонил адъютант командующего и от его имени поинтересовался, все ли у меня готово. В ответ на это отпечатанный текст

ответа и подлинник самого письма я направил в адрес Г.К. Жукова.

Через некоторое время вновь раздался звонок того же адъютанта (если не ошибаюсь, полковника Медведева), который буркнул в трубку, чтобы я немедленно позвонил «первому», то есть командующему. Этого только не хватало, наверняка сейчас будет «взбучка» за что-нибудь, а мне надо готовиться к докладу. О посланном материале я и не подумал. Делать было нечего, и я позвонил. После того, как я представился, раздался голос Жукова:

— Надеюсь, что вы еще не совсем дурак.

Я ожидал чего угодно, но только не этих слов. Я промолчал. А что мне надо было ответить: «Так точно!» или «Я еще не совсем дурак», или что дурак, но не совсем, или что-нибудь в этом роде...

Он переспросил:

- Вы слышите меня? Тогда я решился промолвить:

- Я не совсем понимаю, о чем идет речь.

- Как же вы, дурная голова, решаетесь направить прямо из штаба фронта от моего имени письмо англичанам, минуя отдел внешних сношений.

Я действительно забыл написать о том, что письмо посылается через отдел внешних сношений, но, конечно же, имел это в виду. И вместо того, чтобы доложить об этом, я решил поправить командующего и сказал, что письмо адресовано не англичанам, а американцам. Жуков не договорил и бросил трубку. Письмо вернулось ко мне обратно. Через пару часов меня вызвал начальник штаба фронта генерал В. Д. Соколовский. Выслушав мое объяснение, Василий Данилович посмотрел письмо и сказал:

- Знаешь, не до этого сейчас, занимайся своим делом.

А письмо и английский текст, к сожалению, тут же разорвал и бросил в корзину.

В пять часов утра я уже вновь был у командующего с докладом. Он смотрел на меня сурово, разглядывал карту и молчал. Я же с напряжением ожидал, что вот-вот он вновь начнет меня ругать, но о «музейном» эпизоде Г.К. Жуков так и не упомянул в то утро. Впрочем, он не упоминал об этом случае и потом. А вот я запомнил этот эпизод на всю жизнь.

Во второй половине 1942 года я был отозван с фронта для продолжения службы в Главное разведывательное управление. Сначала меня назначили начальником отдела, а вскоре - заместителем начальника Первого (агентурного) управления ГРУ.

О нашей военной разведке того времени на Западе написано много книг, в том числе и теми, кто стоял во главе важнейших резидентур, например, Радо («Дора»), Треппером («Отто»), А. Футом («Джим»), Рут Вернер («Соня»), Герхардом Кегелем и другими, и нет необходимости пересказывать содержание всех этих воспоминаний. Могу только повторить сказанное ранее: разведка в ходе войны работала успешно. Подготовка некоторых операций фашистского командования (например, под Курском) была своевременно вскрыта нашими разведчиками, что значительно облегчало осуществление нашими войсками успешных контрдействий. Вклад разведки в победу бесспорен и не хотелось бы в этой книге повторять то, что уже широко известно. Но о «канадской истории», которая оказала большое влияние на дальнейшую судьбу всей советской разведывательной службы, не могу не рассказать.

ГЛАВА IV ДЕПО ГУЗЕНКО

Прошло более 45 лет с тех незабываемых и тревожных для нашей военной разведки дней сентября 1945 года, когда шифровальщик военного атташе в Канаде, 26-летний лейтенант Советской Армии Игорь Гузенко, став на путь предательства, перешел на службу к канадцам. Он хорошо понимал, что с пустыми руками ему в Канаде делать нечего, поэтому решил выдать канадским властям собранные им за два года, пока он работал шифровальщиком в аппарате военного атташе, подробные данные о деятельности советской военной разведки в Канаде.

К побегу он готовился с момента приезда в страну.

Секретные материалы, которые он передал, в конце концов (после долгих обращений по разным адресам) Королевской канадской конной полиции (полицейская служба Канады), всесторонне разоблачали деятельность советской военной разведки в этой стране, а по своему значению и ценности не имели себе равных в истории побегов и предательств разведчиков. Они могли сравниться по резонансу и последствиям для последующей деятельности разведки только с делом Филби и Блэйка, да и то в известной мере.

Мне по долгу службы пришлось заниматься делом Гузенко, и, конечно же, я был свидетелем того, как реагировали на это предательство не только руководство военной разведки, но и высшие должностные лица Советского Союза.

По причине недопустимой беспечности, ротозейства и легкомысленного поведения военного атташе СССР в Канаде полковника Заботина и его трех помощников - полковника Мотинова, майора Рогова и майора Соколова (к началу 90-х годов все они, насколько мне известно, стали генерал-майорами и находились либо в запасе, либо в отставке), которые доверяли Гузенко всю свою переписку для хранения или уничтожения, на руках у перебежчика оказались секретные документы. Он снимал копии с тех, которые шли в архив, а материалы, требующие уничтожения, хранил в надежном месте.

Своей преступной деятельностью Гузенко занимался с 1942 по 1945 год.

В истории Гузенко были нарушены все писанные и неписанные законы секретной службы. По существующим в разведке правилам шифровальщик не имеет права жить на частной квартире - ему обязаны предоставить жилую площадь в помещении, имеющем экстерриториальность, то есть в посольстве. Так оно в начале и было. Но у Гузенко рос маленький ребенок, который иногда по ночам кричал, а жена военного атташе не терпела детского плача. В результате Заботин, находившийся под каблуком жены, заставил Игоря Гузенко переехать на частную квартиру.

В то же время Мотинов и Рогов, также вопреки инструкциям, по своей инициативе стали заводить подробные личные дела на всех, с кем они работали или которых в тот момент «разрабатывали». В этих досье содержались имена, адреса, места работы и другие данные и на уже действующих агентов, и на лиц, которых они собирались в дальнейшем сделать своими осведомителями.

Материалы хранились в сейфе у Мотинова, ключом к которому мог пользоваться только он сам. Второй же ключ, опечатанный, в специальном пакете, на всякий «пожарный случай» должен был храниться у старшего шифровальной комнаты и никому не выдаваться. Но Мотинов по глупой наивности не предполагал, что Гузенко уже давно подобрал ключ к его сейфу и систематически прочитывал все секретные документы, снимая с

них копии.

Сама история побега шифровальщика советского посольства в Канаде довольно необычна. Еще в сентябре 1944 года начальник управления подумывал об отзыве Гузенко на родину и для начала приказал переселить его в дом военного атташе. Полковник Заботин, опять же пойдя на поводу у жены, не выполнил этого приказа Центра. Позднее, через год, в августе 1945, тогдашний начальник ГРУ генерал-полковник Ф.Ф.Кузнецов сам составил телеграмму с категорическим приказом Заботину немедленно отправить Гузенко и его семью в Москву. Помню, тогда Федор Федорович вызвал меня к себе и с гордостью показал текст телеграммы, которую он отправил. Прочитав ее, я схватился за голову: телеграмму-то будет расшифровывать сам Гузенко! А она содержала явные угрозы в его адрес. Но Кузнецов слабо представлял последствия своего опрометчивого шага и никого не хотел слушать. Телеграмма, между тем, благополучно дошла до адресата в Оттаве. Естественно, получив и расшифровав подобную депешу из Центра, испуганный Гузенко сразу же собрал все имевшиеся в его распоряжении документы и сентябрьским вечером 1945 года тайно покинул квартиру.

Свой ценный товар шифровальщик предлагал различным организациям вплоть до местных газет, но ему нигде не верили. Два дня он был в бегах. В это время его легко можно было задержать, но этого никто не сделал. 7 сентября Игорь Гузенко в конце концов попал в надежные руки Королевской канадской конной полиции, которая и начала раскручивать предателя. Бегство в «свободный мир» шифровальщика советского посольства в Канаде произвело на Западе эффект разорвавшейся бомбы. Список агентов, которых выдал Гузенко, включал многих известных в Канаде и за ее пределами людей - членов канадского парламента, ученых-атомщиков, руководящих деятелей компартии и некоторых лиц из других стран. Поскольку связи канадской сети ГРУ простирались в США и Великобританию, полиция Канады установила контакт с контрразведывательными службами этих стран. Шифровальщик превратился чуть ли не в национального героя этой страны. Премьер-министр Канады сразу же направился в Вашингтон на встречу с президентом США, чтобы обо всем его проинформировать.

В Оттаву спецрейсами прибыли едва ли не все крупнейшие специалисты по советской разведке из разных стран мира. Единственной целью их визитов была встреча с Гузенко. Конечно, все они осознавали, что данные советского шифровальщика носят ограниченный характер и не простираются дальше тех материалов, которые он выкрал из тайников советской резидентуры в Канаде. Перебежчик же, в свою очередь, желая придать себе вес, принялся фантазировать, выдумывать имена, истории, которых на самом деле не было. Тем не менее, на его удочку попались многие. Такие крупные эксперты, как Питер Райт из Великобритании (автор нашумевшей книги «Spy Catcher») и Джеймс Энглтон из американского ЦРУ, подозревавшие абсолютно всех, поверили этим выдумкам. В дальнейшем уйма времени, сил и средств была потрачена на проверку фантазий Гузенко.

Для того, чтобы представить себе, что в это время происходило в Москве и какова была первая реакция Центра на побег Гузенко, надо вернуться немного назад, в 1944 год.

Начальником военной разведки в то время был Иван Ильичев, позднее, после войны, долгое время работавший на различных должностях в МИДе СССР. В 1944 году мы начали готовить первые предварительные оценки деятельности военной разведки по обеспечению информацией советских вооруженных сил и оказанию им непосредственной помощи для осуществления успешных действий по разгрому немецко-фашистских войск.

Стратегическая военная разведка в то время подчинялась лично Сталину. Оперативная военная разведка, то есть разведка фронтов и войск, находилась в подчинении начальника Генерального штаба. Все внимание стратегической военной разведки в те годы было сосредоточено на получении конкретных данных о планах, намерениях, численности и группировках немецко-фашистских войск, особенно на советско-германском фронте. Вторым главным направлением была деятельность, направленная против Японии. На это были нацелены все наши службы. Остальные направления нашей работы в тот период носили второстепенный характер. Разведка против США и Канады, в сущности, преследовала ту же цель, то есть получение в этих странах данных о военных противниках Советского Союза - Германии и Японии.

Внешне казалось, что против Соединенных Штатов и Канады прямой разведывательной деятельности не ведется, за исключением технической разведки (получение данных о новых военных технологиях). Но нас беспокоили и другие вопросы: что будут делать Соединенные Штаты после успешного окончания войны, какова будет их политика по отношению к Советскому Союзу, что произойдет с их мощными и многочисленными вооруженными силами после победы над фашистской Германией и ее сателлитами. Интересовали также люди, работающие на нас: как они выполняют свои обязательства, каковы их взаимоотношения, готовы ли они к решению новых задач, понимают ли возникающую в мире принципиально новую ситуацию, связанную с разгромом гитлеровской Германии. На эти вопросы надо было получить ответы, чтобы строить планы на будущее. Кроме того, у наших сотрудников могло накопиться много вопросов и личного, и служебного характера, на которые тоже надо было дать ответы. А существующая модель разведслужбы такой возможности не представляла. И вот весной 1944 года я, как заместитель начальника Первого управления военно-стратегической разведки, должен был отправиться в США, Канаду и Мексику. Было заранее оговорено, что ни с кем из «нелегалов» я встречаться не должен.

Вопрос о том, в качестве кого ехать по такому сложному маршруту, долго не обсуждался. Самое удобное было отправиться дипломатическим курьером, к тому же я уже ездил дипкурьером в разное время, в том числе и во время советско-финской войны, знал технику этой службы, обращение с дипломатической почтой, правила поведения советского гражданина за рубежом. Я был назначен старшим дипкурьером, вторым дипкурьером стал Григорий Косарев, штатный сотрудник МИДа СССР. Мне была «присвоена» фамилия Мильский.

В Центре были озадачены выбором маршрута, по которому можно было бы добраться до Америки. Задача, прямо скажем, не из легких, ибо в то время практически во всех уголках земного шара шла война. После долгого обсуждения был выбран фантастический, на первый взгляд, маршрут: Москва - Баку - Тегеран - Хаббания - Лидда - Каир - Алжир - Касабланка - Азорские острова - Прескайл (США) - Нью-Йорк - Вашингтон - Мексико-Сити - Сан-Франциско - Лос-Анджелес - Оттава - Нью-Йорк - Ном (Аляска) - Уэлькаль (Чукотка) - Якутск - Красноярск - Казань - Москва.

Чтобы не показаться читателю голословным фантазером, приведу выдержку из доклада Комитета по антиамериканской деятельности палаты представителей Конгресса США от 30 декабря 1951 года: «Комитет установил, что ответственные представители разведки и НКВД часто посещали США под видом дипломатических курьеров. Так было в случае с Михаилом Мильским и Григорием Косаревым. По словам Игоря Гузенко, настоящая фамилия Мильского - Мильштейн. Это заместитель начальника военной разведки, Косарев - инспектор НКВД. Весной 1944 года Мильский и Косарев, путешествуя в качестве дипломатических курьеров, проводили совместную инспекцию советских разведывательных учреждений в Соединенных Штатах, Мексике и Канаде».

В документе все изложено правильно, за исключением того, что Косарев был просто дипкурьером МИДа СССР, а отнюдь не инспектором НКВД, а я был заместителем начальника не всей военной разведки, а только Первого агентурного управления.

Короче говоря, в конце марта 1944 года, забрав огромный дипломатический багаж из здания Министерства иностранных дел, размещавшегося тогда на Кузнецком мосту, там, где сегодня находится памятник Воровскому, мы в сопровождении сотрудников МИДа и охраны направились в аэропорт. Путь оказался нелегким, но, наконец, 3 апреля мы прилетели в США. Нас встретили и доставили в Генконсульство СССР в Нью-Йорке, которое все еще размещалось по знакомому мне адресу, рядом с Центральным парком.

Несмотря на огромную усталость, я с каким-то особым чувством входил в этот дом после шестилетнего отсутствия. Здесь прошли, напряженные и неповторимые, четыре года моей жизни, моей юности. Здесь я впервые окупился в разведывательную службу с ее необъяснимыми, зачастую надуманными секретами и неразгаданными «ребусами». Мне, воспитанному на определенных коммунистических догмах, даже самому себе было трудно и боязно признаться, что США - прекрасная страна, а американцы — в большинстве хорошие простые люди, работяги.

В 30-е годы именно в этом посольстве я познакомился, а позднее мы стали друзьями, с замечательными людьми, героями-летчиками В.П.Чкаловым и М.М.Громовым, членами их экипажей, совершивших беспрецедентный перелет через Северный полюс. Там же я подружился с писателями Ильей Ильфом и Евгением Петровым, художником А.А.Дейнекой. Я и по сей день счастлив, что по их просьбе какое-то время помогал им как переводчик. Генконсулом СССР в США в то время был Киселев, впоследствии посол Советского Союза в Канаде.

О нью-йоркском периоде этого путешествия я писать много не буду. Ничего запоминающегося не происходило, да и пробыли мы в Нью-Йорке всего несколько дней. Старшим представителем ГРУ в этом городе был полковник Михайлов, инженер по образованию. Другой ответственный работник аппарата ГРУ занимал должность вице-консула. Он слабо знал английский язык, но был честным, исполнительным, по-своему добрым человеком, который очень старался, чтобы мое пребывание в Нью-Йорке не ограничивалось одними лишь делами и оставалось время для отдыха и развлечений. Я с удовольствием ходил по улицам ставшего мне родным города. Многие здесь, конечно, изменилось, в какой-то степени чувствовалась война. Вместе с тем город жил полнокровной жизнью, и человеку, прибывшему из Москвы, все здесь казалось странным. Главное - не было затемнений на окнах, люди не знали воздушных тревог, бомбардировок... Бродвей - главная магистраль Нью-Йорка - светился, играл и гулял. Жители города не были ограничены в прогулках, не питались по карточкам, не мерзли в неотопливаемых жилищах, даже не представляли себе, что значит жить в коммунальных квартирах.

Надо иметь в виду, что ни в одном из пунктов маршрута я долго задерживаться не мог, так как надо было везти дипломатическую почту дальше и, соответственно, забирать корреспонденцию для доставки в Москву. На все про все (доставка почты, ее разборка, подготовка новой порции корреспонденции, ее упаковка) отводилось примерно от 7 до 15 дней в каждом из пунктов нашей поездки. Несколько больше времени я провел в Мексике, где советским послом в то время был Константин Уманский, мой хороший друг. Искренне обрадовавшись моему приезду, он никак не хотел меня отпускать.

Судьба Уманского сложилась трагично. Перед его отъездом в Мексику сын Шахурина, тогдашнего наркома авиационной промышленности, будучи влюбленным в дочь Уманского, потребовал, чтобы она не уезжала вместе с родителями. Девушка не согласилась. Тогда парень, вызвав ее на свидание на Москворецком мосту, вблизи Дома на набережной, где они жили, завязал ссору и выстрелил в девушку. Увидев, что его возлюбленная мертва, он попытался покончить с собой.

На этом несчастья семьи Уманских не завершились. В дальнейшем Константин Уманский и его жена погибли в Мексике в авиационной катастрофе, произошедшей, предположительно, в результате диверсии местных спецслужб.

В Оттаву я прибыл вместе с Косаревым где-то в первой декаде июня и отбыл оттуда в Нью-Йорк 16 июня 1944 года.

Сдав почту, приступил непосредственно к своей работе и вскоре встретился с Забелиным. Он выглядел замечательно: стройный, моложавый человек, с красивой кудрявой седой шевелюрой. Я впервые увидел его, и он сразу расположил меня к себе. Мы решили провести нашу встречу на территории посольства, так как посещать дом военного атташе было небезопасно.

Подробно расспрашивая его о каждом оперативном работнике, я не предполагал говорить о Гузенко, поскольку шифровальщик относился к группе технических сотрудников. Но Заботин сам заговорил о нем. Он лестно отзывался об Игоре Гузенко, отметив, что это молодой, но очень перспективный работник. Неожиданно Заботин попросил меня поговорить с шифровальщиком лично. Тогда я и узнал совершенно случайно, что Гузенко живет на отдельной квартире, а не в доме военного атташе. Вначале я даже не поверил этому. Тут же спросил Заботина, кто же дал ему на это разрешение. Он сослался на жену, которая настояла на переселении по причине, о которой я уже рассказывал. Я тут же настоятельно порекомендовал ему в самые ближайшие дни вернуть Гузенко в дом военного атташе. Видно было, что Заботин расстроился, но возражать мне не стал, да и не имел права. После этого разговора у меня на душе остался неприятный осадок.

Встретился я в Оттаве и с Мотиновым (псевдоним «Ламонт»). Он, в сущности, являлся главным помощником Заботина по оперативной работе.

Беседовали мы в специальной комнате, куда доступ имели немногие.

Эта комната находилась рядом с шифровальной, где обрабатывались все телеграммы, и была самым засекреченным местом в посольстве. Во время беседы с Мотиновым меня не покидали мысли о Гузенко, который вопреки всем правилам конспирации жил, как оказалось, вне здания военного атташе. «Что же, — думал я, — военный атташе не может справиться со вздорными капризами жены и преступно нарушает существующий порядок?» Я поинтересовался мнением Мотинова по этому поводу. Он заявил, что его это не касается. Далее «Ламонт» показал мне сейф, где хранились все его документы. На мой вопрос, кто имеет к сейфу доступ, Мотинов ответил, что только он сам и никто больше. У меня не было времени проверить содержимое сейфа. По-видимому, это явилось моей грубой ошибкой.

Наступила очередь Гузенко. Как всегда в таких случаях, я начал издали: как семья, чем занимается жена в свободное время, что он делает сам в выходные дни, каковы квартирные условия, не хочет ли он вернуться в Союз, как обстоят дела с английским языком... О делах в начале беседы — ни слова.

Неожиданно Игорь выразил желание участвовать в оперативной работе. Для меня это заявление показалось странным.

- Что же конкретно вы могли и хотели бы делать? — спросил я.

- Этого я не знаю, но чувствую, что мог бы участвовать в оперативной работе и приносить пользу родине не меньше, чем другие наши сотрудники, — ответил он.

—И все же? — добивался я прямого ответа.

Гузенко пожал плечами и ничего мне не ответил. Тогда я задал другой вопрос.

—А что конкретно вам известно о нашей работе в этой стране?

Вдруг Игорь Гузенко как-то насторожился, в лице появилось напряжение, и он отвел взгляд. Что-то мне не понравилось, но я продолжал спрашивать. Он же всячески стал уходить от серьезного разговора, жалуясь на низкий оклад и не очень хорошие жилищные условия. Но в целом наш диалог с Гузенко завершился на мажорной ноте: он доволен работой и хотел бы еще раз, когда у меня будет время, встретиться.

Я тоже решил знакомство с шифровальщиком продолжить.

Выезжая за рубеж с инспекционной целью, я никогда не пользовался местным шифром, а всегда имел свой собственный, известный только Центру. Так было и на этот раз. Я сам зашифровал свою телеграмму и сдал ее Гузенко для отправки в Москву. Шифровальщик посмотрел на нее и вдруг сказал мне: «Товарищ полковник, ну зачем вы тратите время на такую ерунду. Дали бы мне текст, я бы все сделал и быстрее, и лучше. У вас и так времени мало».

Я успокоил шифровальщика, заверив его, что в следующий раз непременно так и сделаю. Между тем Гузенко долго рассматривал мой текст перед тем, как его отправить адресату. В дальнейшем, передав канадской полиции сотни зашифрованных телеграмм, Игорь Гузенко «споткнулся» на моей депеше: со мной он просчитался.

Почему я не посылал через него свои донесения? Скорее всего, я интуитивно ему не доверял. Шифровальщик вызывал во мне какое-то ничем не объяснимое неприятное чувство. Он казался мне скользким, словно змея, крайне изворотливым и в то же время не в меру услужливым человеком. Анализируя еще в Оттаве разговор с Гузенко, я почему-то задавался одним и тем же вопросом: не имеет ли он доступа к сейфу Мотинова? Этот вопрос меня мучил, и я решил устроить проверку. Я вызван «Ламонта» и приказал ему положить в сейф конверт с какими-то второстепенными материалами, сказав при этом, что завтра ему следует на целый день уехать в Торонто.

На следующее утро в десять часов я пришел в ту комнату, где находился сейф, и сел за стол, ничего не имея перед собой. Несколько раз мимо прошел Гузенко, с любопытством глядя на меня. В конце концов, он подошел ко мне и в вежливой форме спросил, не может ли чем-либо помочь. Я спросил, не знает ли он, где Мотинов. Гузенко ответил, что не имеет понятия, но, если нужно, он готов все сделать за него.

- Дело в том, — сказал я, — что вчера я положил к нему в сейф материал, а сейчас он мне срочно нужен. У вас случайно нет ключа от его сейфа?

- О чем вы говорите? — резко возразил Гузенко. — Ключ от этого сейфа только у Мотинова.

- Ну что ж, придется ждать, - успокоил я шифровальщика. - Может быть, он скоро вернется.

Проходил час за часом, а я продолжал сидеть за столом Мотинова. Несколько раз я спрашивал Гузенко, не может ли он что-нибудь сделать, чтобы открыть сейф, но он лишь пожимал плечами, делая вид, что ничего сделать не может. И все же скрыть свое волнение шифровальщик был не в состоянии.

Время текло медленно, и я уже начал терять терпение. Часы показывали четыре часа вечера. Вдруг в комнату влетел Гузенко.

— Вот, проверьте, может быть, этот ключ подойдет, — произнес он.

И ключ, естественно, подошел. Я молча открыл сейф, взял свой пакет, поблагодарил, вернул ключ и покинул помещение.

Назавтра я рассказал Мотинову о том, что Гузенко имеет доступ к его сейфу. Но он не очень-то расстроился, сказав, что шифровальщик имеет доступ к совершенно секретной переписке. Тем не менее, я ему приказал, чтобы он сменил сейф и проследил, чтобы никто, кроме него, не имел к сейфу доступа. Все-таки, как оказалось впоследствии, Мотинов не выполнил приказа. Как я уже говорил, у меня не было времени ознакомиться с содержанием сейфа. Знай я, какие государственные тайны там хранятся, непременно потребовал бы уничтожить всю секретную информацию. Между тем Гузенко продолжал донимать меня своими предложениями об услугах: «Не нужно ли мне послать какую-нибудь депешу в Центр?» Я отмалчивался. Перед отъездом я еще раз предупредил Заботина о необходимости переселить Игоря Гузенко в здание посольства и на прощание снова встретился с шифровальщиком. Наша беседа продолжалась несколько часов. Я внимательно слушал его, лишь изредка задавая несущественные вопросы. Какое-то тревожное предчувствие не покидало меня на протяжении всего разговора. Что-то неискреннее, подлое виделось мне в этом человеке. Мне показалось, что он постоянно пребывает в состоянии страха. Именно тогда, в июне 1944 года, я пришел к выводу, что Гузенко готовится к побегу. Я, конечно, отдавал себе отчет, что мое предположение основано исключительно на субъективных ощущениях и поэтому высказывать вслух свое мнение в Центре преждевременно и даже опасно. С этим сложным чувством 16 июня 1944 года я покинул Канаду и в конце июля возвратился в Советский Союз. И все же в Москве, докладывая о своей поездке тогдашнему начальнику военной разведки Ивану Ильичеву, я рассказал ему не только о своих впечатлениях о секретной миссии в Канаду, но и высказал свои опасения в отношении Гузенко. Я сказал буквально следующее: «У меня нет конкретных данных и существенных оснований обвинять шифровальщика, есть только подозрения и догадки, но все же осмелюсь предположить, что Гузенко готовится к побегу и может нас предать».

Ильичев не придавал моим словам большого значения. Более того, набросился на меня с упреками.

— Ты представляешь, что говоришь? — воскликнул он. — Разве можно так безосновательно и безответственно подозревать кого-либо. Если основываться только на подозрениях, то тогда нам всех надо отзывать из-за рубежа.

Отругав меня, Ильичев, тем не менее, на следующий день все-таки приказал составить телеграмму об отзыве Гузенко из Канады. В ней было выражено настоятельное требование о переселении шифровальщика в дом военного атташе до его отъезда из Оттавы. Именно об этой телеграмме 1944 года так много говорится в документах Королевской канадской полиции.

После разговора с Ильичевым я пошел к начальнику управления кадров полковнику С. Егорову и подтвердил свое заявление. Он тоже отнесся к моему предположению с большим сомнением, но попросил изложить все письменно. Я это сделать отказался. Так или иначе, но мои умозаключения, как оказалось впоследствии, спасли меня от ареста. Если бы я тогда не сделал этих заявлений, то наверняка после бегства Гузенко я был бы арестован, осужден и посажен.

Начались поиски сотрудника, который мог бы заменить Гузенко, и вскоре в Оттаву было решено отправить лейтенанта Кулакова. В то же время мы узнали, что Заботин так и не переселил шифровальщика в свой дом. Вот тогда-то и родилась грозная телеграмма Федора Кузнецова, заменившего Ильичева на посту начальника разведки, телеграмма, которая, вероятно, и подтолкнула Гузенко к отчаянному шагу.

Мы получили сообщение о бегстве Игоря Гузенко до того, как он попал в руки канадской полиции. А потом посыпался огромный поток телеграмм из Канады, США и других стран с описанием деталей побега и именами преданных им сотрудников ГРУ. Телеграммы шли отовсюду и от многих лиц - послов, наших резидентов, от корреспондентов советских газет и радио, аккредитованных за рубежом.

В управлении воцарилась атмосфера тревожного ожидания. Не только наши секретные агенты, но и многие видные политические деятели, в том числе и представители зарубежных компартий, были вскоре арестованы, дискредитированы, лишены работы, семьи, друзей, будущего.

Управление начали бомбардировать телефонными запросами. Высшие инстанции требовали справок, объяснений, докладов. Меня вызывал то один, то другой начальник. Потребовали и от начальника ГРУ доклада Сталину. Встал главный вопрос: что делать с Гузенко?

В управлении существовала специальная секция «Икс», занимавшаяся так называемой «активкой». Строго засекреченная, она подчинялась только начальнику ГРУ и занималась многими делами, в том числе актами «мщения» против тех, кто задумал изменить Родине или нарушить взятые на себя обязательства. Впоследствии это отделение было ликвидировано. Подробностей деятельности секции «Икс» я не знал. Знал лишь о ее существовании. Именно этой секции было поручено продумать все возможные способы наказания Гузенко. На разведывательном языке это называлось организовать «свадьбу». Сделать это можно было только с разрешения высшей инстанции, чаще всего - самого Сталина. В свое время во главе этой секции стоял человек, мало кому известный. Его кличка была «Заика». Фамилии его я и сегодня не знаю.

Сталин потребовал от начальника ГРУ и министра внутренних дел Берии подробный доклад и план мероприятий по ликвидации последствий «канадского дела». Как потом мне рассказывал начальник ГРУ, Сталин запретил предпринимать какие-либо действия по уничтожению Гузенко. Он сказал примерно следующее: «Не надо этого делать. Народы празднуют Великую Победу над врагом. Война успешно завершена. Все восхищены действиями Советского Союза. Что же о нас скажут, если мы пойдем на уничтожение предателя. Поэтому запрещаю принимать какие-либо меры в отношении Гузенко. Надо во всем разобраться и назначить специальную авторитетную комиссию. Пусть ее возглавит Маленков».

Секретным решением Политбюро была создана специальная комиссия в составе Маленкова (председатель), Берии, Абакумова, Кузнецова, Меркулова. Секретарем назначили Момулова, помощника Берии.

Гузенко, разумеется, и не подозревал о таком благоприятном для него решении Сталина. Если бы он об этом знал, то перестал бы ощущать почти животный страх, появляясь на публике или выступая по местному телевидению. Теперь, по прошествии стольких лет, я задаю себе вопрос: могла бы советская военная разведка добраться до Гузенко; несмотря на то, что его постоянно и усиленно охраняли? Анализируя подобные истории и широкие возможности разведки, не исключаю, что рано или поздно акция возмездия против него была бы успешно проведена.

Комиссия Маленкова заседала почти ежедневно с 12 часов и до позднего вечера с кратким перерывом на обед.

Заседания проходили в кабинете Берии на Лубянке. Меня вызвали в первый же день заседания комиссии. С каким чувством я направлялся туда, догадаться нетрудно. Тогда уже все достаточно хорошо знали о том, что происходило за стенами мрачного и страшного здания на Лубянской площади. Было также известно и о неограниченной власти тех, кто там работал.

Мне приказали явиться через первый подъезд. Я неоднократно бывал в этом здании в Управлении политической разведки, но через первый подъезд никогда не проходил.

Открыв дверь, я сразу почувствовал, что часовых уже известили о моем приходе. Весь пропускной механизм, как всегда, работал слаженно и безотказно, и меня пропустили, ни о чем не спрашивая и не говоря ни слова. Не успел я опомниться, как помощник Берии Момулов открыл передо мной дверь в кабинет своего шефа. Войдя, я по-военному отрапортовал: «Полковник Мильштейн явился по вашему приказанию». В комнате царило молчание, никто не ответил на мои слова. Я продолжал стоять по стойке смирно. Через какое-то время я все-таки решил оглядеться и сориентироваться. Слева от меня в дальнем углу стоял письменный стол, рядом маленький столик с батареей разноцветных телефонов. В центре кабинета находился большой прямоугольный стол для совещаний со стульями по обе стороны и председательским креслом во главе стола. В этом кресле сидел Берия, одетый в черный костюм и белую рубашку с галстуком. Он сидел словно китайский богдыхан, вобрав голову в плечи, и пристально глядел на меня через свое зловещее пенсне. Казалось, что это не пенсне, а какой-то колдовской прибор, через который он просматривал тебя насквозь. Справа от него устроился Маленков в серой гимнастерке-толстовке, безучастный, усталый, с серыми мешками под глазами. Странно было видеть такое размещение. Маленков - председатель — сидел на углу стола, а Берия занимал командное место. И мне стало ясно, что здесь царствует всесильный министр внутренних дел - Лаврентий Павлович Берия. И вовсе не случайно комиссия работала именно в его кабинете. По другую сторону стола сидели все остальные члены комиссии, большинство из них - в генеральской форме. Я заметил Кузнецова. Остальных, одетых в форму сотрудников госбезопасности, я в лицо не знал. Все эти люди смотрели на меня с хмурым и, как мне казалось, враждебным выражением. Потом, уже в процессе допроса, я обратил внимание, какими они становились подобострастными, когда к ним обращался Берия.

Затем начался допрос. Мне не предложили присесть, и я продолжал стоять по стойке смирно. Берия хлестал меня вопросами, как кнутом. Все началось с моей поездки в Канаду в 1944 году. Обращался он ко мне исключительно на «ты». Вопросы были приблизительно следующего содержания: «Кому сказал о своих подозрениях?», «Кому еще говорил об этом?», «Почему не пришел сразу же к нам, на Лубянку?» Берия интересовался, не заявлял ли я о своих подозрениях кому-нибудь в его ведомстве. Я твердо ответил, что ни с кем из его ведомства не встречался, полагая, что вполне достаточно информировать свое начальство. Меня в какой-то степени спас Кузнецов, подтвердив, что о своих подозрениях я своевременно сообщил начальнику ГРУ и начальнику кадров своего управления.

Затем посыпались вопросы о людях, которые проходили по этому делу. При этом, чтобы, видимо, поймать меня на лжи, Берия не называл фамилии, а выкрикивал только клички агентов: «Кто такой «Алек»?», «Кто такой «Ламонт»?»... Но все клички мне были знакомы, и я ни разу не ошибся в этом море псевдонимов.

Мое преимущество заключалось в том, что я в то время обладал хорошей профессиональной памятью и хранил в голове сотни имен, фамилий и кличек. Возможно, я просто был еще молодым. Мне только что исполнилось 35 лет...

Назвав около десятка имен, Берия был ошарашен моими правильными и четкими ответами, которые он сверял с лежавшей перед ним справкой.

Допрос превращался в какую-то зловещую игру. Он произносил какое-нибудь имя и тут же требовал быстрого ответа, все время пытаясь сбить меня с толку. Все остальные участники правительственной комиссии молчали, лишь иногда искоса поглядывая то на Берию, то на меня. Судя по виду Кузнецова, он был доволен моими ответами.

В конце концов, Маленков прервал Берию, произнеся своим тихим и усталым голосом:

— Лаврентий Павлович, я думаю, пока хватит. Не будем терять время. На сегодня отпустим полковника.

Берия ему не ответил. Молча еще раз перелистал лежащую перед ним справку и махнул мне рукой, давая понять, что я свободен.

Я вышел в коридор взмокший, опустошенный, взволнованный и только в машине немного пришел в себя. Все завершилось благополучно, а могло быть иначе, особенно если бы я им чем-то не понравился. И тогда — прощай работа, да что там работа — семья, товарищи, да и сама жизнь. Такие мысли бродили в моей голове, когда я возвращался на службу.

Комиссия продолжала вести расследование, и меня чуть ли не каждый день вызывали на ее заседания в самое разное время суток: и днем, и ночью.

Обычно поздно ночью (часа в два) меня вызывал Кузнецов к себе в кабинет и инструктировал, какие материалы я ему должен подготовить к одиннадцати часам утра, а сам уходил спать. Утром, в одиннадцать часов, я уже был у него, усталый и невыспавшийся. Он, отдохнувший, в это время пил чай с лимоном и с явным аппетитом поглощал сдобную булочку. Выслушав мой отчет и получив необходимые материалы, он отпускал меня, и я шел в свой кабинет (мы находились в разных зданиях). Однажды, около часа дня, он позвонил мне по правительственной связи и сказал, чтобы я никуда не отлучался и был все время у телефона. В это время мы размещались по адресу: Гоголевский бульвар, 6.

После нескольких бессонных ночей я чувствовал себя прескверно и уже с трудом воспринимал происходящее. У меня в кабинете стоял большой диван, и я решил немного отдохнуть. Адъютант куда-то отлучился. Боясь заснуть и пропустить телефонный звонок, я проглотил специальную пилюлю (когда-то эти пилюли я лично выдавал разведчикам, чтобы они бодрствовали ночью).

Я прилег на диван и, несмотря на принятое антиснотворное средство, тут же заснул мертвым сном. Сквозь дрему мне казалось, что я слышу надоедливый звонок будильника, но я не обращал внимания на этот звук, пока до моего сознания не дошло, что это телефон правительственной связи.

Я тотчас вскочил с дивана и почувствовал, как тело покрылось холодным потом. Схватив трубку, я по возможности спокойным голосом представился.

В ответ раздались крики, ругань и какие-то непонятные слова. Разговор по существу свелся к следующему:

- Я вам приказал сидеть неотлучно у телефона и ждать звонка. А вы где шатаетесь, почему вы нарушили приказ?

Сквозь нескончаемую ругань я пытался оправдаться тем, что на минуту выходил в уборную. Но брань продолжалась. Наконец Кузнецов прервал поток ругательств и приказал: «Немедленно приезжайте на Лубянку».

На этот раз я ехал туда не только в расстроенных чувствах, но и с ощущением грядущей опасности. Одним словом, я чувствовал себя на краю пропасти.

Войдя в кабинет Берии я понял, что комиссия заканчивает свою работу. На меня никто особого внимания не обратил. Члены комиссии продолжали что-то обсуждать. Фактически председательствовал опять Берия. Снова никто не предложил мне присесть, и я оставался стоять по стойке смирно. В какой-то момент Берия пристально посмотрел на меня через свое пенсне и спросил о том, что мог знать Гузенко о работе спецорганов в других странах. И я почему-то назвал фамилию Витчака. Под этим псевдонимом скрывался наш секретный агент - З.В. Литвин, хорошо знавший язык и устроившийся на работу в университет Южной Калифорнии. В то время Витчак никакой разведывательной деятельностью против Соединенных Штатов не занимался. Он проживал в этой стране по канадскому паспорту. Мы же готовили ему в Канаде новое удостоверение личности. Во время моего пребывания в США мы с ним встречались, проведя в интересной беседе целый день. Берия спросил, какие меры мы приняли для его немедленного отзыва из Соединенных Штатов. Выслушав меня, он промолчал. И это был хороший знак. Американцы, между тем, устроили за Витчаком неотступную слежку, но ему удалось благополучно вернуться в Союз, и затем он долгие годы работал в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук.

...На следующее утро после этого допроса меня снова вызвал Кузнецов. Он сидел за своим столом мрачный и чем-то недовольный.

- Ну, что нового? - спросил он меня угрюмо.

Я ничего не ответил, понимая, что вопрос задан просто так, для проформы.

- Комиссия завершила свою работу, - промолвил, выждав паузу, «Кузнецов».

Я продолжал молчать, будучи не в состоянии выдать из себя ни слова. Он тоже некоторое время сидел молча, опустив голову вниз.

- Буря пронеслась мимо нас, - наконец прервал он молчание. Но говорил он как бы не со мной, а с кем-то посторонним. - Заботин, его жена и сын арестованы, остальных решили не наказывать.

Я видел, что он сам еще не знает, правильно ли все это или нет.

Что касается меня, то я считал такое решение несправедливым. Кроме того, я не понимал, какими высшими государственными интересами можно объяснить арест ни в чем не повинных жены и сына Заботина. Но, признаюсь, не сказал ни слова, лишь ушел от Кузнецова расстроенный и подавленный.

Заботин и его семья просидели в тюрьме недолго. Выйдя из заключения, Заботин развелся со своей женой, женился вновь на простой деревенской женщине и уехал из Москвы в провинцию, где вскоре скончался. Жизнь его сына была искалечена. Что с ним в конце концов стало, я не знаю.

Что же касается Мотинова, Рогова, Соколова, то к ним судьба оказалась более благосклонна. Они продолжали работать в ГРУ, дослужились, как я уже писал, до генералов и в начале 90-х годов находились либо в отставке, либо в запасе.

Но вернемся к «герою» нашего повествования. В 1945 году в «Правде» появилась огромная статья Константина Симонова, осуждавшая поступок «иуды» Гузенко и разоблачавшая происки зарубежной печати.

В дальнейшем судьба предателя сложилась неоднозначно, и назвать ее счастливой и удачной никак нельзя. Он так и не обрел счастья на чужбине. По характеру бывший советский шифровальщик оказался очень сварливым человеком, большим склочником и сутягой. Со временем интерес к нему на Западе ослаб, он перестал привлекать к себе внимание как разведывательных органов, так и прессы. Гузенко был явно этим раздражен. Запас его знаний о советской разведке был ограничен, а новые «рассказы» на поверку оказывались надуманными и пустыми. Он начал судиться и требовать денег со всех, кто в статьях или книгах ссылался на его материалы. Впоследствии предатель стал хроническим алкоголиком и долгие годы лечился от запоев. Умер Игорь Гузенко в полном одиночестве и забвении. Мало кто помянул предателя добрым словом во время похорон, а сегодня его имя и вовсе напрочь забыто.

Так, собственно говоря, и завершилось дело Игоря Гузенко. Для многих, замешанных в этой истории, оно сыграло роковую роль. Судьбы десятков людей, проходивших по делу бывшего советского шифровальщика, были исковерканы. Люди потеряли работу, лишились средств к существованию, были дискредитированы на всю жизнь. Их семьи и дети еще долгое время испытывали на себе позор и несчастья.

Сейчас, когда уже почти полвека минуло с той поры, размышляя о мотивах предательства Гузенко, можно предположить что угодно. Конечно, свой поступок он лично объяснял благородными мотивами. Такими, как, например, желание противодействовать тирании Сталина. В составлении подобной «легенды» ему наверняка помогали представители канадских спецслужб. По правде говоря, в его поведении не было ничего оригинального. Но кто из перебежчиков или предателей, скажите на милость, когда-либо в истории объяснял свое предательство просто меркантильными интересами: пожить хорошо и красиво, получить побольше денег, вылезти из затруднительного положения или беды (отдать долг или проигрывать в рулетку, в карты, оплатить увлечение женщинами или наркотиками)?.. Полагаю, что главными побудительными мотивами предательства Гузенко были самые

обыкновенные меркантильные интересы - он просто стремился к лучшей и более сытной, чем в Советском Союзе, жизни на Западе.

ГЛАВА V ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

После Великой Победы советского народа над фашистской Германией в ГРУ (да и не только там) начался процесс освобождения аппарата правительства и всевозможных ведомств от евреев. Делалось это, естественно, под разными предлогами. Но власти, между тем, никогда не забывали при каждом удобном случае талдычить о пролетарском интернационализме. Видимо, в высших эшелонах в этот самый интернационализм никак не хотели впускать лиц еврейской национальности. Впрочем, надо признать, что в течение длительного периода в Главном разведывательном управлении на разных должностях, в том числе и в руководстве, работало много евреев. Некоторые из них действовали весьма успешно. Среди нелегалов назову имена лишь Льва (Леопольда) Треппера и Шандора Радо, о которых я уже упоминал, известных всему миру разведчиков, внесших неоценимый вклад в разгром гитлеровского рейха.

Я, тем не менее, парил в небесах и, признаюсь, не совсем трезво оценивал обстановку в стране. Может быть, потому что с раннего детства не ощущал себя евреем. Моим родным языком был русский. Я воспитывался в интернациональной среде и не знал ни истоков, ни традиций еврейской культуры. Все, что во мне осталось еврейского, — это фамилия и происхождение. Но и этого оказалось достаточно для мракобесов из Кремля.

В конце 1945 года прозвучал первый тревожный звонок. В это время я был рекомендован на должность начальника советской военной миссии в Великобритании. Прежний наш сотрудник, занимавший этот пост, погиб в авиационной катастрофе. В то время шли сложные военные переговоры с Великобританией — нашим союзником по антигитлеровской коалиции. Назначение ответственное, и поэтому оно утверждалось секретариатом ЦК ВКП(б). Наконец заседание Секретариата состоялось, было принято решение о моей командировке, и я стал готовиться к отъезду. Разумеется, главная цель моей миссии была связана с разведывательной деятельностью. Речь шла о серьезной военно-политической работе. Все было готово к отъезду, и вдруг в самый последний момент меня вызвал к себе начальник ГРУ, который, по его словам, только что вернулся от Маленкова.

Оказывается, решение секретариата ЦК ВКП (б) должно было быть подписано Георгием Максимилиановичем Маленковым, в годы войны — членом Государственного Комитета обороны, в дальнейшем, правда недолгий период, - председателем Совета Министров СССР... Обычно это было простой формальностью, но на этот раз Маленков перед тем, как окончательно подписать протокол заседания, решил его просмотреть и из десятков, а может быть, сотен фамилий ему попала на глаза моя, которая Георгию Максимилиановичу показалась неблагозвучной. Он вызвал начальника ГРУ. Тот, немного расстроенный, передал мне слова Г.М. Маленкова.

— Зачем мы начальником военной миссии за рубежом посылаем Мильштейна? — спросил Маленков. - У нас что, нет Ивановых или Петровых?

Этих слов оказалось достаточно для того, чтобы мое назначение аннулировали.

Все же, будучи «великим демократом и интернационалистом», Георгий Максимилианович при этом добавил: «Не вздумайте теперь этого Мильштейна выгонять из ГРУ. Пусть трудится. Он вроде бы неплохой работник».

Так была решена моя судьба или, вернее, так начался поворот в моей судьбе.

Брошенная Маленковым фраза неотступно преследовала меня.

Через некоторое время меня вновь вызвал начальник. Принял хорошо, усадил, даже предложил чаю. Выглядело это подозрительно, и я приготовился к худшему.

— Знаешь, — сказал он, — у меня есть хорошая работа для тебя.

Я молчал.

— Хочу предложить тебе должность заместителя начальника Военно-дипломатической академии. Как ты на это смотришь?

Я не колеблясь отказался от этого «лестного» предложения: в нем была запрягана хитрая ловушка. Дело в том, что буквально в те дни я прочел постановление ЦК ВКП (б) о создании этой академии. В постановлении отмечалось, что состав слушателей академии и преподавателей должен комплектоваться лицами коренной национальности. Под некоренными национальностями понимались, в первую очередь, евреи и иные, как говорили в царской России, инородцы. А это значило, что я недолго удержусь на этой должности. Кроме того, получалось, что меня в сравнительно молодом возрасте убирают с оперативной работы и фактически выгоняют на пенсионный покой.

Кузнецов возмутился моим отказом. Как же так? Предлагается такая почетная должность, а какой-то Мильштейн отказывается. Но я попытался дать разумное объяснение своему отказу:

— Я — оперативный работник, занимаюсь разведывательной деятельностью уже много лет и не вижу оснований для смены работы. Да и по возрасту мне еще рано идти на преподавательскую должность...

В тот момент меня оставили в управлении, и я продолжал свою работу. Но для меня это был уже второй тревожный звонок за короткий период времени. Ждать третьего было глупо, и я, улучив удобный момент, сам проявил инициативу, написавшись на учебу в Военную академию Генерального штаба. Кузнецов тут же стал возражать.

— Что ты? — говорил он. — Как же я буду работать без тебя? Ты у меня правая рука, мне без тебя никак нельзя!

Я был в полном недоумении. Как же так? Совсем недавно он хотел от меня избавиться, а теперь...

— Нет, не согласен, и забудь об этом, — сказал как отрезал Кузнецов в конце нашей беседы.

Я вернулся в свой кабинет, конечно, в полном недоумении и немного расстроенный. Но все же твердо решил через некоторое время вновь поставить вопрос об учебе.

Спустя несколько дней Кузнецов позвонил мне сам.

— Ты действительно хочешь идти учиться в академию? -спросил он.

Несколько сбитый с толку неожиданным звонком, я все-таки уверенно сказал:

— Да, конечно, без всяких сомнений.

Он повесил трубку, ничего мне не ответив. Еще через полчаса вновь раздался звонок.

— Скажи спасибо, нарком подписал приказ о твоём зачислении в академию.

Наркомом обороны в ту пору был Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский. Конечно, я был на седьмом небе от счастья и, как мог, благодарил Кузнецова.

Тем не менее, где-то внутри я не мог отделаться от чувства тревоги. Правильно ли я сделал, справлюсь ли я? Ведь для меня начинается незнакомый путь. Не опозорюсь ли на новом поприще? Что было плохого на той работе, где я трудился много лет? Я занимал высокий пост, меня знали и уважали, считались с моим мнением. Я даже мучил себя вопросом о том, не преувеличиваю ли я проблему антисемитизма в Советском Союзе?

Я пытался всячески оттянуть свой окончательный переход на учебу в академию. Но все уже было решено, и вот в возрасте тридцати шести лет я стал слушателем Академии Генерального штаба, высшего военно-учебного заведения страны. В то время такая возможность предоставлялась только командирам, отличившимся на войне. Это был самый отборный состав курса за всю историю академии. Между тем я не ошибся в своих прогнозах относительно роста антисемитизма в стране.

За короткий срок из управления и всех его звеньев были уволены или переведены на другую службу все лица еврейской национальности, то же самое произошло и в Военно-дипломатической академии. Даже упомянутый выше Витчак (Литвин), получивший назначение в эту самую академию и показавший себя блестящим преподавателем, был уволен с военной службы и отправлен на пенсию.

Итак, я оказался в Академии Генерального штаба, и судьбе было угодно, чтобы я пробыл в ней двадцать пять лет. Я об этом не только не жалею, но горжусь и вспоминаю эти годы с удовольствием.

Надо сказать, что Академия Генерального штаба — это особое военно-учебное заведение в системе всех учебных заведений Вооруженных Сил страны. Ее можно назвать своеобразным мозговым центром Генерального штаба, лабораторией Министерства обороны, в которой разрабатываются многие идеи всех видов Вооруженных Сил.

1946 год стал первым послевоенным годом, когда значение Академии Генерального штаба было восстановлено в плане ее влияния на развитие военной науки и военного искусства. В Академию принимали наиболее способных генералов и офицеров. Учиться там было престижно. Завершение учебы в этом высшем учебном заведении обычно способствовало продвижению по служебной лестнице. В «Положении» об академии говорилось, что генералы и офицеры, получившие диплом об ее окончании, берутся на особый учет Генерального штаба и получают преимущественное право на занятие командных и оперативных штабных должностей — от корпуса и выше. Должность начальника академии была приравнена к должности командующего войсками приграничного военного округа, должности заместителя начальника академии и начальников ведущих кафедр - к должности командующего армией, должности начальников остальных кафедр — к должности заместителя командующего армией. Наконец должность старшего преподавателя была приравнена к должности командира корпуса. Следует к тому же добавить, что все слушатели приема 1946 года были участниками Великой Отечественной войны. Среди них имелось немало генералов, занимавших в войсках высокие посты, вплоть до командующих армиями. После окончания академии некоторые слушатели этого набора сделали блестящую военную карьеру, став впоследствии Маршалами Советского Союза, заняв руководящие должности в армии. Например, Павел Федорович Батицкий был главкомом ПВО страны, Маршалом Советского Союза, Андрей Иванович Якубовский - командующим Объединенными Вооруженными Силами Варшавского Договора, генерал армии Павел Николаевич Павловский - командующим сухопутными войсками страны... Таких примеров можно привести великое множество.

Занятия первого набора начались 1 февраля 1946 года. А я попал в академию лишь первого апреля этого года. К тому времени слушатели уже сдали семь экзаменов, и мне необходимо было в короткий срок выдержать испытания по всем этим дисциплинам, таким, например, как: тактико-технические данные танкового артиллерийского вооружения, военно-воздушных сил, инженерных, химических войск и т.п. Запомнить все (а на подготовку к каждому экзамену отводилось два-три дня) казалось делом невозможным, но молодость и упорство победили, и я успешно, к удивлению многих, сдал экзамены. Некоторые преподаватели ко мне относились весьма критически. Слушатели (в академии училось 90 человек) в основном пришли с командных или штабных должностей, а из разведчиков нас было всего трое: я и бывшие мои начальники И. Большаков и А. Хлопов, оба генерал-майоры. Звание генерала давало им известное преимущество. Мое же положение полковника, пришедшего из разведывательного аппарата, не вызывало особого расположения у преподавателей, и время от времени они напоминали мне об этом.

Руководил академией тогда один из наиболее опытных и теоретически подготовленных военачальников — генерал армии М. В. Захаров, впоследствии Маршал Советского Союза. Матвей Васильевич долгое время оставался и начальником Генерального штаба.

Размещалась академия в те годы в здании, которое в дальнейшем, по решению Хрущева, отдали Университету дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Учеба в академии была сложной и многообразной. Большинство занятий проводилось на картах, но нередко мы выезжали на местность или принимали участие в учениях, проводимых в том или ином военном округе. Нас знакомили с отдельными новейшими образцами вооружений, в том числе авиационным и морским. Довольно подробно изучали «противника». Основным врагом в то время считались вооруженные силы США. Правда, Соединенные Штаты в те годы обладали монополией на ядерное оружие, а Советский Союз был лишь на пороге его создания. Поэтому изучению ядерного оружия в академии не придавалось решающего значения, главное внимание уделялось обычным видам вооружений. Да и военные операции изучались лишь с применением обычного оружия.

Два года учебы пролетели сравнительно быстро. Чтобы не отстать от других, я много работал, в том числе вечерами и в выходные дни, не зная покоя ни днем, ни ночью. Связи с ГРУ почти не поддерживал, время от времени встречаясь лишь с некоторыми работниками управления, так, по старой дружбе.

1 февраля 1948 года в академии начались государственные экзамены, которые я сдал успешно, за что был награжден двумя орденами. Все складывалось удачно. Семья переживала перипетии учебы вместе со мной.

Вскоре после экзаменов в академию прибыла комиссия Главного управления кадров Минобороны для распределения слушателей на работу. Первые же дни показали, что все, кто побывал на комиссии, остались довольны своими назначениями. Как правило, их назначали на ступень выше, чем до поступления в академию. Все поздравляли друг друга. Вокруг царилась атмосфера подъема и радости. Большаков уже побывал на комиссии и получил назначение военным атташе в США. Хлопов был назначен начальником кафедры в Академии Генерального штаба.

Наконец наступила и моя очередь. Меня дружелюбно провожали слушатели, уже получившие новые назначения.

Я вошел в кабинет. За столом сидел человек, представившийся «полковником Ивановым». В свою очередь я назвал свое имя и звание, и он предложил мне присесть.

- Итак, - начал полковник Иванов, глядя на меня с некоторым высокомерием, - какую же работу вы хотели бы получить после окончания академии?

Вопрос для меня оказался совершенно неожиданным. Я думал, что он сам сделает какие-то предложения, а вместо этого он спрашивал меня. Надо сказать, полковник Иванов сразу мне чем-то не понравился: то ли наглым поведением, то ли явно пренебрежительным тоном. В общем, я осознал, что между нами не может возникнуть дружеский контакт.

- Мне не совсем понятен ваш вопрос, но, честно говоря, я предполагал после окончания академии вернуться в то учреждение, которое посылало меня на учебу, - ответил я, не называя ГРУ и не указывая мою должность в этом учреждении.

- Управление, которое посылало вас на учебу, - не скрывая удовольствия, отпарировал Иванов, - отказалось от ваших услуг.

Полковник внимательно наблюдал за моей реакцией на его слова.

Я был, конечно, потрясен услышанным, и, вероятно, изменился в лице. Для меня заявление Иванова оказалось полной неожиданностью. Тем не менее, я быстро справился с волнением. «Главное сейчас, - подумал я, - не доставлять удовольствия этому негодяю».

- Ну что же, - ответил я тихим голосом, - отказалось так отказалось.

И замолчал.

Полковник тоже молчал, ожидая, что я заговорю первым. Казалось, время остановилось.

- Мы предлагаем вам, - наконец прервал он тягостное молчание, - должность начальника кафедры военной географии в Военном институте иностранных языков.

Это уже был прямой вызов, граничащий с оскорблением. До академии мне предлагали должность заместителя начальника Военно-дипломатической академии, теперь же, после окончания академии, лишь кафедру военной географии в Военном институте иностранных языков! К тому же ни по специальности, ни по опыту работы я никак не подходил на должность «главного географа»...

Нет, - ответил я без промедления. - Благодарю за оказанное доверие, но мне эта должность никак не подходит.

Ничего другого у нас для вас нет, - продолжал он своим иезуитским тоном. - Может, вы претендуете на должность начальника округа?

В его словах звучали нотки прямого издевательства.

- Я не давал вам никакого повода для такого заключения, - сказал я, поднимаясь со стула.

С этими словами, подавленный и грустный, я вышел, не попрощавшись, из комнаты. Друзья, ожидавшие меня за дверью, посмотрели на меня и тактично не задали ни одного вопроса.

Я понятия не имел, куда идти, к кому обращаться, что делать дальше. Одно было ясно: с работой мне ничего не светит. Все мои надежды оказались беспочвенными. Я еще не знал, что к тому времени все работники аппарата ГРУ еврейской национальности были уволены.

Надо было идти домой, где меня с нетерпением ждали и надеялись, что я приду и расскажу о том, какую интересную и важную работу мне сегодня предложили. Одним словом, настроение у меня было близким к отчаянию. К тому же мне не давала покоя мысль, что этот полковник непременно доложит кому надо наш разговор в искаженном свете, и я окажусь в дурацком положении.

Я решил временно ни к кому не обращаться за помощью в трудоустройстве, считая, что мне обязаны предложить работу в соответствии с моей прошлой службой и приобретенными в академии знаниями.

Шло время, но меня никто не спрашивал, никто мне не звонил. Я иногда посещал академию без причины, просто так, чтобы пообщаться с друзьями.

Наступил март, а я все еще оставался без работы. Однажды, бесцельно бродя по коридорам академии, я встретился с ее начальником, генералом армии М. В. Захаровым.

— Ты что тут делаешь? — спросил он меня.

Я решил ему все рассказать и, в частности, передал весь разговор с полковником Ивановым.

И тут мне несказанно повезло! Генерал армии пригласил меня в свой кабинет и потребовал повторить весь мой рассказ, как говорится, от «а» до «я».

Он молча слушал меня, не проронив при этом ни слова.

— Ну ладно, - в конце концов прервал молчание Матвей Васильевич, — походи подожди за дверью. Я тебя скоро вызову.

Ждать пришлось недолго. Адъютант открыл передо мной дверь в кабинет Захарова. Не приглашая сесть, генерал начал говорить:

— Тебе предлагается работа в нашей академии на должности старшего преподавателя. Учти, не всякому выпадает такая честь. С управлением кадров все согласовано. Через неделю приступай к работе. Это тебе не в ГРУ работать. Здесь все сложнее.

Он даже не спросил моего согласия. Все было ясно и без слов. Действительно, назначение - более чем почетное. Около восьмидесяти процентов преподавателей академии являлись участниками войны. Среди них были и командующие военными округами и армиями, и их заместители — начальники штабов, командиры корпусного и дивизионного звена. Средний возраст подавляющей части преподавателей - 45—55 лет.

Итак, в 38 лет я стал преподавателем Академии Генерального штаба на кафедре вооруженных сил иностранных государств. Как я уже писал, начальником кафедры был назначен генерал Хлопов. Бывший начальник агентурного отдела в ГРУ, он стал моим непосредственным руководителем.

Когда-то Хлопов пришел в наш отдел с должности начальника службы информации Главного разведывательного управления. Возможно, он хорошо справлялся с вопросами информации, но премудростей агентурной службы генерал освоить так и не сумел. Он никак не мог разобраться в именах, сложностях связи, тонкостях агентурной сети, поэтому на докладе у начальника ГРУ, генерала Кузнецова, часто терялся, многого не помнил, чем вызывал большое раздражение вышестоящего начальства. И вот судьба вновь столкнула нас - теперь уже на преподавательском поприще.

Кафедра, на которой мне предстояло работать, занималась изучением вооруженных сил иностранных государств, главным образом США, тактико-технических данных их вооружения. После 1949 года, в связи с созданием и дальнейшим развитием Северо-Атлантического блока (НАТО), кафедра постепенно перешла к изучению объединенных вооруженных сил стран-участниц этого блока.

В том же году в связи с переходом генерала армии Захарова на руководящую работу в Генеральный штаб начальником академии был назначен другой генерал армии, В. В. Курасов, занимавший до этого пост командующего Центральной группой войск в Австрии.

Надо сказать, что стиль работы Захарова и Курасова резко отличался. Захаров был резким, требовательным руководителем, который не особенно выбирал выражения при «работе» с личным составом, и, на первый взгляд, не производил впечатления интеллигентного и высокообразованного человека. Но на самом деле это был потрясающе эрудированный и всесторонне образованный военачальник. К тому же он обладал уникальным природным даром, скорее даже талантом, — быстроточения. Захаров внимательно изучал все военно-теоретические журналы, книги, сборники по военной тематике. Стол его всегда был завален литературой, генерал следил за всеми новинками военной мысли.

Он утверждал все лекции, которые читались в академии, а их было несколько сотен, а также все задания и методические разработки слушателям. При

этом на чтение текста лекции или разработки у него уходило не более 15-20 минут. Помню, он в первый же день моей работы в академии поручил, может быть для проверки, написать мне текст лекции и представить ему на утверждение. Я это сделал за неделю и отнес текст адъютанту для передачи Захарову. Через 15 минут раздался звонок, и Матвей Васильевич вызвал меня к себе. Генерал уже прочитал лекцию, нашел в ней ошибки и теперь выговаривал мне, что в будущем он таких проколов мне не простит. Я еще не знал о его умении быстро читать и был несказанно удивлен всем происходящим.

Владимир Васильевич Курасов в отличие от Захарова был подчеркнуто вежливым, культурным и весьма обходительным руководителем. Он редко выходил из себя, почти никогда не повышал голоса, в отношениях с подчиненными вел себя очень демократично. Но он, конечно, не обладал такой эрудицией и знаниями, которые были присущи Матвею Васильевичу Захарову.

В скором времени Хлопова назначили начальником Военно-дипломатической академии, а начальником нашей кафедры стал генерал-лейтенант К. Н. Деревянко, который до этого был начальником советской военной миссии в Японии (2 сентября 1945 года он вместе с американским генералом Дугласом Макартуром подписал от имени Советского Союза и Соединенных Штатов Америки пакт о безоговорочной капитуляции Страны восходящего солнца). Генерала Деревянко я знал еще до войны, мы дружили и с уважением относились друг к другу. В 1951 году он был переведен на службу в ГРУ на должность заместителя начальника управления по информации.

В академии я читал основные лекции по своей кафедре, вел научно-исследовательскую работу. В 1952 году успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата военных наук. Тема моей работы: «Военное искусство английской армии на примере боевых действий под Эль-Аламейном и операции «Маркет Гарден». В общем, надо признать, что мои дела в академии шли довольно успешно. Постепенно я завоевывал авторитет как среди преподавателей, так и среди слушателей.

В начале 1953 года как гром среди ясного неба грянуло так называемое «дело врачей», вызвавшее новую резкую волну антисемитизма во всей стране. Не могу сказать, что обстановка в академии как-то изменилась или ухудшилось отношение преподавателей и слушателей ко мне. Внешне все оставалось по-прежнему, но на душе было тревожно и мерзко. Разговоров со мной на эту тему избегали. Я продолжал проводить занятия, читал лекции, выступал на ученом совете академии...

Помнится, в то смутное время объявился некий Б.С. С 1927 по 1930 год мы с ним учились в педагогическом техникуме имени Профинтерна.

Мы как-то встретились в 1938 году, когда я вернулся в Москву из США, попытались восстановить прежние отношения, но по разным причинам из этого ничего не получилось. После войны на первой же встрече после многолетней разлуки он огорошил меня словами: «А я слышал, ты остался за рубежом, не захотел возвращаться на Родину».

Разумеется, такие слова можно было расценить либо как открытую провокацию, либо как плод большого воображения. Я с возмущением ответил: «Где же ты подбираешь такие странные сплетни?» В ответ он только усмехнулся. Мы перешли к другим темам и больше об этом не говорили, но я не забыл брошенные им вскользь слова. Вскоре наши дороги разошлись. И я, признаюсь, не жалел об этом. Но от судьбы, как говорится, не уйдешь. И вот, в самом начале 1953 года он вновь разыскал меня и почти каждый день звонил, настаивая на встрече. Наконец я сдался, согласившись на свидание. Но не понимал, чем вызвана такая его активность.

Во время первой встречи разговор вертелся главным образом вокруг двух тем. Первая касалась Сталина. Б.С. в то время работал над докторской диссертацией на тему о руководящей роли Иосифа Виссарионовича в Октябрьской революции. Он с гордостью рассказывал, что ему удалось разыскать оригинальные архивные документы, неопровержимо доказывающие решающую роль Сталина в теоретическом и практическом планах в руководстве Октябрьской революцией и в успехе восстания. Б.С. разыскал также первые исследовательские труды, из которых следовало, что именно И.В. Сталин, наряду с Лениным, а иногда и раньше его, закладывал теоретический фундамент будущего советского государства.

Вторая тема касалась еврейской проблемы. Мой визави всегда начинал с того, что подчеркивал свое хорошее отношение к евреям. «У меня всегда было много друзей среди евреев. Ты же знаешь...» - любил повторять он. Но после этих слов Б.С. начинал говорить о присущем всем евреям национализме, о том, что среди них много космополитов. Он уверял меня, что кое-кто из евреев все еще тоскует по Троцкому, многие участвуют в различных антисоветских заговорах. Не случайно, говорил он мне с пафосом, так много представителей этой национальности было в свое время осуждено и расстреляно. Б.С. с гордостью поведал мне, как в институте, где он занимал пост ректора, ему удалось раскрыть заговор студентов-евреев, и хотя ему по-человечески их было жалко, кое-кого из них пришлось арестовать, а других исключить из института.

Подобные разговоры меня настораживали. Несмотря на наше давнишнее знакомство, я был крайне осмотрителен с этим человеком и старался по возможности ему поддакивать. Так, слушая его восторженные речи о гениальности Сталина-теоретика и о его выдающейся роли в революции 1917 года, я, конечно, всячески одобрял и поддерживал все, что он говорил. И, пожалуй, не только поддерживал, но и старался сказать что-нибудь лестное в адрес «вождя и учителя». Но в отношении «еврейского вопроса» я пытался возражать и говорить о том, что евреям сегодня трудно найти работу, практически невозможно поступить в вуз по призванию, а что касается «заговоров», то не все так предельно ясно...

Эти две темы были постоянными спутниками наших прогулок.

Встречаясь с ним, я вначале почти не задумывался над тем, чем вызвана такая его активность и почему наши беседы по инициативе Б.С. сводятся в основном лишь к двум постоянным темам. Все это по времени совпало с «делом врачей». Никого из этих врачей я не знал, и, как и для всех советских людей, сообщение об их аресте прозвучало для меня совершенно неожиданно и неправдоподобно. В то время многие лица еврейской национальности были так или иначе взяты под подозрение. И в какой-то момент я осознал, что наши встречи с Б.С. имеют непосредственное отношение к «делу врачей». Он явно желает (по чьему-то заданию) проверить мое отношение к этой акции советского правительства. Но, верный своим идеалам дружбы и товарищества, пролетарского интернационализма, я всячески старался гнать от себя эти очевидные, но столь неприятные мысли.

Жил я тогда со своей семьей на Плющихе, а академия находилась у Донского монастыря. От Плющихи до места работы я любил ходить пешком. Выходил рано, примерно в 7.30 утра. Шел обычно быстрым шагом. Маршрут мой лежал по Ружейному переулку, затем по Садовой, через Крымский мост, Калужскую площадь и далее по Донской мимо крематория до места работы. И вот однажды, выйдя из дома и свернув в Ружейный переулок, мне показалось, что за мной кто-то следит. Чтобы убедиться, что это не плод моего воспаленного воображения, я проделал элементарную профессиональную уловку, и твердо убедился, что за мной открыто следят два почти одинаково одетых молодых человека. Этого еще не хватало! Серьезно обеспокоенный, я продолжал свой путь. Я пытался понять, чем вызвано такое внимание ко мне, но никаких разумных объяснений найти не мог. Неужели я за долгие годы работы в разведывательных органах не на словах, а на деле не доказал свою преданность Родине и коммунистической партии? Было до боли обидно и противно.

Невольно вспомнил, что нечто подобное уже происходило со мной в другом городе и в другой стране. Однажды я отправился на задание поздно вечером, на машине. И вдруг заметил, что за мной неотступно следует какой-то автомобиль. Я ощутил серьезную опасность. Во что бы то ни стало надо было отделаться от «хвоста». Я начал петлять, кружить по городу, но все мои усилия были напрасны. Тогда я обогнал впереди идущую машину и неожиданно сделал крутой поворот налево, на другую улицу. Автомобиль, преследовавший меня, попытался сделать то же самое, но столкнулся с такси, ехавшим навстречу. Так я ушел от слежки, но на задание, опасаясь новой провокации, уже не поехал.

Ну а сейчас?.. Что делать сейчас? Попытаться уйти от слежки? Но для чего? От кого и зачем мне уходить? Ведь я нахожусь не во вражеском окружении, а у себя дома, на Родине! Наконец я дошел до места работы. Домой я поехал уже на автобусе, но один из сопровождавших меня утром молодых людей опять следил за мной. Вечером того же дня мне снова позвонил Б.С. Мы встретились и опять говорили об одном и том же. Я уже твердо знал, почему он проявляет ко мне такой большой интерес. Было очень больно осознавать, что злоторные вирусы лицемерия, подозрительности и морального падения проникли всюду и деформировали прежние человеческие отношения.

К этому времени относится и история с оружием. У меня с войны остался немецкий пистолет — «Вальтер» с инкрустированной ручкой — подарок фронтового друга. Я решил его не сдавать по окончании войны. Думал, что всегда в случае чего можно будет оправдаться, в конце концов я — человек военный, фронтовик. О существовании пистолета со временем забыл. Когда началась история со слежкой, я стал перебирать в памяти, что у меня есть дома такого, что может быть предметом наказания. В этот момент я и вспомнил о пистолете. Рассказал об этом близкому человеку, но он мне ответил банальной фразой, которую мы всегда употребляли в те времена, когда речь заходила о подобных делах: «Зачем ты беспокоишься? Если ты ни в чем не виноват, то и волноваться нечего...» Эта заученная фраза, родившаяся еще в тридцатые годы, продолжала служить удобной приманкой для дураков. Можно было бы, конечно, пойти и сдать пистолет, но у страха глаза велики, и мне показалось, что этого делать не стоит. С другой стороны, я понимал, что, если у меня найдут пистолет (в обстановке шпиономании и всеобщей подозрительности), этого вполне будет достаточно, чтобы меня засадили в тюрьму. Тут уж никакие заслуги мне не помогут. Поэтому я решил от пистолета избавиться. В это время у меня остановился брат, приехавший из Ленинграда, где он работал директором этнографического музея, расположенного рядом со всемирно известным Русским музеем. Он полностью меня поддержал и настоял на необходимости освободиться от пистолета как можно скорее.

Я с сожалением разобрал пистолет на детали, вместе с патронами завернул его в газету, и со свертком под мышкой мы отправились вдвоем с братом на улицу в надежде найти укромное место. Мы долго бродили, пока не вышли через Бородинский мост к Москве-реке (прямо напротив Киевского вокзала, там был спуск к воде). Переглянувшись, не сговариваясь, мы пришли к одной и той же мысли, что это самое безопасное место. Подойдя прямо к реке, я разделил сверток на две части: одну отдал брату, другую взял себе. И мы по незримо сигналу одновременно бросили свертки с остатками пистолета в реку.

Как только раздался всплеск воды, поглотившей все, что осталось от моего «Вальтера», неожиданно за нашими спинами раздался резкий голос:

- Граждане! Вы что же тут делаете?.. Бросаете всякий мусор в Москву-реку!

Мы испуганно оглянулись: перед нами стоял милиционер. Как он здесь очутился, когда он успел подойти так близко к нам, понять было невозможно.

Мы оба несколько секунд что-то бессвязно бормотали, пока один из нас не выдавил: «Вот, знаете ли, мы поспорили, кто забросит камень подальше в реку».

Милиционер долго нам выговаривал и предупреждал, чтобы больше «подобных безобразий» не повторялось. Мы возвращались молча, каждый погруженный в свои мысли. Придя домой, мы никому об этой истории не рассказали. Слишком все выглядело унижительно и глупо.

У брата к тому же были свои неприятности, в той или иной мере связанные с «делом врачей».

Когда началась эта гнусная антисемитская кампания, к нему зачастили важные комиссии, в том числе из горкома и обкома партии. И вот одна из комиссий обнаружила в запаснике музея огромную медную вазу на ножке, нечто вроде шахского умывальника. Эта ваза, без сомнения, представляла большую историческую ценность. Один из членов комиссии высказал предположение, что данное произведение искусства когда-то было инкрустировано золотом, и это золото, очевидно, было снято каким-то вредителем, разумеется, «врагом народа». Учитывая тот факт, что директор принадлежал к лицам еврейской национальности, члены комиссии пришли к единодушно мнению, что золото с вазы без всяких сомнений было передано международной сионистской организации под названием «Джойнт». Конечно, во внимание не принимался тот факт, что директор - коммунист, в годы войны добровольно пошедший на фронт и раненный в боях за Родину.

Сейчас это звучит нелепо и смешно. Тогда же подобные голословные обвинения вполне могли стоить жизни. Что это за таинственная сионистская организация «Джойнт» я, как и брат, понятия не имел. Несмотря на явную нелепость предъявленных обвинений, брат до окончания полного расследования был снят с поста директора музея и исключен из партии. Над ним реально нависла угроза ареста. Он обратился с жалобой в вышестоящие инстанции, аргументированно доказывая свою невиновность, но это обращение, разумеется, никакого действия не возымело.

Тогда он написал личное письмо академику Анне Михайловне Панкратовой, поскольку она его хорошо знала по Институту Красной профессуры. А. М. Панкратова была известна в академических и общественных кругах как крупный историк. Надо отдать ей должное (я относил к ней на квартиру письмо брата), она всячески старалась помочь своему коллеге, считала всю приключившуюся с ним историю нелепой и дикой. Анна Михайловна нашла время лично обратиться с ходатайством о брате во многие инстанции, но дело не сдвигалось с мертвой точки.

И вот однажды брат, гуляя по Ленинграду, недалеко от своей прежней работы случайно встретил бывшего научного сотрудника музея (кажется, это был потомок графа Ольденбургского). Этот сотрудник много лет (еще до Октябрьской революции) проработал в музее.

- Что с вами? - спросил он, обратив внимание на печальный вид брата. - Вы больны?

Брат подробно рассказал ему историю с вазой.

-Ба! Да ведь это же я привез вазу из Ирана. Я могу легко доказать, что на ней не было ни грамма золота.

- Но как? - с замиранием сердца воскликнул брат.

- Да я же знаю, где находится подробное описание этой вазы.

Они быстро пошли в музей: один - уверенно, другой - с сомнением и зародившейся надеждой. Действительно, нашлась подробная инвентарная запись, подтверждающая, что ваза сделана из меди, и никакого золота на ней и в помине не было. Брата восстановили в партии, но на всякий случай, «для профилактики», объявили строгий выговор (за небрежное хранение дорогих экспонатов). На прежнюю работу он, конечно, претендовать уже не мог, поэтому устроился старшим научным сотрудником в Публичную библиотеку имени В. И. Ленина.

В апреле 1953 года бесславно закончилась история с врачами, хотя ее отголоски еще долго витали в воздухе. Слежка за мной прекратилась, словно

ее и не было. Б.С. с тех пор больше мне не звонил ни разу, ну а я ему, разумеется, тоже. Где он и что с ним стало - не знаю, да и знать не хочу. Мне известно только, что докторскую диссертацию он не завершил, по-видимому, помешала смерть Сталина. Так историческая наука лишилась еще одного основополагающего труда, посвященного выдающейся роли Иосифа Виссарионовича Сталина в Октябрьской революции.

Я по-прежнему работал в академии. Прошло более пяти лет с того дня, как я стал старшим преподавателем. Работать в академии было интересно, почетно, и, судя по всему, отношение ко мне было самое благожелательное, но я все чаще задумывался о своей дальнейшей судьбе. И тут произошло одно событие, которое разом решило мою участь. С должности начальника кафедры ушел генерал Деревянко, и командование академии занялось поиском кандидата на освободившуюся должность. Подключилось и ГРУ, заинтересованное в том, чтобы кафедру возглавил знакомый управлению работник.

Эту должность по штатному расписанию мог занимать только генерал. В нашей академии почти все начальники кафедр имели высокие воинские звания. Главный маршал бронетанковых войск Ротмистров, генерал-полковники Хлебников, Цирлин, Никитин, несколько генерал-лейтенантов. Время шло, но ни одна из кандидатур по тем или иным причинам не удовлетворяла требованиям командования академии. Главная причина, наверное, была в том, что намечаемые на должность кандидаты не оканчивали Академию Генерального штаба, что являлось необходимым условием для занятия этой должности.

Продолжение данной истории я пишу со слов непосредственных участников процесса поиска приемлемой кандидатуры. Генерал армии Курасов на одном из совещаний ведущих начальников кафедр рассказал о трудностях с подбором кандидата на должность начальника кафедры вооруженных сил иностранных государств и перечислил тех, кого рекомендует ГРУ. Оказывается, многие из присутствующих знали этих людей и были против их выдвижения на должность. Тогда поднялся маршал П.А. Ротмистров и, обращаясь к Курасову, сказал: «Зачем мы ищем кого-то на стороне, когда у нас есть свой кандидат». И назвал мою фамилию. Другие участники заседания поддержали Павла Алексеевича Ротмистрова. В свою очередь Владимир Васильевич Курасов согласился. Было принято решение написать представление министру обороны, чтобы избежать возможной негативной реакции Главного разведывательного управления.

Я так подробно пишу об этом только потому, что по тем временам это была весьма неординарная и смелая акция. Началось разоблачение культа личности, но туман от «дела врачей» еще не полностью рассеялся. И вот в этих условиях выдвигать меня, полковника, да еще с такой «кричащей» фамилией, не говоря уже о национальности, на должность начальника кафедры в Академии Генерального штаба, было весьма необычным и по-своему знаменательным явлением. Когда собрали весь профессорско-преподавательский состав академии, и сам начальник академии зачитал с трибуны приказ о моем утверждении, многие присутствующие не могли воздержаться от восклицаний, и в течение некоторого времени в зале стоял гул.

Возможно, в моем назначении определенную роль сыграл Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, который в то время был заместителем министра обороны и знал меня лично по Западному фронту. Но это лишь предположение.

Так или иначе, но в декабре 1953 года я был назначен начальником кафедры, которая стала называться по-новому: кафедрой разведки и вооруженных сил иностранных государств, и проработал на этой должности до 1972 года, до увольнения из Вооруженных Сил по возрасту, то есть почти двадцать лет. Пожалуй, аналогичных случаев в истории академии было не так уж много. И не потому, что я крепко держался за свою должность или отказывался от предложений перейти на другую работу. Нет, от меня ничего не зависело. Просто так сложилась моя судьба, и я ни о чем не жалею. Сколько интересных, необычных военачальников я встретил за эти годы, сколько работ было написано и издано мною за время работы в академии! Рассказать обо всем этом невозможно.

Даже простое перечисление имен тех, кто стоял во главе академии, показывает, в подчинении каких замечательных людей и крупных военных деятелей мне посчастливилось служить: Маршалы Советского Союза М.Захаров и И. Баграмян, генералы армий В. Курасов, Г. Маландин, С. Иванов, В. Иванов, А. Радзиевский и другие. Конечно, все они были разными людьми с нелегкими характерами, да и к работе каждый из них предъявлял свои требования. Тем не менее, несмотря на все мои недостатки, я в целом, видимо, отвечал их требованиям, проработав начальником кафедры 20 лет и пройдя путь от полковника до генерал-лейтенанта. В 1968 году мне присвоили ученое звание профессора.

Семья все это время жила своей жизнью и своими заботами. Старший сын Игорь в 1950 году поступил на химический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В те годы еврею поступить в Московский университет было трудно, но помогло знакомство жены с деканом факультета. Окончив университет, Игорь, однако, не получил той работы, о которой мечтал.

Еще хуже обстояли дела у младшего сына Вадима. Он в 1959 году закончил переводческий факультет Московского института иностранных языков имени Мориса Тореза по специальности переводчик английского языка. Все его товарищи давно нашли себе место под солнцем, а он все бегал в поисках работы. Куда бы он ни обращался, как только дело доходило до фамилии, ему тут же под разными предлогами давали от ворот поворот. Вадим был готов на любую работу, связанную с его специальностью. Интересно отметить, что даже заведующая отделом кадров института всячески старалась помочь ему, но и ее заступничество не принесло результатов. Вспоминаю, как однажды она позвонила ему домой и сказала, что одному из московских банков срочно нужен переводчик, дала телефон с кем надо переговорить и предупредила, чтобы он сразу же ей отзвонил по окончании беседы. Я присутствовал при этом разговоре. Сын тут же набрал номер телефона. Состоялся примерно такой диалог.

Мне сказали, что вам нужен переводчик английского языка? — спросил он.

Да, и срочно. Вы могли бы приступить к работе уже сегодня? — ответили ему.

- Я могу приступить к работе хоть сейчас.

-Тогда давайте, приходите немедленно. Мы закажем вам пропуск. Как ваша фамилия?

Как только сын назвал свою фамилию, настроение на другом конце провода резко изменилось. В конце концов, сыну сказали, что сегодня приходиться не надо, когда он понадобится, ему позвонят. Так обычно завершались и другие переговоры. Я всячески пытался ему помочь, к кому только я ни обращался, но все мои потуги оказывались тщетными. Настроение у сына было отвратительным. Вадим находился на грани срыва. И все же нашелся один добрый человек, мой бывший подчиненный, который работал редактором спортивного журнала, освещавшего проблемы спорта за рубежом. Он без всяких вопросов тут же согласился принять сына на работу. К тому времени с момента окончания им института прошло больше года. Таковы «гримасы» прошлых лет...

Где-то проблема фамилии (вернее, национальности) не играла решающей роли (как это было со мной), а где-то она служила непреодолимой преградой (как это было с моим младшим сыном). Все зависело от взглядов и убеждений тех, кто решал вопросы приема на работу. Самое

любопытное в истории с моими сыновьями было то, что оба они по паспорту числились русскими, поскольку их мать, моя жена, была русской. Даже моя внучка Оля испытала на себе «пагубное» влияние фамилии Мильштейн (мать ее тоже русская), но тем не менее с гордостью продолжала ее носить и после своего замужества. Спасибо Георгию Аркадьевичу Арбатову и его тогдашнему заместителю Виталию Владимировичу Журкину, которые помогли ей устроиться на работу в Институт США и Канады.

Дальнейшая судьба Вадима сложилась, впрочем, вполне благополучно. Он стал доктором исторических наук, проработал в Швейцарии около пяти лет и затем долгие годы трудился в одном из гуманитарных институтов Академии наук СССР.

Мои взаимоотношения с ГРУ в тот период носили сугубо формальный характер и касались главным образом получения тех или иных информационных материалов. Поскольку моя кафедра в Академии была переименована в кафедру разведки и вооруженных сил иностранных государств, мы помимо изучения «противника» выполняли теоретические задания, касающиеся вопросов стратегической и оперативной разведки. Обучали будущих специалистов принципам и методам работы с техническими средствами разведки, в том числе с космическими и радиотехническими. Меня как начальника кафедры время от времени приглашали в Главное разведывательное управление на отдельные совещания, сборы начальников разведок округов, показ новейших достижений военной техники. Конечно же, я не имел никаких контактов с агентурной службой.

В ГРУ в 60-е годы заместителем начальника управления служил мой близкий друг генерал-полковник Х. Мамсуров.

Этот необыкновенный человек, будучи в годы гражданской войны в Испании советником республиканского правительства по ведению партизанской войны, за участие в боевых действиях был награжден двумя боевыми орденами. В Испании его знали многие. Генерал общался с Эрнестом Хемингуэем, дружил с Михаилом Кольцовым, Ильей Эренбургом. Там он познакомился и со своей будущей супругой. По возвращении из Испании Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров продолжал работать в Главном разведывательном управлении.

Потом мы с ним встретились на войне. Он командовал кавалерийским корпусом и в конце 1944 года стал командующим армией. Получил звание Героя Советского Союза. Мы были близки с ним до последнего дня его жизни, и я горжусь этой дружбой.

После войны Мамсуров окончил Академию Генерального штаба и через некоторое время его приняли на работу заместителем начальника ГРУ. В то время, когда министром обороны был Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, начальником Главного разведывательного управления работал генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко.

Вот что мне в свое время поведал Мамсуров (об этом я еще никому не рассказывал). Незадолго до поездки в Югославию Г. К. Жуков вызвал его к себе и поделился с ним своим решением о формировании бригад специального назначения, исходя из возможного характера будущих военных действий в том регионе. Эти бригады должны были быть сравнительно небольшими (до двух тысяч человек), вооруженными самым совершенным и мощным легким оружием. Предполагалось собрать в единый кулак отборный, физически сильный личный состав, обученный приемам ведения ближнего боя, карате, десантированию с воздуха и пользованию современными взрывчатыми веществами. Формирование этих бригад Георгий Константинович возложил на Мамсурова.

У Хаджи-Умар Джиоровича Мамсурова был друг, которого он знал много лет, - генерал Туманян. В то время он занимал должность заместителя начальника бронетанковой академии по политической части. Туманян приходился дальним родственником Анастасу Ивановичу Микояну. Будучи женатыми на сестрах, они часто встречались и относились друг к другу по-дружески.

Мамсуров рассказал о встрече с Жуковым и его указаниях Туманяну, тот, в свою очередь, решил доложить об услышанном А.И.Микояну. Микоян, в то время первый заместитель председателя Совета Министров СССР, воспринял рассказ Туманяна очень серьезно. Первый вопрос, который, он ему задал, звучал примерно так: «А могут ли эти бригады быть выброшены с воздуха на Кремль?» Туманян ответил утвердительно.

Услышав это, Анастас Иванович поспешил на доклад к Никите Сергеевичу Хрущеву. В воспаленном воображении Микояна, воспитанного на теориях «заговоров», по-видимому, сразу родилась мысль о намерении Жукова подготовить военный переворот с помощью бригад специального назначения.

Именно в таком или примерно таком ключе он, судя по всему, доложил о разговоре Хрущеву. Тот, конечно, согласился с Микояном, испугался, и в результате Георгий Константинович Жуков был отстранен от должности министра обороны. А Сергей Матвеевич Штеменко, как протеже Жукова, был снят с должности начальника ГРУ с той поры по инициативе Первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева на должность начальника Главного разведывательного управления, понятно по какой причине, стали назначать только ответственных сотрудников КГБ.

Такое решение свидетельствовало о явном непонимании задач и обязанностей военной разведки, которые не только не совпадают, но иногда и противоречат службе контрразведки. Вначале пост начальника ГРУ занял генерал армии Герой Советского Союза И.Серов. Я несколько раз встречался по делам кафедры с генералом Серовым. Меня поражала узость, ограниченность его взглядов, и невольно возникал вопрос, как такой «маленький» (по всем меркам) человек мог дослужиться до столь ответственных постов. Кстати, высокое звание он заработал, осуществляя в 1944 году руководство незаконным выселением крымских татар, чеченцев, ингушей и других народов с их родных мест. В дальнейшем он оказался большим другом перешедшего на службу к англичанам полковника Пеньковского. Как выяснилось в ходе судебного процесса над британским шпионом, генерал армии всячески содействовал предателю в его поездках за границу, в доступе к секретным материалам.

Одним словом, этот крупный «охотник за шпионами» сам оказался в сетях у первого же встретившегося на его пути шпиона. После разоблачения Пеньковского Серов был понижен в звании до генерал-майора, лишен звания Героя Советского Союза, снят с должности и уволен в запас.

На смену Серову пришел другой ответственный представитель органов безопасности, генерал-полковник Петр Иванович Ивашутин. По-видимому, политическое руководство страны считало, что в вооруженных силах нельзя найти никого, кто бы мог возглавить военную разведку, хотя генералов в армии было несколько тысяч. Ивашутин, опытный контрразведчик, и, как некоторые утверждали, убежденный антисемит, дослужился до генерала армии и за Афганистан (наверное, за «победу в Афганистане») получил звание Героя Советского Союза, но так никто и не мог объяснить, что же именно геройского он совершил в этой стране.

П.И. Ивашутин проработал в должности начальника ГРУ более двадцати лет. Его деятельность была отмечена не только побегами ряда военных разведчиков на Запад, но и разоблачением генерал-майора Полякова, который, работая в Главном разведывательном управлении, одновременно, почти двадцать пять лет, усердно сотрудничал с американским ЦРУ. Интересно, что начальник управления кадров ГРУ тех лет генерал-лейтенант Изотов, то есть правая рука Ивашутина, оказался крупным взяточником. Как выяснилось, среди многочисленных взяток, полученных Изотовым, был и сервиз из чистого серебра, купленный на деньги ЦРУ и подаренный Поляковым Изотову за содействие в присвоении звания генерал-майора.

В 1987 году Ивашутин по возрасту ушел в отставку. И вот через столько лет наконец-то эту должность вновь занял представитель вооруженных сил, что объективно отвечало интересам военной разведки.

С Ивашутиным мне неоднократно приходилось встречаться по долгу службы. Встречи эти были, как правило, непродолжительными, и в разговоре со мной он всегда держался подчеркнуто холодно. Я знал, что Мамсуров и Большаков, которые при Ивашутине работали в аппарате ГРУ, несколько раз предлагали ему взять меня на работу, но он даже слушать об этом не хотел. Говорили они с ним не по моей инициативе, и я даже рад, что он к ним не прислушался. В управлении мне уже нечего было делать.

Но вернемся к разговору об академии. Всегда ли в академию поступали достойные люди, не было ли случаев, когда туда попадали, используя родственные связи или знакомства? Думаю, что такие моменты были весьма редки (не в пример многим высшим гражданским учебным заведениям), но об одном эпизоде я расскажу.

Во второй половине 60-х годов в академии по моей инициативе и с разрешения начальника Генерального штаба была организована специальная группа для подготовки разведчиков окружного звена и центрального аппарата.

Обычно кандидатов на поступление в академию утверждала специальная комиссия Министерства обороны, где не последнюю роль играл начальник академии.

Начальником академии в то время был генерал армии С. П. Иванов, пришедший на эту должность с поста командующего войсками Сибирского военного округа. В конце войны Семен Павлович служил начальником штаба главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке. Во время Карибского кризиса 1962 года генерал Иванов являлся заместителем начальника Генерального штаба. Этот крупный военачальник и весьма опытный штабист обладал острым умом, быстрой реакцией, широкой эрудицией, считался требовательным и строгим начальником. Работать под его руководством было интересно и поучительно. Генерал армии часто выступал на учениях и семинарах, и его лекции всегда отличались глубоким содержанием и оригинальностью.

Начинался новый набор слушателей, и проходили систематические заседания приемной комиссии. Однажды после одного из таких заседаний Иванов вызвал меня к себе.

Я увидел его взволнованно шагающим по кабинету.

— Что же это такое?! — начал Семен Павлович с восклицания. - Кого это ГРУ рекомендует в слушатели Академии Генерального штаба? Человек окончил Военный институт иностранных языков, не имеет военного образования, а его рекомендуют в слушатели. Я решительно вычеркнул его из списка. Он не достоин быть слушателем нашей академии.

Я ничего сначала не понял. Потом догадался, что речь идет о каком-то кандидате в слушатели разведывательной группы. Но Иванов меня ни о чем не спрашивал.

— Вот что, — продолжал он, - завтра поезжай к Ивашутину, расскажи ему обо всем этом и доложи мне, как они допустили такое безобразие.

Получив такое задание, я покинул кабинет начальника.

Для выяснения ситуации я вместо Ивашутина позвонил офицеру отдела кадров ГРУ и передал ему разговор с Ивановым. К моему удивлению, возмущение Семена Павловича его не поразило и не смутило. Полковник был совершенно спокоен.

— Не волнуйтесь, - сказал офицер отдела кадров. - Я завтра приеду к вам в академию и все сам объясню генералу армии.

Назавтра он явился в назначенный час и, ничего мне не объясняя, сразу же предложил пойти к начальнику академии.

Начальник встретил нас, как мне показалось, в спокойном состоянии духа, предложил располагаться, но, как только мы сели, он тут же набросился на представителя Главного разведывательного управления с возмущением: «Это безобразие, это неслыханно!..»

«Мой» полковник помалкивал и только покачивал головой, как бы в знак согласия с Ивановым.

В конце концов, Семен Павлович отошел от праведного гнева и задал резонный вопрос: «Что же вы молчите, объясните же, в чем дело?»

— Да, я с вами согласен, - тихо и спокойно ответил полковник, - но дело в том, что этот кандидат (и он назвал его фамилию) — племянник жены маршала Гречко.

А Андрей Антонович Гречко, напомним, в то время был министром обороны. Надо было видеть, как после этой фразы изменилось выражение лица Иванова. Он сидел молча, насупившись, долго пожимал плечами, стараясь как бы встряхнуться. Наконец произнес, точнее, промычал:

— Надо же было предупредить!

Он снова набросился на полковника, но на этот раз не потому, что кандидат плохой, а потому что ему заранее не сказали о его родстве с министром обороны. Родственник, конечно же, был принят...

Наступили государственные экзамены. Председателем государственной экзаменационной комиссии был назначен Маршал Советского Союза И. С. Конев, прославленный военачальник, дважды Герой Советского Союза, заместитель министра обороны. По-видимому, он заранее узнал об этом слушателе и тоже заинтересовался им. На защиту дипломной работы пришел и начальник академии Семен Павлович Иванов. Такое внимание к слушателю было необычным. Тему родственник Гречко выбрал неинтересную, и защита оказалась бледной. Я присутствовал на ней по обязанности как начальник кафедры. После выступления слушателя Конев спросил мое мнение об оценке. Я сказал, что оценка может быть хорошей.

— Не хорошей, - перебил меня резко маршал, — а отличной. После этого замечания экзаменаторы, не колеблясь, поставили оценку «отлично». Так, даже маршал Конев не удержался от общего настроения по отношению к этому слушателю, главной заслугой которого было только то, что он являлся племянником жены Гречко. После окончания академии его назначили военным атташе в одну из крупных европейских стран, а затем начальником управления Министерства обороны.

Так что и в Академию Генерального штаба иногда попадали так называемые «позвонки», то есть люди, которых принимали по телефонному звонку.

Но вот пришла пора уходить с военной службы. Не дожидаясь, когда мне об этом напомним начальство, я сам проявил инициативу и подал рапорт об увольнении.

Меня провожали на заседании ученого совета академии, членом которого я пробыл почти двадцать пять лет.

Как обычно в таких случаях, говорили теплые слова, не в меру хвалили и желали заслуженного отдыха и здоровья. Председательствовал генерал армии Иванов. Выступил и я. С одной стороны, было грустно, но, вместе с тем, я был спокоен, думая, что до полного отдыха еще далеко и я не собираюсь на покой.

Оглядываясь назад, я, конечно, глубоко благодарен, что судьба предоставила мне уникальную возможность столько лет проработать в Академии Генерального штаба среди выдающихся людей. Академия предоставляла неограниченные возможности для научной и исследовательской деятельности.

Достаточно сказать, что за время работы в академии я опубликовал более 250 авторских листов научных работ. За эти годы я познакомился со многими прекрасными людьми, которые впоследствии заняли важные посты в командовании Вооруженных Сил страны. Я неизмеримо расширил свои знания в военной области, был в курсе всего, что происходит в армии, участвовал в разработках серьезных военно-научных трудов и был в самых разных ролях почти на всех важнейших учениях и маневрах. Однажды мне даже пришлось участвовать в командно-штабном учении Объединенных Вооруженных Сил Варшавского Договора против вооруженных сил НАТО, где я «исполнял» должность начальника разведки штаба Северо-Атлантического блока. Учение проводилось под руководством Маршала Советского Союза А. А. Гречко и генерала армии А. И. Антонова: один из них был главнокомандующим объединенными силами Варшавского Договора, другой — начальником штаба.

Этот пример я привожу лишь для того, чтобы показать, в каких разных ситуациях мне приходилось бывать. В общем, я никогда не забуду и того дня, когда я оказался слушателем академии, и того, когда, по ходатайству маршала Захарова, я стал сотрудником этой академии. Годы, проведенные в академии, были, пожалуй, самыми лучшими в моей жизни.

В феврале 1972 года приказом министра обороны я был уволен в запас с правом ношения военной формы.

С ГРУ я уже давно потерял непосредственную связь и был далек от всего, что делалось в управлении. Те встречи и посещения Главного разведывательного управления, которые происходили во время работы в академии, носили ограниченный характер, касались главным образом информационных материалов и никакого отношения к агентурной работе не имели. Я вновь акцентирую на этом внимание потому, что в некоторых западных источниках меня часто представляют как работника Главного разведывательного управления. На самом же деле, моя работа в ГРУ фактически, да и формально завершилась в 1946 году,

ГЛАВА VI БЕЗОПАСНОСТЬ ДЛЯ ВСЕХ

Еще до подачи рапорта об увольнении из армии со мной беседовал Г. А. Арбатов, возглавивший только что организованный ИСКАН - Институт США и Канады АН СССР, и приглашал меня к себе на работу. После увольнения я воспользовался его приглашением, и Георгий Александрович без особых раздумий взял меня на должность старшего научного сотрудника. Так, с февраля 1972 года я стал работать в этом институте. Вскоре он предложил мне возглавить отдел военно-политических исследований. После ухода из Академии Генерального штаба, где я заведовал кафедрой, мне уже не хотелось идти на административную должность. Мы с Арбатовым пошли на компромисс: я без большой охоты согласился создать отдел и организовать его работу, чтобы после этого иметь возможность вновь вернуться на должность старшего научного сотрудника. На том и порешили. Выезд за рубеж мне на некоторое время был закрыт в силу существовавших тогда правил секретности. Язык я почти забыл, и мне надо было хорошо поработать, чтобы как-то восстановить хотя бы то немногое, что я знал прежде.

Тем не менее дела шли неплохо. Коллектив собрался интересный, отношения носили дружеский характер. Вся обстановка в институте располагала к работе. С тематикой я был более или менее знаком и довольно быстро включился в научно-исследовательскую жизнь ИСКАНа, так что перерыва между уходом из армии и началом новой работы, в сущности, не было.

Вскоре я начал принимать участие в проводимых совместно с американскими и западноевропейскими учеными симпозиумах и семинарах на различные темы, главным образом касающиеся проблем ограничения вооружений и разоружения. По этим же проблемам я стал привлекаться и в качестве эксперта.

В 1976 году мне впервые был разрешен выезд за рубеж в западную страну, до этого я выезжал только в социалистическую Венгрию на Пагуошскую конференцию.

Постепенно все ограничения на выезд были сняты, и я стал «выездным».

С того времени я участвовал в различных форумах и совещаниях, встречался с замечательными людьми. Со многими установились дружеские или приятельские отношения. Среди них оказались бывшие военные: Д.Джоунс, С.Скоукрофт, Гайлер, Кидд, адмиралы Ли, Ла Рок в США и некоторые высшие офицеры из других стран. Были налажены хорошие отношения со многими учеными Колумбийского и Гарвардского университетов, МТИ и других научных центров США.

Особое место в моей новой деятельности заняло участие в работе так называемой Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности (Комиссии Пальме).

Эта комиссия была создана осенью 1980 года по инициативе ряда государственных и общественных деятелей и, прежде всего, самого Улофа Пальме. В ее состав по приглашению инициативной группы вошли видные общественные, политические и государственные деятели из семнадцати стран Европы, Америки, Азии и Африки. Среди них были: Сайрус Вэнс - бывший государственный секретарь США, Йоп ден Ойл - лидер Партии труда, бывший премьер-министр Голландии, Эгон Бар - в то время председатель подкомитета по разоружению в бундестаге ФРГ, член президиума СДПГ, Олусегун Обасанджо - генерал, бывший президент Нигерии, Дэвид Оуэн - член парламента, бывший министр иностранных дел Великобритании, Альфонсо Гарсия-Роблес - посол, руководитель делегации Мексики в комитете по разоружению, лауреат Нобелевской премии, Салим А.Салим - министр иностранных дел Танзании, Гру Харлем Брундтланд - премьер-министр Норвегии и другие.

Таким образом, состав комиссии выглядел весьма представительным и, в известном смысле, необычно. Дело не только в том, что среди ее участников было немало людей с большим политическим и общественным опытом, причем некоторые из них занимали в прошлом или продолжали занимать в то время высокие государственные посты. Не менее существенной особенностью Комиссии явилось и ее широкое представительство. В ее состав вошли (хотя и не в официальном качестве) представители как стран НАТО, так и стран-участниц Варшавского Договора, нейтральных и неприсоединившихся государств, промышленно развитых и развивающихся стран.

Не обходилось, конечно, без конфликтов. Француз в комиссии представлял Жан-Мари Дайе - заместитель председателя Комитета по делам обороны Национального собрания, председатель Комитета по делам обороны партии «Союз за французскую демократию». Он отличался крайне правыми взглядами и почти на каждом заседании выступал с заявлениями, направленными главным образом против внешней и внутренней политики Советского Союза. В январе 1982 года во время заседания комиссии в Бонне он прислал из Парижа телеграмму, в которой заявил о своем выходе из комиссии «в связи с тем, что она подпадает под влияние советских участников и в знак протеста против вмешательства Советского Союза в польские

события». При этом, еще до отправки телеграммы, Дайе собрал в Париже пресс-конференцию, на которой выступил с обоснованием своего решения. Судя по всему, он надеялся, с одной стороны, дискредитировать комиссию в глазах общественности, а с другой — приобрести политическую популярность. Однако ни того, ни другого не получилось. Ни один член комиссии не поддержал Жана-Мари Дайе, а его попытка выдвинуть свою кандидатуру на пост лидера собственной партии провалилась.

Были назначены два научных советника комиссии. Одним из них стал Лесли Г. Гелб (США), которого в 1981 году сменил Джеймс Ф. Леонард, бывший заместитель представителя Соединенных Штатов Америки в ООН и бывший делегат США в Комитете по разоружению в Женеве. Другим научным советником был назначен я. Почему именно на меня пал выбор, точно не знаю до сих пор. В одном я абсолютно уверен: выбрали меня, конечно, не по инициативе нашей стороны. В то время подобное выдвижение могло произойти только с одобрения Международного отдела ЦК КПСС. Думаю, что необходим был авторитетный и сильный нажим, чтобы отдел дал согласие на мою кандидатуру. Предполагаю, что это было сделано, скорее всего, по рекомендации организаторов комиссии, некоторые из которых знали меня по встречам на различных международных семинарах и симпозиумах, где я выступал с докладами или с экспертными оценками.

Исполнительным секретарем Комиссии стал представитель Швеции Андерс Ферм, позднее посол Швеции при ООН. По различным вопросам с секретариатом был связан также Ганс Далгрэн - помощник Улофа Пальме. Получилось так, что я поддерживал с ними не только официальные, но и дружеские отношения. Очень приятные и добрые люди, они глубоко уважали Улофа Пальме и были ему искренне преданы.

Однажды, по-моему, в мае 1984 года, будучи в Нью-Йорке, я встретился с А. Фермом. Мы гуляли по городу и беседовали о разном. Ферм перевел разговор на тему о советских подводных лодках у берегов Швеции и, в частности, о той лодке, которая в свое время была там обнаружена. Он поинтересовался моим мнением на сей счет. Я откровенно высказал свою точку зрения, сказав, что это наверняка была навигационная ошибка, отказ аппаратуры. Кроме того, я заметил, что у Советского Союза и так много забот, чтобы еще портить отношения с нейтральной Швецией. К тому же береговые оборонные укрепления этой скандинавской страны, не являющейся членом НАТО, вряд ли представляют большой интерес для СССР. Как выяснилось впоследствии, Андерс Ферм передал наш разговор телеграммой в Стокгольм, в МИД Швеции, а там какой-то «доброжелатель» Пальме выкрал эту телеграмму из дела и передал в правую печать. Опубликованный текст вызвал в Швеции большую полемику, и я на время стал там весьма популярным человеком. Мне припомнили, конечно, службу в ГРУ и связали этот период моей жизни с участием в работе Комиссии Пальме. Но, как я уже неоднократно подчеркивал, все мои связи с Главным разведывательным управлением были давным-давно порваны и никакого отношения к этой организации я в то время не имел.

Еще ничего не зная об инциденте, я прибыл на заседание экспертов в Лондон. Улоф Пальме мне сообщил о происшедшем. При этом чувствовалось, что он беспокоится не столько о себе, сколько о том, не отразится ли эта история на моей репутации. Я ведь никого, кроме Арбатова, не проинформировал о своей беседе с Фермом. Что же касается Улофа Пальме, то, когда я спросил, как он сам реагирует на газетную шумиху, он сказал, что наскоки буржуазной печати его не пугают, он любит борьбу. Это его стихия.

Шведская пресса, между тем, достаточно долго раскручивала эту тему. Тем не менее, наши отношения с А. Фермом испорчены не были.

Ганс Далгрэн выполнял огромное количество работы по поручению Улофа Пальме. Я познакомился с его прекрасной семьей — женой Элен, умной и во всех отношениях приятной женщиной, и двумя славными девочками - Сесилией и Катариной.

Комиссией был разработан и опубликован во многих странах, в том числе и в Советском Союзе, доклад под названием «Безопасность для всех» (Common Security). Его содержание широко известно, и поэтому нет надобности на нем останавливаться. Во всяком случае новое мышление во внешней политике, характерное для современных международных отношений, во многом совпадает с теми постулатами, которые были высказаны в этом докладе. Будучи научным советником комиссии, я, как и другие эксперты и советники, принял активное участие в разработке этого документа. Думаю, что нет необходимости описывать заседания Комиссии Пальме. Их было много. Некоторые навечно остались в памяти. Так, вспоминаю, второе заседание комиссии в Вене (13—14 декабря 1980 года). Тогда я впервые познакомился с австрийским канцлером Бруно Крайским, другими высокопоставленными деятелями Альпийской республики. Крайский пригласил всех участников заседания посетить небольшое, но типичное для Вены кафе. За простыми деревянными столами возникла непринужденная обстановка. Там подавали вино местного разлива, свинину, курицу, кислую капусту... Я сел подальше от всех, и вдруг ко мне подсел Бруно Крайский, приветливый и разговорчивый человек. Он рассказал мне две любопытные истории.

В свое время, оказывается, он несколько раз наносил официальные визиты Конраду Аденауэру, канцлеру ФРГ. Крайский просил вернуть австрийское добро, вывезенное в Германию фашистами. Аденауэр отмалчивался и не давал определенного ответа. Но однажды, во время одной из последних встреч, германский канцлер рассердился на назойливого соседа. В запале гнева он сказал, что немцы уже вернули Альпийской республике все награбленное. Остались только кости Гитлера, но и эти кости, если их найдут, Германия с удовольствием вернет Австрии.

А вот другая забавная история. Однажды, прогуливаясь вечером по Вене, Крайский зашел в какое-то кафе выпить бокал вина. Он присел за столик, за которым уже находился один подвыпивший господин в простом рабочем костюме. Увидев Крайского, тот произнес: «Твоя физиономия мне очень напоминает физиономию нашего канцлера. Если бы я не был уверен, что он сюда зайти не может, то считал бы, что это он. Впрочем, ты выглядишь моложе и привлекательнее, чем канцлер». Разумеется, Бруно Крайский не стал разувещать собеседника.

Вспоминаю и посещение Ватикана и прием у Папы Римского 21 января 1984 года. На приеме стояла какая-то особая, торжественная тишина. Все говорили шепотом. Посредине огромного зала на возвышении в кресле сидел Иоанн Павел II во всем белом. Справа и слева от него стояли двое служителей — один в красной шапочке, подпоясанный красным поясом, с большим крестом на груди, другой — без шапочки.

С приветственной речью выступил Вилли Брандт. С ответным словом — Папа Римский. Потом состоялась церемония представления Иоанну Павлу II каждого из участников совместного заседания, в том числе и меня. До сих пор храню фотографию, где Папа Римский пожимает мне руку. Вилли Брандт и Улоф Пальме в дальнейшем удостоились частной аудиенции у Иоанна Павла II.

На другой день я посетил музей Ватикана, но успел посмотреть только Сикстинскую капеллу и комнаты Рафаэля. В моем распоряжении было всего три часа, и все это время я провел в этих залах. Впечатления незабываемы, полное отрешение от всего, и безграничное восхищение человеческим гением.

Были и некоторые приключения, связанные с перелетами. Вот одно из них. В ноябре 1984 года я отправлялся на очередное заседание Комиссии Пальме, которое должно было состояться в Чикаго. Маршрут был такой: 26 ноября в 12.25 — вылет из Москвы на самолете Аэрофлота, в 13.25 — прилет в Хельсинки и в 14.05 — вылет на самолете финской компании в Нью-Йорк. В Нью-Йорке меня должны были встретить. Таким образом, для

пересадки на самолет финской компании у меня был в распоряжении целый час, что считалось вполне достаточным отрезком времени. Но я забыл, что имею дело с Аэрофлотом — самой, на мой взгляд, безответственной авиационной компанией в мире.

Мой полет начался с небольшой накладки. По воле Аэрофлота, без всякого предупреждения, самолет направлялся в Хельсинки с посадкой в Риге, что удлиняло полет как раз на тот самый необходимый мне час, и, таким образом, я не успевал на нью-йоркский рейс. Изменения в рейсе происходили без всяких объяснений со стороны Аэрофлота. В Ригу мы прибыли в 13.30. Стоянка — один час. В латвийской столице повторились все пограничные формальности - проверка паспортов, самолета, багажа и т.п., а время шло, и опоздание увеличивалось.

Когда наконец мы приземлились в Хельсинки, самолет финской авиакомпании уже находился в воздухе на пути в Нью-Йорк.

Хорошо, что меня в Хельсинки все же дождалась и встретили, иначе я бы надолго (дня на два как минимум) застрял в финской столице. А так, после еще двух часов ожидания, меня, усталого и рассерженного, посадили на самолет «Бритиш Эйр Уэйз» до Лондона. В британской столице я должен был сделать пересадку на самолет «Пан-Америкэн», летевший в Нью-Йорк. На пересадку у меня было два часа, но, представьте себе, я не волновался.

Но уж если не повезло один раз, то не повезет и дальше. Не успели мы подняться в воздух и пролететь четверть часа, как старший пилот объявил по радио, что дверь в багажном отсеке, видимо, неплотно закрыта, и поэтому мы должны вернуться в Хельсинки.

Одним словом, я прилетел в лондонский аэропорт Хитроу за 15 минут до отлета самолета в Нью-Йорк. Но, чтобы попасть на этот самолет, надо было добраться на автобусе до другого здания. Служащие компании всячески старались мне помочь, и я кое-как добрался до самолета измотанный, разбитый, без багажа. Багаж прибыл лишь на второй день, вскрытый и развороченный.

Другой случай с Аэрофлотом произошел в Нью-Йорке 30 июня 1984 года. Мы прибыли в аэропорт имени Джона Кеннеди из Бостона. Причем за несколько дней до этого из Бостона позвонили в нью-йоркский офис Аэрофлота и подтвердили наш вылет в Москву. Там это подтверждение приняли. На регистрацию мы прибыли заранее, и то, что увидели у стойки, описать невозможно. Такие картины я видел только во время войны на вокзалах, когда происходила эвакуация населения. Огромная очередь с неимоверным количеством багажа. Крик, плач, истерики. У кого-то не принимают багаж, кто-то смело проходил мимо стойки с огромными сумками, и никто его не останавливал. Дошла очередь и до нас. Мы (т.е. часть делегации Академии наук) подошли к стойке, и вдруг выяснилось, что нас в списке пассажиров нет. Нет, и все! Говорят, обращайтесь в представительство Аэрофлота, а дело происходит в воскресенье, офис закрыт, и звонить некуда. Никто не хотел с нами разговаривать. Пришлось поднять скандал. Мы все же улетели, но в результате неимоверных усилий, потратив кучу нервов. Я лишний раз убедился, что ни одна авиакомпания не работает так безответственно, как Аэрофлот. Правда, трудно встретить и более странных пассажиров, чем наших соотечественников, возвращающихся из США в Советский Союз. Они похожи не на пассажиров, а на тех, кто меняет квартиру и переезжает на новое местожительство со всем мыслимым и немыслимым скарбом. Недаром «переселенцев» прозвали «пылесосами»... Удивительно точное определение!..

Во многих странах мне по тем или иным причинам приходилось бывать в наших посольствах или других официальных учреждениях (вроде миссий при ООН, как, например, в Нью-Йорке и Женеве). И если в этих организациях не было знакомых, то от посещения, как правило, оставался странный и весьма неприятный осадок.

Почти никогда не встречал я здесь доброжелательного и приветливого отношения. С первого же шага тебя окружают подозрительность, настороженность и недружелюбие, тебя рассматривают как надоедливую посетителя, пришедшего что-то выпрашивать. Во всяком случае ни в одном нашем посольстве я не чувствовал себя желанным гостем. Поэтому по возможности старался всячески избегать визитов в наши представительства, чтобы не портить себе настроение.

Такая атмосфера в посольствах царил и при Громыко, и при Шеварднадзе. Все заключалось, на мой взгляд, в культуре и в воспитании, а это не приобретается в результате смены министров иностранных дел. Может быть, сейчас что-нибудь изменилось в лучшую сторону.

... 28 февраля 1986 года в 23.30 было совершено покушение на Улофа Пальме, когда он и его супруга возвращались домой из кинотеатра. Пальме получил два смертельных ранения, и спасти его не удалось.

Он был необыкновенным, удивительным человеком. Я его глубоко уважал. Гибель шведского премьер-министра оказалась поистине невосполнимой утратой для всех, кто был заинтересован в укреплении международного сотрудничества.

Вместе с другими участниками Комиссии Пальме я был приглашен на траурную церемонию. Она состоялась в городской ратуше. Огромный зал, рассчитанный на несколько сот человек, был заполнен именитыми людьми из всех стран мира. Все было необыкновенно строго и скромно. На балконе второго этажа выстроились представители всех партий страны с красными знаменами, окаймленными черными лентами. На ступеньках лестницы разместился детский хор. Гроб с телом Улофа Пальме, покрытый живыми розами, был установлен на небольшом возвышении перед трибуной.

Траурная церемония собрала таких разных по политическим взглядам людей, которые никогда раньше не собирались вместе: главы государств, руководители партий, видные общественные и политические деятели, ученые...

Приглашенные были размещены строго по алфавиту: никакого преклонения перед именами, положением, страной...

Обращало на себя внимание полное отсутствие военных, не было почетного караула, только знаменитости.

Сама траурная церемония носила весьма своеобразный характер. Короткие выступления перемежались с музыкой, исполняемой небольшим оркестром. В зале звучали любимые песни Улофа Пальме.

С короткими речами выступили новый премьер Швеции Карлссон, король Швеции, генеральный секретарь ООН Перес де Ку-эльяр, Раджив Ганди, Калеви Сорса, Вилли Брандт... Каждый после своего выступления возлагал на гроб Улофа Пальме живую розу.

Затем все остались в зале, а гроб с телом в сопровождении родственников и близких понесли по улицам города к церкви (недалеко от места его гибели), во дворе которой он и был похоронен.

Все было скромно, торжественно и чрезвычайно печально. С тех пор Стокгольм стал для меня особым городом. Как только я оказываюсь здесь, меня захлестывает волна печальных воспоминаний об Улофе Пальме. И что бы ни происходило, по какому бы поводу я сюда ни приезжал, с кем бы ни встречался, мысль о Пальме, его образе, обаянии, приветливости, мудрости меня не покидает. И всегда я иду на место злодейского убийства, а потом и на могилу, чтобы возложить цветы.

Прошло много лет со дня его смерти, но до сих пор никто не может назвать имени убийцы. Каковы же мотивы этого преступления века?.. Оно все еще окружено странными и противоречивыми обстоятельствами.

В апреле 1989 года в Стокгольме, в гостинице Райзен, состоялось заключительное заседание Комиссии Пальме. Обстановка была сдержанная. Все понимали, что это наша последняя встреча. В прошлом оставались девять лет работы. В воздухе витала тревожная атмосфера расставания. Был

принят заключительный документ. Все с грустью говорили о том, как жалко расставаться, вспоминали Улофа Пальме... Так закончился еще один интереснейший период в моей жизни. Пребывание в Комиссии Пальме дало мне очень многое. Непосредственное участие в обсуждении самых острых проблем современности, общение со многими интересными и необычными людьми, политиками и учеными из разных стран расширило мой кругозор, позволило взглянуть на мир другими, более открытыми и более зрелыми глазами. Работа в комиссии предоставила счастливую возможность близко узнать и выслушать точки зрения руководителей и глав правительств многих государств, принимавших участие в работе комиссии. Наконец, благодаря участию в ее работе, я побывал во многих странах, которые при других обстоятельствах я, может быть, никогда не увидел. Одним словом, мне вновь очень повезло — я опять вытаскил счастливый лотерейный билет.

1992 год

Приложение

АТОМНЫЙ ПРОЕКТ

Юрий Александрович Иванов, кандидат исторических наук

Шел 1944 год - четвертый и предпоследний перед Великой Победой год кровавой и изнурительной войны с фашистской Германией. Войны не на жизнь, а на смерть, войны на выживание. Уже произошел такой важный и долгожданный для нас перелом. Уже состоялись Сталинград и Курск. Фашистские войска откатывались все дальше и дальше на Запад. Красная Армия приближалась к нашим довоенным границам, но каждый километр этого победного пути давался нелегко. Каждая пядь Отчизны была обильно полита кровью и потом наших солдат, за каждый освобожденный участок родной земли было заплачено многими жизнями.

Немалый вклад в Победу внесли наши разведчики: как те, кто на поле боя добывал бесценные сведения о находящихся по другую сторону фронта войсках противника, так и те, кого принято называть «бойцами невидимого фронта». Они в глубоком тылу врага, вдали от Родины, от дома честно и мужественно выполняли свою ответственную и нелегкую работу. Скорое окончание войны, увы, не давало поводов для того, чтобы расслабиться и перевести дух. Более того, перед разведкой вставляли новые, не менее сложные задачи, нацеленные уже в послевоенное будущее.

Еще в апреле 1943 года состоялось решение Государственного комитета обороны о начале работ по атомному проекту. Стоял вопрос о создании нового, невиданного по мощности, способного уничтожить все живое на земле оружия - атомной бомбы. Информация, которую получала в то время Москва от наших разведчиков, и которая, как мы знаем сегодня, была подлинной и достоверной, свидетельствовала об интенсивных ядерных исследованиях, ведущихся в Германии, Англии, Канаде, США. Задержка с началом работ над советским проектом грозила увеличить разрыв между нашими атомными наработками довоенного периода и американским ядерным «проектом Манхэттен», могла стать причиной нашего многолетнего отставания в этой сфере. Американцы, кстати, прогнозировали, что при самых благоприятных обстоятельствах Советский Союз сможет создать атомную бомбу не раньше 1952 года.

Возглавивший группу ученых-ядерщиков (всего около 100 человек), знаменитую сегодня «Лабораторию-2», Игорь Курчатов утверждал в этой связи: «Нельзя упускать время. Победа будет за нами, но мы должны заботиться и о будущей безопасности нашей страны». О том, что Кремль придавал вопросу создания атомной бомбы приоритетное и первостепенное значение, свидетельствует, например, тот факт, что руководитель проекта И. Курчатов был осенью 1943 года избран действительным членом Академии наук СССР. Однако было известно, что до этого его дважды «прокатывали», а «Лаборатория-2», хотя формально и осталась в составе Академии наук, на деле стала подчиняться непосредственно Совету Народных Комиссаров. Надо сказать, что сроки выполнения атомного проекта определялись не только ходом работ в Москве, в Курчатовской лаборатории, но и положением дел у наших конкурентов. Работы над «проектом Манхэттен» были строго засекречены, но уже в 1944 году нашей разведке удалось собрать достаточно сведений об успехах и проблемах американцев. Другой задачей, поставленной перед внешней разведкой, стала «охота» за передовыми технологиями, которыми в то время располагали наши союзники по антигитлеровской коалиции.

СССР нужно было укреплять свою обороноспособность, чтобы не отстать в уже начинающейся гонке вооружений от других стран. Советская атомная бомба должна была показать всему миру военную мощь и неустранимость Советского Союза, стать демонстрацией достижений социалистической общественной системы. Можно также сказать, что советский ядерный проект стал наглядным примером служения передовой науки политическому режиму.

Не стоит все же преувеличивать в этом случае значение идеологического фактора. Хотя восприятие внешнего мира Кремлем действительно вполне походило на психологию осажденной крепости, нельзя было не признать, что во все времена любые разведки мира, осуществляя свою деятельность, не проводили большого различия между противниками и союзниками. Как гласит известное выражение, приписываемое сегодня различным политикам прошлого от Пальмерстона до Черчилля, «у государств нет постоянных друзей и противников, а есть постоянные интересы», и это, видимо, еще в большей мере относится к такому специфическому инструменту государства, как разведка. Крупный американский политик и разведчик Аллен Даллес, много лет возглавлявший Центральное разведывательное управление США (1953-1961 гг.), писал о главной задаче любой разведки следующее: «Желание заранее получить информацию, несомненно, уходит корнями в инстинкт самосохранения». А когда речь идет о самом существовании государства, естественно, все остальные соображения на сей счет утрачивают свою значимость.

В этой связи правомерно, на наш взгляд, поставить вопрос, а не предохранило ли мир создание атомного оружия от самоуничтожения в серии мировых войн. Ведь только в течение первой половины уходящего XX века человечество пережило два ужаснейших мировых побоища, искромсавших и разрушивших экономические базы и социальные структуры многих стран, отобравших десятки миллионов человеческих жизней, искалечивших сотни миллионов человеческих судеб. И вполне возможно, что таких войн во второй половине столетия удалось избежать, потому что развитие науки привело к созданию принципиально нового вида оружия небывалой разрушительной мощи, сама угроза применения которого сдерживала потенциального агрессора, заставляла его всерьез подумать о неминуемом и страшном возмездии. Новых больших войн, к счастью, не состоялось. Не состоялись они не только потому, что в мире появилось атомное оружие, но прежде всего потому, что это оружие почти одновременно появилось в

военных арсеналах двух государств-антиподов, двух главных политических, военных и идеологических противников - Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. Создание советского атомного потенциала определило судьбу страны и мира на многие десятилетия. Гарантированная стабильность - это то, что обеспечивало нам ядерное оружие в течение прошедших пятидесяти лет. Признания и благодарности за это заслуживают как наши знаменитые ученые, техники и рабочие, непосредственно занятые в атомном проекте, так и советские разведчики. Можно сказать, что усилия наших сотрудников спецслужб и многих из тех американцев, снабжавших их ценной информацией, достигли цели, которую они ставили перед собой. С тех пор, как произошли события, а которых пойдет речь, минуло более столетия, и многое из того, что в те годы творилось в глубокой тайне и было известно очень узкому кругу лиц, через некоторое время стало достоянием гласности. Хотя есть немало оснований считать также, что многие факты до сих пор остаются под покровом секретности, которая всегда и везде сопровождает разведчиков и контрразведчиков.

С началом холодной войны главной задачей комитетов по антиамериканской деятельности обеих палат конгресса США была «охота на ведьм» с целью разгрома и подавления коммунистических и всех так называемых левых организаций. Нечто подобное происходило в те годы и в Канаде. Обвинения в «подрывной коммунистической деятельности» были выдвинуты против большого числа государственных служащих и общественных деятелей - от министра обороны до председателей отраслевых профсоюзных комитетов. От периода «маккартизма», названного так по имени главного гонителя «красных» - американского сенатора-республиканца от штата Висконсин Джозефа Маккарти, остались многие тома докладов и стенографических отчетов (слушаний) о заседаниях многочисленных комитетов и комиссий. Эти анналы инквизиции посвящены главным образом всяческому очернению американских «левых». Но поскольку их авторы, наряду со всеми другими смертными грехами, приписывали своим жертвам как правило и сотрудничество с советской разведкой, в этих документах подчас содержатся любопытные факты, оценки и признания именно в этой области.

Совершенно очевидно и естественно, что в годы Второй мировой войны наши разведчики немало сделали для того, чтобы добыть информацию о новейших военных технологиях за рубежом, в первую очередь в Соединенных Штатах, которые и тогда занимали в этой области самые передовые рубежи. Много было сделано в этой сфере работниками советской правительственной закупочной комиссии, костяк работников которой составляли военнослужащие. Была получена и переправлена в Москву весьма ценная информация в области танко- и авиастроения. В одном из докладов комитета палаты представителей по антиамериканской деятельности, опубликованном в 1951 году, говорилось следующее: «Сталин имел относительно промышленности США настолько же полную и подробную информацию, как и сведения, которыми располагало правительство самих Соединенных Штатов».

В значительной степени тому, что Москва была в курсе американских технических успехов, в немалой мере способствовало отношение в годы войны и послевоенный период многих американских граждан к Советскому Союзу. В СССР видели единственную силу, которая реально сражалась с нацизмом в Европе, и долгое время, по существу, в одиночку, потому что западные союзники не спешили с открытием второго фронта. Это побуждало многих американцев, и не только левых, передавать советским гражданам оборонную информацию, чтобы как-то помочь союзнику.

Необходимо отметить, что, вступая в ядерную гонку с Западом, в первую очередь, конечно же, с США, Советский Союз находился в неравных условиях. До начала войны во многих странах Запада и в Советском Союзе проводились научные исследования в ядерной области, и судьбе было угодно, чтобы после начала военных действий лучшие умы и специалисты оказались на стороне антигитлеровской коалиции. Политическое руководство США, Англии и Канады гораздо раньше Кремля оценило огромный военный потенциал таких исследований. С середины 1940 года исчезают открытые публикации по этой тематике, а усилия специалистов сосредоточиваются на поисках путей создания ядерного оружия. Позже программы и ресурсы трех стран (США, Великобритании и Канады) были объединены в «проекте Манхэттен», который осуществлялся в Соединенных Штатах. Работы по этому проекту стоили миллиарды долларов и были так законспирированы, что о них в конгрессе США знали только два человека - председатели комитетов по делам вооруженных сил.

До нападения Германии на Советский Союз в нашей стране тоже велись весьма успешные исследования в области ядерной физики. Еще в 30-е годы в институтах Москвы, Ленинграда и Харькова были выполнены работы в этой области, признанные во всем мире. Военное значение урана уже тогда не вызывало сомнений у некоторых наших физиков. К сожалению, война прервала научные исследования советских ученых. Часть экспериментальной базы оказалась либо на оккупированной немцами территории, либо осталась в блокадном Ленинграде. Не было нужных материальных средств, страна была вынуждена бросить свои лучшие научные силы на совершенствование оружия, так необходимого в тот момент фронту.

Работы по ядерной тематике, возобновленные в СССР, как отмечалось выше, в 1943 году, сразу же столкнулись с большими трудностями. Было упущено время, а наверстывать упущенное, да еще в военных условиях - очень непростая задача. Необходим был дееспособный научный коллектив, а война разбросала во все концы даже тех сравнительно немногочисленных специалистов, которые работали на этом направлении исследований до войны. Сразу же возникли сложности с необходимым сырьем и оборудованием. Может быть, единственное, в чем советские создатели ядерного оружия не испытывали недостатка, была информация о работах ученых на Западе, которой их снабжала разведка. Судя по некоторым, на сегодняшний день рассекреченным документам, речь шла о сотнях единиц информации. Между тем Курчатов сетовал на недостаток технических подробностей, хотя в то же время писал: «Естественно, что получение подробного технического материала... из Америки является крайне необходимым».

Такая высокая степень информированности советской разведки о совершенно секретных работах в ядерной области, осуществлявшихся в Соединенных Штатах, может быть объяснена только тем, что ее резиденты работали с весьма широким кругом лиц, так или иначе имевших отношение к «проекту Манхэттен». Среди них были очень разные люди. Одни оказывали помощь Советскому Союзу в силу своих убеждений. Например, Клаус Фукс, в прошлом немецкий коммунист, благодаря которому в течение нескольких лет в Москву поступала исчерпывающая информация о ходе английских, а затем и американских работ над атомной бомбой.

Но и Фукс многого не знал из-за системы суперсекретности, а также еще и потому, что ряд важных исследований проводились за пределами главных лабораторий. Были и десятки других людей, полагавших своим долгом помочь сражавшемуся с фашизмом Советскому Союзу и при этом придерживавшихся отнюдь не коммунистических убеждений. Авторы вышеупомянутого доклада комитета палаты представителей по антиамериканской деятельности с удивлением отмечали, что среди людей, сотрудничавших с советской разведкой, были «молодые американцы, воспользовавшиеся некоторыми из величайших преимуществ и выгод, которые предлагает наша страна». Доклад перечисляет несколько десятков фамилий. Но для того, чтобы понять размеры операции, уместно сослаться на мнение Анатолия Яцкова, работавшего в 40-х годах в Нью-Йорке под именем Яковлев, который утверждает, что не менее половины наших агентов, так или иначе вовлеченных в «атомные дела», так никогда и не были

разоблачены Федеральным бюро расследований.

Итак, шел 1944 год. Весной этого года Михаил Абрамович Мильштейн почти четыре месяца «путешествовал» по Соединенным Штатам Америки и Канаде. Доклад комитета по антиамериканской деятельности палаты представителей содержит любопытные сообщения о поездке Михаила Абрамовича. Он прибыл в Нью-Йорк 3 апреля под именем Михаила Мильского вместе с Григорием Косаревым: оба в качестве дипломатических курьеров. В докладе утверждалось, что контрразведке США был хорошо известен подлинный статус прибывших, и с первых же шагов по американской земле они находились «под колпаком». ФБР пристально следило за всеми передвижениями московских «гостей», их встречами и контактами. В докладе, например, приводится фактический отчет о командировке. Там говорилось о том, что М. Мильштейн прибыл в страну, чтобы проинспектировать работу ГРУ за океаном, а перед Г. Косаревым, утверждается в этом документе конгресса, были поставлены аналогичные задачи, но уже по линии НКВД.

Высокопоставленные курьеры 15 апреля отбыли в Мехико через Ларедо (шт. Техас), а 10 мая вернулись в Соединенные Штаты через пограничный пункт в Эль-Пасо (шт. Техас). В мае они побывали в Калифорнии, где инспектировали советские консульства в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, а также в Портленде (шт. Орегон). В начале июня вернулись в Нью-Йорк и выехали в Канаду, где пробыли две-три недели. В июле они снова в Нью-Йорке и Вашингтоне, а в конце месяца вылетают в Москву.

Доклад комитета не содержит никаких конкретных сведений о встречах М.А. Мильштейна с американцами в ходе этой поездки. Но в докладе канадской Королевской комиссии по борьбе со шпионажем, опубликованном в июне 1946 года, упоминаются некоторые детали его пребывания на этот раз в Канаде. Например, указывается воинское звание М.А. Мильштейна - полковник и его псевдоним «Командир». Авторы доклада Королевской комиссии сообщают, что он встречался не только со своими коллегами, работавшими под крышей посольства, но и с некоторыми агентами из числа канадских граждан. В докладе утверждается, что в ходе этих встреч его особенно интересовала возможность получения канадских паспортов и других документов для легализации агентуры.

Авторы американского доклада считают, что в общих чертах результаты инспекционной поездки М. Мильштейна и Г. Косарева известны.

Констатируется, например, что «Мильский и Косарев были удовлетворены рабочей сетью, созданной разведкой Красной Армии и НКВД в Канаде, и остались очень недовольны операционной деятельностью в Соединенных Штатах. Результатом этой инспекционной поездки стали отзыв многих лиц, действовавших в Соединенных Штатах, и их замена через некоторое время более энергичными разведывательными агентами».

Так, например, совершенно неожиданно в старых американских и канадских государственных документах можно наткнуться на сведения, которые приоткрывают завесу секретности над еще одной интересной стороной профессиональной деятельности М.А. Мильштейна. Сегодня далеко не секрет, что во имя максимального ускорения сроков создания советской атомной бомбы ученые-атомщики активно использовали в своей работе разведывательные данные, добытые за океаном. Информация, полученная подобным путем, оказала большое влияние на успех дела. Не знаем, как с точки зрения конспирации следует оценивать факт обсуждения в докладах парламентских комитетов США и Канады хода и результатов зарубежной командировки Мильштейна и Косарева, но то внимание, которое американские государственные службы уделили визиту советских эмиссаров, говорит о многом. Если же рассматривать поездку М.А. Мильштейна в Северную Америку в широком контексте советской разведывательной деятельности в этом регионе, становится понятным, что в обеспечении нашей страны информацией о новейших военных технологиях, позволившей сделать рывок вперед и вырваться из ядерного цейтнота, создать бомбу за предельно короткий срок - четыре года, есть и его, может быть, незаметный, но весьма весомый вклад.

Приложение 2

Краткая биография исторических лиц, упомянутых в мемуарах

Озолин Эдуард Янович (1898-1938). Латыш. Член Рабоче-крестьянской партии большевиков с 1919 г., в том же году вступил в Красную Армию. С мая 1924 года работал в разведывательном отделе штаба Кавказской Краснознаменной армии: старшим бухгалтером, старшим шифровальщиком. В 1926-1930 гг. - помощник начальника 1-й (шифровальной) части Разведывательного управления Рабоче-крестьянской Красной Армии, в 1930-1937 гг. - начальник шифровальной службы Разведуправления РККА. Полковой комиссар - (1935 г.). Арестован 29.11.1937 г., расстрелян 25.04.1938 г.

Берзин (настоящее имя Кюзис Петерис Берзиньш) Ян Карлович (Павел Иванович) (1889-1938). Армейский комиссар 2-го ранга - (1937 г.).

Латыш. Сын батрака. Член партии большевиков с 1905 г. С декабря 1920 г. работал в Разведуправлении РККА начальником отдела (1920-1921 гг.), заместителем начальника (1921-1924 гг.). Начальник 4-го (Разведывательного) управления (1924-1935, 1937 гг.). С апреля 1935 г. по июнь 1936 г. - заместитель командующего войсками Особой Дальневосточной армии. В 1936-1937 гг. - главный военный советник в республиканской армии в Испании. Арестован 27.10.1937 г., расстрелян 29.07.1938 г.

Урицкий Семен Петрович (1895-1938). Комкор (1935 г.). Член РСДРП с 1912 г. Организатор и командир Красной Гвардии в Одессе. Командир и комиссар кавалерийских частей 3-й армии, командир кавалерийской бригады 2-й Конной армии. В 1920 г. - начальник оперативного отдела Разведуправления Полевого штаба РВС. В 1920-1922 гг. учился в военной академии РККА, по окончании направлен в Германию на нелегальную работу (1922-1924 гг.). В 1924-1927 гг. - помощник начальника, а затем начальник и военком Московской интернациональной пехотной школы. С апреля 1935 г. по июнь 1937 г. - начальник 4-го (Разведывательного) управления Генштаба РККА. С июня 1937 г. - командующий войсками Московского военного округа. Арестован 01.11.1937 г., расстрелян 01.08.1938 г.

Вартанян Артак Арменакович (1896 - 1993). В 1913 г. поступил в Петербургский университет на физико-математический факультет. С 1914 г. призван на фронт, окончил унтер-офицерскую школу электромехаников. В апреле 1920 г. - прапорщик армянской армии. В РККА с 1920 г. - на радиотехнических

должностях. В 1928 г. окончил военно-электротехническое отделение Ленинградского Электротехнического института. В Разведуправлении РККА - с 1934 г. В командировке в США с 1934 по 1939 гг. С июля 1943 г. - заместитель начальника академических курсов РККА. С апреля 1946 г. - заместитель начальника ВА СА. Затем работал в НИИ «ОСНАЗ» МО СССР и в ЦНИИ «ОСНАЗ». Генерал-лейтенант. В мае 1958 г. уволен в запас. С 1960 по 1981 гг. - зав. Отделом научной информации института востоковедения АН СССР.

Гендин Семен Григорьевич (1902-1939). Уроженец г. Двинска. В 1920 г. окончил артиллерийские курсы. С 1921 г. - в органах ВЧК. С 1925 г. - начальник 7-го отдела КРО ОПТУ. 1926-1937 гг. - на различных должностях в НКВД. С сентября 1937г. по май 1938 г. - и.о. начальника Разведуправления РККА. Арестован 22.10.1938 г., расстрелян 23.02.1939 г.

Орлов Александр Григорьевич (1898-1940). По образованию - юрист. Служил прапорщиком царской армии. Участник гражданской войны. В результате ранения лишился ноги. В 1922-1925 гг. – преподаватель объединенной военной школы Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК). В 1925-1931 гг. - сотрудник управления делами Революционного Военного Совета Республики (РВСР). В 1931-1933 гг. - в Главном артиллерийском управлении. С 1934 г. по февраль 1935 г. - помощник военного атташе во Франции. Комдив - (1935 г.). С ноября 1935 г. по 1937 г. - военный атташе в Германии и Венгрии. С сентября 1937 г. - заместитель начальника 4-го Разведывательного управления штаба РККА. С апреля 1939 г. - начальник кафедры артиллерийской академии РККА. Арестован 30.06.1939 г. Расстрелян 24.01.1940 г.

Шалин Михаил Алексеевич (1897- 1970). В 1916 г. призван на военную службу рядовым. В июле 1917 г. окончил ускоренный курс Виленского военного училища в Полтаве. В РККА вступил добровольно в мае 1918 г. Участник гражданской войны в должностях от казначея до командира полка. В 1928 г. завершил учебу на курсах «Выстрел», в 1936 г. окончил специальный (Восточный) факультет Военной академии имени Фрунзе. Майор (1935 г.). В 1936-1938 гг. находился в распоряжении Разведуправления РККА. 1938-1939 гг. - начальник Центральной школы по подготовке командиров штаба. Полковник. В 1941 — 1945 гг. - начальник штаба 16-й и 22-й армии, 1-й танковой армии. Генерал-лейтенант. В 1953-1956 гг., 1957-1958 гг. возглавлял ГРУ ГШ Советской Армии. С 1964 г. генерал-полковник в отставке.

Ильичев Иван Иванович (1905-1983). Член ВКП (б) с 1925 г. С 1929 г. - в РККА. В мае 1938 г. окончил Военно-политическую академию им. Ленина и был назначен начальником политотдела Разведуправления РККА. Бригадный комиссар. В 1942-1945 гг. - начальник ГРУ наркомата обороны, генерал-лейтенант. С 1948 г. - на дипломатической работе. С 1975 г. - в отставке.

Проскуров Иван Иосифович (1907-1941). Член ВКП (б) с 1927 г. Окончил институт механизации и электрификации сельского хозяйства в Харькове, школу военных летчиков в Сталинграде. С 1934 г. – командир самолета 20-й тяжелой бомбардировочной эскадрильи.

Голиков Филипп Иванович (1900-1980). Маршал Советского Союза. Член РКП (б) с 1918 г. В РККА с 1918 г. Участник гражданской войны. До 1931 г. - на партийно-политической работе, затем - командир стрелкового полка, дивизии, мех. бригады, мех. корпуса, член Военного совета ВО. В 1939 г. окончил Военную академию им. Фрунзе. В 1940-1941 гг. - заместитель начальника Генерального штаба и начальник Разведуправления ГШ Красной Армии; генерал-майор. Глава советской военной миссии в Англии и США. С апреля 1943 г. - заместитель наркома обороны по кадрам, с мая 1943 г. - начальник Главного управления кадров. С 1950 г. - командующий объединением, с 1956 г. - начальник Военной академии бронетанковых войск. В 1958-1962 гг. - начальник ГлавПУ СА и ВМФ. Затем работал в Группе генеральных инспекторов МО СССР. Член ЦК КПСС в 1941-1952 и 1961-1966 гг.

Радо Шандор (Александр, «Альберт», «Дора») (1899-1981). Крупный венгерский ученый. Член компартии Венгрии, активный участник становления Венгерской советской республики. С 1919 г. - в эмиграции в Вене, затем в Германии. В 1924-1925 гг. - в Москве, картограф, с 1925-го - в Берлине, с 1933-го - во Франции, руководитель картографических агентств, сотрудник Коминтерна. С 1935 г. - сотрудник Разведуправления ГШ РККА. С 1936 г. - сотрудник, а с начала Второй мировой войны - резидент «Красной капеллы» в Швейцарии. После окончания войны отозван в Москву. Репрессирован. В 1955 г. - освобожден из мест заключения, реабилитирован. В последующие годы жил в Будапеште.

Шнейдер Христиан («Тейлор») (ок. 1896 - ?). Немец по происхождению, юрист. С 1926 г. работал в Международном Бюро Труда в Швейцарии. После прихода к власти Гитлера отказался от возвращения в Германию. Отец - помещик, жил в Германии, мать - англичанка, проживала в Англии. Завербован советской разведкой в 1942 г. 19 апреля 1942 г. арестован. Его арестом завершился окончательный разгром резидентуры «Дора». В сентябре 1944 г. был освобожден вместе с Рёсслером Р. под денежный залог и обязательство не покидать Швейцарию до суда. В октябре 1945 г. приговорен к одному месяцу тюрьмы и оплате одной восьмой стоимости судебных издержек.

Рёсслер Рудольф («Люци») (1897-1960). Судетский немец, проживал в Люцерне (Швейцария), без гражданства. Эмигрировал в Швейцарию после 1933 г., работал там директором издательства «Вита-Нова-Ферлаг». С октября 1942 г. завербован советской военной разведкой. При вербовке заявил, что работает на чешскую, швейцарскую, английскую и американскую разведки против фашистской Германии. Его информация высоко оценивалась командованием, но несколько раз через него прошла крупная дезинформация стратегического характера. В 1944 г. арестован и затем освобожден швейцарской полицией. С ноября 1944 г. его сведения имели менее ценный характер. С 1945 г. старался уклониться от проведения встреч, угрожал выдачей нашего представителя, требовал оплаты всех долгов. С марта 1946 г. советской разведкой связь с ним была прекращена.

Треппер Лев Захарович (Израиль, «Отто») (1904-1982). Член Компартии Палестины (1927), член КП Франции (1930). С 1922 г. - нелегальная деятельность по линии Коминтерна, с декабря 1936 г. привлечен на службу в Разведуправление. С 1937 г. работает в Бельгии, Франции. В ноябре 1942 г. вся резидентура в Париже арестована гестапо. Почти все арестованные стали работать с фашистами. В апреле 1943 г. «Отто» сумел передать

из тюрьмы сведения о провале. Скрывался в Париже до освобождения союзниками и затем, в январе 1945 г., переправлен в Москву.

Зорге Рихард (1895-1944). В 1917-1918 гг. - член Независимой социал-демократической партии Германии, с 1919 г. - член Компартии Германии, с 1925 г. - член ВКП (б). В 1924-1928 гг. - сотрудник аппарата Коминтерна. С 1929 г. - работа в советской разведке. В 1941 г. арестован в Японии, в 1944 г. - казнен. В 1964 г. Рихарду Зорге посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Кегель Герхард (1907 - 1989). Немец. В 1930 г. вступил в Социалистическую партию Германии. Окончил юридический факультет Бреславльского университета в 1931 г. Работал в судебной палате, затем в газете - помощником редактора политического и экономического отделов. В 1932 г. вступил в Компартию Германии. Работал в Варшаве корреспондентом до 1934 г. На идейной основе привлечен к сотрудничеству с советской военной разведкой.

По ее предложению вступил в НСДАП. В 1935-1939 гг. - референт по экономическим вопросам немецкого посольства в Польше. Затем уезжает в Берлин и работает с резидентом Ильзе Штёбе. С декабря 1939 г. - заместитель начальника экономического отдела посольства Германии в СССР. 21 июня 1941 г. сообщил о предстоящем нападении Германии на Советский Союз. В начале войны интернирован.

Абсалямов Минзакир Абдурахманович (1896-1981). В августе 1915 г. призван в армию. Старший унтер-офицер. С апреля 1919 г. - член РКП (б). С сентября 1919 г. по сентябрь 1922 г. - слушатель Военной академии РККА, одновременно с 1920 г. по 1921 г. - помощник начальника военного отдела полпредства РСФСР в Турции. С мая 1927 г. по ноябрь 1931 г. - начальник разведотдела штаба Кавказской Краснознаменной армии. В 1931-1933 гг. - командир и комиссар 1-го горнострелкового полка. В 1933-1937 гг. - военный апаши в Персии. С сентября 1937 г. по январь 1938 г. - в распоряжении Разведуправления РККА. 1938-1940 гг. - на различных должностях в Военной академии им. Фрунзе. В июне-июле 1941 г. выполнял особое задание на Юго-Западном направлении фронта, затем до 1946 г. - на различных командных должностях в Красной Армии. С апреля 1946 г. - преподаватель Военной академии Генерального штаба. Генерал-майор, доктор военных наук.

Фут Александр Аллен («Джим») (1905-1958). Англичанин. В 1936-1938 гг. боец интербригады в Испании, там же завербован советской разведкой. В 1940 г. прибыл в Швейцарию. Участие в резидентуре «Дора» заключалось главным образом в обеспечении радиосвязи с Центром. 19 ноября 1943 г. арестован швейцарской полицией во время сеанса радиосвязи. Не признал связи с разведкой, выдавал себя за радиолюбителя. 8 сентября 1944 г. вышел из тюрьмы под залог и обязательство не покидать страну. Перебрался в Париж в ноябре 1944 г., а затем в Москву (январь 1945 г.). В феврале 1947 г. принято решение использовать его для работы в советском секторе Берлина. В Швейцарии был заочно приговорен к 2,5 годам лишения свободы. В Берлине заболел, потерял связь с советской разведкой., остался без средств к существованию и в ноябре 1947 г. перебрался в английскую зону. Оттуда был отправлен в Англию, где работал служащим в министерстве сельского хозяйства и рыболовства. Опубликовал книги и статьи о работе на советскую разведку.

Вернер Рут (Гамбургер, Бертон, «Соня», наст, имя Урсула Кучински). (1907- 2000) Подполковник. Дочь крупного германского экономиста и статистика. С 1926 г. - член КПГ. С 1928 г. - работа в США, затем в Китае. В 1930-1932 гг. сотрудничала с резидентурой Р. Зорге в Шанхае. В 1933 г. прошла курс разведподготовки в СССР, после этого находилась на разведывательно-диверсионной работе в Маньчжурии, Польше, Данциге, Швейцарии, где оказала большую помощь в создании «Красной капеллы», в Великобритании, где сотрудничала с К. Фуксом по «атомному проекту». С 1950 г. проживала в ГДР.

Гузенко Игорь Сергеевич (1919-1985). Образование неполное высшее. Участник Великой Отечественной войны. Лейтенант Советской Армии. С августа 1943 г. - на работе в Канаде, шифровальщик. 6 сентября 1945 г. вместе женой стали «невозвращенцами». Передал американцам секретные документы.

Заботин Николай Иванович (1904-?). В РККА с 1921 г. Окончил 2-ю артиллерийскую школу в Москве. Служил в арtpолку на командных должностях. С 1933 г. по 1936 г. - слушатель Академии им. Фрунзе. С 1937 г. по 1940 г. работал в разведуправлении Монгольской Народной Республики. С 1940 г. - на работе в центральном аппарате ГРУ КА. С июля 1943 г. - военный апаши в Канаде.

Мотинов Петр Семенович (1907 -?). В РККА с 1926 г. Окончил объединенную военную школу им. ВЦИК в 1929 г. Командир взвода, роты, батальона. С 1935 г. по 1938 г. - слушатель Академии им. Фрунзе. С сентября 1938 г. в РУ РККА.

Рогов Василий Михайлович (1913 -?). В РККА с 1932 г. Окончил два курса техникума при ЦАГИ. В 1933 г. - школу спецслужб ВВС РККА. С 1933 г. по 1936 г. - радиотехник ЛенВО. С мая 1936 г. по сентябрь г. - правительственная командировка. С сентября 1937 г. по февраль 1938 г. - работа в Управлении ВВС РККА. С февраля г. по июль 1940 г. - слушатель Академии им. Жуковского. С июля по сентябрь 1940 г. - слушатель Академии им. Фрунзе. С сентября 1940 г. по август 1941 г. - высшая спецшкола ГШ КА. С сентября 1941 г. по август 1943 г. - работа в штабе ВВС КА. С августа 1943 г. переведен в ГРУ и назначен помощником военного атташе в Канаде.

Соколов Всеволод Сергеевич (1913 -?). Окончил Московский нефтяной техникум, три курса Московского механико-строительного института в 1937 г., Академию механизации и моторизации КА им. Сталина в 1939 г. С ноября 1939 г. - в распоряжении РУ КА. В октябре 1941 г. направлен на работу в США, в декабре того же года - в Канаду в качестве приемщика военной техники для отправки в СССР. Работал там до 1945 г.

Кузнецов Федор Федорович (1904-1979). Член ВКП(б) с 1926 г. В 1937 г. - 1-й секретарь обкома ВКП(б). С 1938 г. - на службе в РККА- В 1943-1945 гг. - начальник РУ ГШ КА, заместитель начальника Генерального штаба. Генерал-полковник (1944). С 1945 г. по 1947 г. - начальник ГРУ. С 1949 г. -

начальник Главного политического управления ВС СССР, с 1953 г. - начальник Главного управления кадров СО СССР. С 1957 г. - начальник Военно-политического управления.

Литвин. Залман Вульфович (1908-1993). В РККА с 1929 г. В 1934-1936 гг. - заместитель резидента в Северном Китае. Выезжал в Монголию и Корею. В 1937-1945 гг. - на нелегальной работе в США под именем Игнатия Самуэля Витчака. Окончил Южно-Калифорнийский университет и был оставлен в США для работы на советскую разведку. Создал обширную агентурную сеть, собиравшую информацию по США и Японии. Бежал из США после предательства И.Гузенко. Работал в Европе и до 1953 г. преподавал в Военно-дипломатической академии! в 1956-1993 гг. - научный сотрудник ИМЭМО АН СССР.

Хлопов Василий Ефимович (1900-1975). Генерал-майор в отставке. В 1925 г. окончил курсы усовершенствования командного состава бронетанковых частей РККА, в 1939 г. - Военную академию механизации и моторизации РККА (с отличием). В 1940-1941 гг. был помощником военного атташе при посольстве СССР в Германии, в 1941-1942 гг. являлся заместителем начальника отдела внешних сношений ГРУ ГШ. С февраля по ноябрь 1942 г. - начальник 2-го управления ГРУ ГШ, затем, до конца войны, - заместитель начальника ГРУ ГШ. В 1948 г. окончил Высшую военную академию им. Ворошилова и до 1950 г. работал там начальником кафедры вооруженных сил иностранных государств. В 1950-1955 гг. - заместитель начальника Военной академии Советской армии, в 1955-1959 гг. - начальник отдела информации Главного управления. С марта 1959 г. по июль 1967 г. - начальник Военной академии Советской Армии.

Деревянко Кузьма Николаевич (1904-1954). Выходец из крестьян. В РККА с августа 1922 г. В 1924-1933 гг. занимал различные командные должности в войсках Киевского военного округа. В 1936 г. закончил Военную академию им. Фрунзе и был направлен в Разведуправление РККА, по заданию которого с октября 1936 г. по май 1938 г. находился в командировке (Китай, Япония). После этой командировки -начальник отдела РУ РККА. В 1939-1940 гг. принимал участие в советско-финской войне (начальник штаба Отдельного лыжного отряда «ОСНАЗ»). В годы Великой Отечественной войны - на различных должностях в действующей армии. С августа 1945 г. по май 1950 г. - Член Союзного Совета для Японии от СССР. 2 сентября 1945 г. подписал от имени Советского правительства Акт о капитуляции Японии. Последняя должность - начальник отдела Информации ГРУ ГШ.

Мамсуров Хаджи-Умар Джиорович (1903-1968). В РККА с 1918 г. Работал в органах ВЧК, участник гражданской войны. Член РКП(б) с 1924 г. В 1935 г. окончил курсы усовершенствования по разведке при Разведуправлении РККА. В 1935-1936 гг. - в распоряжении Разведуправления. В 1936-1938 гг. - секретный уполномоченный специального отделения Разведуправления. В 1940-1941 гг. - начальник 5-го отдела РУ ГШ РККА. Во время Великой Отечественной войны - командир кавалерийской дивизии, корпуса, армии, начальник Южного штаба партизанского движения, заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения по разведке. Герой Советского Союза (1945 г.). В 1948 г. окончил Военную академию Генерального штаба. В 1957-1968 гг. - заместитель начальника ГРУ. Генерал-полковник. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Штеменко Сергей Матвеевич (1907-1976). Генерал армии (1958 г.). В Красной Армии с 1926 г. Член ВКП (б) с 1930 г. Окончил Севастопольскую школу зенитной артиллерии (1930 г.), Военную академию механизации и моторизации им. Сталина (1937 г.), Военную академию Генерального штаба (1940 г.). С 1940 г.- на работе в Генштабе РККА. С 1946 г. - заместитель начальника и начальник Главного управления ГШ. В 1948 -1952 гг. - начальник Генштаба МВС (ВМ) СССР, заместитель министра обороны СССР. С июня 1952 г. - на различных должностях в войсках и в ГШ. С 1962 г. - начальник Главного управления, заместитель начальника ГШ ВС СССР. С 1968 г. - начальник Штаба Объединенных ВС стран Варшавского Договора.

Серов Иван Александрович (1905-1990). Член ВКП (б) с 1926 г. В 1928 г. окончил Ленинградское военное училище. В 1935-1939 гг. -слушатель Военной академии им. Фрунзе. По окончании учебы работал в НКВД. В 1954-1958 гг. - председатель КГБ при Совете Министров СССР. Генерал армии. Герой Советского Союза. В 1958-1961 гг. -начальник ГРУ ГШ, затем до 1963 г. работал в Ташкенте на военных должностях. Понижен в воинском звании до генерал-майора за «утерю политической бдительности». Лишен наград Советского правительства.

Ивашутин Петр Иванович (1909- 2002). Член ВКП(б) с 1930 г. В Красной Армии; с 1931 г. Летчик. Участник советско-финской войны 1939-1940 гг. Переведен на работу в контрразведку. С 1950 г. - начальник управления контрразведки ЛенВо. С 1951 г. - на ответственных постах в органах МВД-МГБ-КГБ. С марта 1963 г. по 1987 г. - начальник ГРУ ГШ ВС СССР. Депутат ВС СССР 3-го, 7-го, 10-го созывов. Генерал армии (1971 г.). Герой Советского Союза.

Поляков Дмитрий Федорович (1921-1988). Участник Великой Отечественной войны. После войны окончил разведывательный факультет Академии им. Фрунзе, курсы Генштаба и был направлен на работу в ГРУ. В 50-е годы работал в США под прикрытием на разных должностях в ООН. В ноябре 1961 г. по собственной инициативе вступил в контакт с ФБР и начал передавать информацию о деятельности и агентуре ГРУ в США и других западных странах. Всего за время работы на американцев выдал им 19 разведчиков-нелегалов, более 150 агентов из числа иностранных граждан, раскрыл принадлежность к ГРУ и КГБ около 1500 действующих офицеров разведки. В 1974 г. получил звание генерал-майора. Был раскрыт в 1985 г. Олдричем Эймсом. Расстрелян 15.03.1988 г.

Примечание редакции. Данные об исторических лицах, приведенные в воспоминаниях М. А. Мильштейна, не всегда соответствуют вышеуказанным сведениям, любезно предоставленным компетентными органами.